

84 (зком)
В87

Зарни Люся

Дзоляньён дзольгём Журчание родника

КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗДНЕЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колич. пред. выдач

38-
563-28/IV

43-
9/с - вспомог
127 - 4/04
138 - 2/II

з ТМО т. 2250000 з. 828-90

МБУК "Ижемская МБС"

МБУК "Ижемская МБС"

Ижемская МГС"

1р17

84 (2 ком)
В87 АБ

Зарни Люся

Дзоляньён дзольгём Журчание родника

Повести и стихотворения

51984/1

Сыктывкар, 2016

Муниципальное учреждение культуры
«Ижемская
межпоселенческая
библиотечная система»

ББК 84(2=664.2)

В 87

Автор сердечно благодарит писательницу Елену Степановну Холопову за оказание помощи в составлении и редакции книги.

В 87 Втюрина Л. З. (Зарни Люся)

Дзолянълён дэольгём (Журчание родника): повести и стихотворения. Сыктывкар:
ООО «Коми республиканская типография.», 2016. - 192 с.

ISBN 978-5-7934-0694-9

Людмила Зарниевна Втюрина (Зарни Люся) представила в книге две повести о жизни коми детворы в 1940-1970-е годы на коми языке и в авторском переводе на русский язык. В повести, посвящённой маме, она поведала о судьбе девочки Лизы, выросшей в годы Великой Отечественной войны в глубоком тылу – на Прилужской земле. Повесть, посвящённую отцу, писательница создала на основе воспоминаний о своём детстве, которое прошло в мирное время на Ижемской земле. Эти художественные произведения написаны с использованием лузско-лётского и ижемского диалектов коми языка, и в книге имеется словарик. В сборник также вошли стихотворения автора о родном крае. Книга, написанная на коми языке и в переводе на русский, адресована детям среднего и старшего школьного возраста.

ББК 84(2=664.2)

ISBN 978-5-7934-0694-9

© Втюрина Л. З.

© Семяшкин С. Г., иллюстрации
© Холопова Е. С., портрет автора книги

Дзоляньён дзольгём

Дзоляньлён дзольгём

(Повесть)

Сиа менам мамлы -
Хозяинова (Лихачева) Елизавета Иосифовналы

Тятё

Коми мүё локтіс 1940-өд востя тулыс. Луннвывлань шевкнитчом Луздор районын лымайыс сыйліс водз. Районыс шусьё тадз орчча Вятка мусянь визувтысь векныйд визув Луза ю серти. Луздор районса шёрсикт Абъячойлон нимис артмёма «аб» («ыб») да «чой» кывъясысь. Сиктыс збыльысь суало ыб вывсян ләччысь крут чой бердын. Абъячой артмис некымын грэздысь. Медся важсяыс – мыльк вылын пасъкдчом Кулига.

Быд асыв Кулигаті збодера восьлало ар комынысь петём шёркодъ тушаа, восьса чужёма морт. Пельпом вылас пуксьёдома ар куим-нёля нывкаёс. Кагалён вўсныдык еджыд юрсыыс павьяло тёв йылас.

Тайо Остаповской колхозысь бригадир – Лихачёв рёдьысь петём Степан Ёгор Ёсип да Лиза нылыс. Айыс ёна любито зонка кодь збой нывсö, быдлао босътло аскöдьыс. Со и оні сыкод тишётш гёгörtö Кулигасö, чуксало йозёс удж выло. Асывнас ставыс нюжмасьёны, ноксъёны ас овмёсын. Оз тэрмасьны петны колхоз мусыс выло. Бригадирлы коло пыравны быд керкао. Сийо век тишёттö Лизалы копыртны юрсö, мед нылыс оз доймы өдзёс куричас.

Степан Ёгор Ёсипöс сиктсаяс нимтöны дедыс серти Степан Ёсипöн. Чужис сийо Абъячойын 1906 воё. Тані быдмис, велöдчис, аддзис гётырпусö Шулепов

рёдьсь. Тайё Ёпуп-ни Ёльёксанлён Солё нылыс – статя, лёсъыд мыгёра, авъя оласнога вессыкыд морт. Чужтісны найё Соломонида Александровнакöд кык нылукöс. Первойыслы сетісны веж дзоридзлъсь Роза ним, а мёдыслы бёйисны царицалъсь мича Елизавета ним. Таво збыльмис Ёсиплён медся ыджыд кёсйөм – чужис Юрий пи.

Лихачёвъяс да Шулеповъяс пырёны Луздорын куимсё во сайын овмёдчылём нэмёвойс яйзлён овъяс лыдб. Том мужичой кылёр асьсо татчёс мортён, шудайн, кор восылалёр чужан грэздт да бантё ас войтыркёд, кор кутё уджысь чорзыём ки лапаясын Лизуклъсь ичёт кияссö.

Лизалы нимкодь пукавны кёр кодь ён тятёлён пельцом вылын. Татысянь ставыс тыдалб. Татысь сийёс некод оз судзёд. Тятё – мичаник чужёма, небыд вёраса, рам да льёгёс морт. Кыдзи шуласны, гутёс оз вёрзбод. Сийё том на, но юр пыдосыс юрситём. Лиза да Роза любитёны гусьён оқыштын айыслъсь күшмём юрдзибсö. Ёсип сибыдджык да меліджык аслас гётырысь. Пыр ворсö да ноксёо тиپолыскёд, ышмёдлёр найёс.

Тятёлён Степан Ёгор айыс вёлёма карысь-олысь, юра морт. Вёчома уна бур гудёк. Лышкыд сяма мужичой олём чёжыс ётчид сёмын матькысылёма. Сэк, кор сылён десятилпнейнёй абажура лампаыс усьёма джоджё да пасьмунёма. Вывтё дона вёлёма киподтуя мортлы тайё лампаыс. Югыд битёт съокыд тэчны посни деталия гудёксö. Степан Ёгор да Надежда гётырыс Ёсип пиысь кындзи быдтёмаёс-велёдёмаёс Клавдия, Хевролля да Василиса нывъясös. Найё верстяммисны, олоны ас олёмён. Сочыяс дорё мунигён Ёсип пыр босьтö аскёд ичёт нывсö. Торйон нин радейтö Лизук пыравны бур съёлёма, варов Василис тьётлён керкаö.

Вочасён садымö Кулига грезд. Кажитчö, мый ставыс лючки-ладнö. Ни ая-ныла, ни удж вылёр петьсь йоз оз тёдны, мый виччысёй найёс водзвылын. А буретш во мысти ставыс вежсяс лёклань – виччысътöг пансяс война. Фронт вылёр иуасны Луздор районысь квайт сюрсясь на унджык мортос. Джынныс на пёвстясь оз бергёдчы гортас, сідзжё и Лизалён айыс.

Война

1941 вося тожом вайис шог юёр – заводитчис Айму вёсна Ыджыд тыш. Июль 14 лунё Луздорса военней комиссариат Лизалён айлы шунс мунны дорйыны чужайыссо фашистъясысь. Мужчойяслы колис кыдзёй воёдчыны Мураши станициядз, кёні чукортісны Комиыс фронт выло мунысьясо. Сэки автобус эз журъяв, а восьлавны подён волі вывті ылын. Та вёсна Мурашнёдз мунісны колхоза вөвьясён.

Фронт выло мёдёдчан войыс колис ёдйо. Синсо некод эз күпнлы. Югдандор Степан Ёгор Осип пуксыыліс кузь туй водзын лабичо, босытіс көлүй нопссо, петіс ывлао. Гётрыс да челядьыс мёдісны колльёдны сійо. Вит арёса Лиза вөзйысис верзьёма волён мунысь тятё доро. Сійо төдіс, мый айыс мунё кытчою ылло, но ёна эз шогсы. Долыд чужёмөн пукаліс сы водзын седлбас.

Школабердса спортплощадка вылын чукортис вель уна йоз Луздор райониса сикт-грездъясысь. Кыліс гудёкөн ворсом. Коді бордю, коді йөктө, коді сыйло «Шондібан» шылада частушкаяс. Код тёдас ловйён-ё колясны фронт выло мунысь вокъяс, веросяяс, батьяс. Гашкё, медброяясь аддзёны ёрта-ёртссо. Ставынис сыйлісны да ўйкістен бёрдігтыр. Лиза шензяна видзёдіс бордысь йоз выло. Дзоргис гөгөрбок, айыскод кнысь кио кутчысъюмой.

Шонді петіғон Розао, Лизао да ичтіңк Юрийо нүодісны узыны бабынс доро. Аскинас найё локтісны гортю, кёні волі отнас мамыс. Тятё абу гортын. Сійо нуисны фронт выло. Тадзи челядь төдмаліспы сы йылысь, мый мупо война. Тавой сійо мырддис куим челядя семьялысь вердысьсө.

Нель толысь мысти семьялы вайисны фронтсиян виччысътом юёр. Рытнас пёрө пырыс почта новлодлысь, и Сёлө мамныс пыр жо петіс картасы йөв пёдінчайи. Сылы мыччинис рудов рёма кабала, и пёдінчайыс грымгысис-усис мамлён лётмуном киясь.

Бёрыңжык Лиза унаусь лыддис тайёс дженышдик письмосо, кёні рочоп волі пасиёма: «Лихачёв Иосиф Егорович призван Прилужским РВК 14 июля 1941 года, рядовой, пропал без вести в ноябре 1941 года в ходе Московской битвы».

Сэки айкёд тшётш тышё мунёма кыксё морт, и сёмын некымынён локтёмайс бёр. Коді усьёма, кодёскö абу адзёмайс. Усьём войтыр пынсы унаёс абу стöча тöдмалёмаёс да гуалёмаёс ёти братской губ. Тадзи юрттöг вошиш Лизалён айыс.

Война ээ лок Абъячойдз, но став вынсö сиктса олысяс пунктисны фронтлы отсöгö. Лун-вой уджалисны. Челядь пыр вöллпы тшыгöс. Найё корсисны аслыныс кынёмпöt видз-му овмёссыс да вёр-васыс.

Выль вося козинъяс

Кёнкё ылын мёдёд во инн грымакылö война. Таво Лиза Лихачёва пырас велöдчыны первой классö. Велöдны найёс пондас уна челядя сиктса ань Евстолия Николаевна, Лизуклон бур тöдса. Сийё гожёмбыд видзис Евстолия Николаевналыс ичёт кагасö. Мынтём пызды нывкаöс пöttöдз вердисны.

Абъячойса школа местигчис кык стройбайын. Посни томулов ветлëсны Лизалён керкалы воча суалалыс начальной школаö. Тайё керкаас быдмис сылён дедыс, олëс тані ай-мамыскёд. Дедлён мукöдьес озырджаха олыс семьялалыс совет власыт мырдён босытс керкасö. А нёльд классянь челядь велöдчисны сикт шöрын суалалыс ыджыд школалын.

Локтис сентябр первой лун. Школа кежлё мамыс вурис нылыслы ас кыём шабді дöраалыс посни клеткаа гёрдов платтьё. Лиза радирыссы кышалис кöрт утуюпн гладитом мича платтьёсö, пунктис ас вурём дöра сумкаö выль иенал да мёдёдчис школаö. Ыло восьлавны, слабог, оз ков. Сылы воспсны сьёлём вылö и велöдьес, и велöдчан жыр. Краскайн мавтём шыллыид пöвъяса партасö Лиза юкис асйоза нывкакёд – Кирё Аннакёд. Найё зiля гиженисны тетрадьё медводдза шыпясьс. «У» шынас гижиғён Лизук шöпнитис орчён пукалалыс ёртыслы:

– Абы сiдз, кылан? Этадз, этадз колё гижены, зэв кузя колё нюжёдны «У» буквальыс визьсö.

Лизук велалис ыдждавны тшотшяяс вылын, и школалын кёсийис жё лопы мукöдьес сюсьджыкён. Кирё Анна кызвысис да гиженис сы моз. Строчкаас тöриш

сöмын некымын «У» шыпас. Евстолия Николаевна пыр жö матыстчис нывкайс дорö, видзöдліс наён тетрадьё да қрапкис:

– Оз позь тадзи гижны. Кыкнанныдылы «два» колö пуктыны!

Вöлёмкö, Лиза ачыс *непöлучки* гижома да тшöтши Аннаös ылöдлöма. Со кытчöдз вайöдіс ёртъяс вылын ыджаломыс!

Лиза велöдчис бура, эз дышöдчы. Кöсийис, медым гортса уджсö колана ногён донъялïсны велöдьсясъяс, медым бура велöдчомысъ ошкис мамыс. А нöшта нывка мöвпалис выль вося козин йылысь. Школадз на ичöt Лизук пыр завиñдьтис Роза сочлы. Сылы бура велöдчомысъ быд во вичмис выль вося козин.

Выль во кежлö школа залын вöччöдисны джуджыд коз пу. Танi велöдчысъясöс чолöмаласны да сетасны козинъяс. Евстолия Николаевна тшöктis сëки быдöнлы гораа висъставны: «Пöдарок пöлучитöм бöрас ме нöшта бурджыка кута велöдчыны!». Та бöрын по колö аттьёавны козинсыс да бöр пуксыны ас местаб.

Выль вося гаж дырий челядь чукöртчины залын. Бидöнлы вичмис козин. Долыд чужёма нывкайс да зонкаяс кутисны киясын выль тетрадь, карандаш, тетрадь листысь вöчом нейджыд кулёккö тэчом преник, мампасые да «Куколка» кампет. Войнадырся челядьлы татшöм козинсыс кажитчис вöвлытöм озырлуной.

Бöтын моз Лиза кылiс и ассыс ним-овсö:

– Лихачёва Елизавета!

Сiё радпрысь петiс дзирадалысъ коз дорö. Ачыс кутiс тöд вылын, мый колö висъставны козин босытöм бöрын. Мед не джöмдавны, лю петтöдз велöдис гортын: «Пöдарок пöлучитöм бöрас ме нöшта на бурджыка кута велöдчыны!». Но мый нöтайö? Повзöм нывкалöн кыв ни джын эз артмы, мытшъялö, кöть козинис вуджис нин сылён киясö:

– Пö...бу...пö...бу...

Челядь кутисны гигзыны, а пель йылöдз гёрдöдöм нывкалöн синвавыс петiс яндзимысла. Юрсо лэдзöмён пуксис ас местаб. Евстолия Николаевна малыштis сiёис юрёдис да бурöдис:

– Эн майшась, ставыс бур.

Стрёг велёдысь эз вомав ичёт нывкаös кывсо нылыштöмысъ. Од Лизалы талун сетисны бура велёдчомысъ медводдза козин. Оз сöмын кага, а верстё мортис вермас шойёвошны уна йёз водзын татшом тöдчана лоёмтор дырый.

Фронтлы отсöг

Отцыд тулысын гортö пыригмоз Лиза казяліс посвозд пельёссын некымын картов мешёк. Чуймис быдсөн, од тулысöдз век эз тырмы асланыс град вывpunktасыс. Торъя нин зэра воясö. Кор картупельыс сисьмё быдмигас на, му пытшас, озыр урожай эн виччысъ. Эз тырмыв и сы вöсна, мый картовсö сдайтлесны сиктса заготконтораö да деньга вылас ньоблісны лавкаысъ сёян.

Лиза пырис керкаö да шыасис мам дорö:

– Мамо, кысъ нö та мыйта картовыс?

Мамыс малыштис нылыслысъ юрсö удж-нокысъ косымём, польдом сöнъяса кинас да гораа ышловзис:

– Колхозысъ вайисны, нылö. Колё косытыны да мёдёдны фронт вылö.

Нывбаба бура тöдис, мыйта ноқыс картовиас: весавны, бöрйыны, быгёдны, некымынысъ мыськыны, пуны кышинас, пöвсавны, шöравлыны да косытыны пачын. Но эз ропкы, бура гёгёрвоис, мый медшöр могыс öнi – отсавны фронтлы. Война кадö быд семьялы сетисны картупель косытом вылö норма.

Картовсö разбёдисны посвоздж джодж пасытала, бöрйисны, пыбитисны сисьмёмсö. Мам мыськис да пус картупельсö кышинас кык ыджыд чугунын. Койдыштöм бöрын вайис чугунъяссö пызан вылö да корис челядьсö. Кык чой дыр пöвсалисны пүём картовсö да вöсниа шöравлесны. Ичётик вок отсасис налы. Уджыс пус рытывбыд. Лиза весиг эз шойччы, медым мукёдисъ унджык вöчны. Мамыс казяліс сылысъ зильёмсö да ac горувтас гусьён нюмъяліс. Ок и Лизук, пыр кёсйö медводдзаён лоны! Мамас мунёма – бöдер да уджач. А мугов синма Роза весь тятёас, кульёма и ляскёма. Мёвпяясыс сылонп пыр кёнкё ылын. Киясыс пебыдёсъ, еджыдёсъ, ньёж вёроны. Вермасыны сочкод сылы весиг абу окота. Мыйта уңгтас, си мыйта и вöчас.

Пўясалысылы кё сюрліс джынвыйй сісімөм картов, дзоньнас эз шыбит, а торйбдіс рушмөм буриңсö да чоスマсис сійён. Таыс мам эз олёт пипöвсö, од татшом картовыс косытём вылёт оз туй, чириысяс пачас. Бурдыхык сейны, а не шыбитны.

Вөсния шёрлавлём картовсö тәчисны көрт подъясо да сюйисны ваймом пачо. Еджгов рёма косытём картупельыс рутш-ратшмунё вомад. Онія чипсы сяма чоңсызд сеян воис челядьлы съёлём вылёт. Соло мамныс бура кужис косытыны сійёс. Эз дышёдчы асывнас мёдыс сюйлыны картов подъяссö пачо, медым артмис прамой кос сеян. Челядьыс тайёс чоңсыздторсö, дерт жо, видлісны, көт сейны уна мамыс эз тшёкты, од тайё колхозлён картовыс, сійёс коло ыстыны фронт вылёт.

Война помодз нёшта некымыныс вайлісны колхозыс картовсö. Кос сеянсö вочомыс сетіс кынёмпöt эз сомын салдаттыасы, но и «чипсы» дасьтысьяслы – война кадо быдмыс войтырлы.

Чоңсызд пызы

Война воясö тшёктісны колхоз ку坎ьясөс ас овмёсын видзны. Тайё воис съёлём вылёт сиктса йөзлү. Оти-кё, оз көв быд лун мунны удж вылёт, позьё ноксыны асывсянь рытöдз горт гёгөр. Мёд-кё, тайё волі быдёнлы кивыв, од колхозыс сетіснырыс ва да нур, вайисны турун, и тшотш позис вердны гортса пемёссястö. Лизалён мамыс босытіс быдтöм вылёт кызы ку坎ь. Позялуныс, майбыр, волі. Карта-гидьясис гортаныс ыджыдось, бурось.

Отчыд ковмис соғстоммёдны ку坎ьясасыс оланінсö, бырёдны висьмёдан микробияссö. Асывнас локтісны нёль колхознича да пондісны белитны картасö. Сомын вердны отсасыссыасөс волі нинёмён. Асыныс тшиг нисьё пёт олісны.

Івлалыс керкаоб пыригён Лизук кыліс мамлышыс кыпыда висьтасьом. Волёмкё, нывбабаясөс вердом могыссы колхозыс сете маобсыс кык кило рудзёг пызы. Пөсь вайн кё гудыртан юмкөров рудзёг пызысö, артмас чоңсызд да пёттөс сеян. Мам лэптіс пызы тыра тасытіс джадж вылёт, мед челядьыс эз ворзьёдлыны. Ачыс петіс белитыссыас доро.

Лизук кавшасис шоныд паччёрö. Кынёмыс сюмаліс, öд асывнас нинём прамёя эз пуктыв вомас. Джаджыйыс, кёні лажмёдчис веж петкёдан пызы тасьті, волі матын. Киас кыськё босытчис пань. Лизук сёмын кёсийс видлыны пызыльсь көрсö. Паччёрсянъ джаджйöдз судзöдчомён сїй тэрыба паныштіс рудзöг пызысö öтчиыд, мёдысь, коймёдись. Пызыс юмкёров, чоскыд, но мыллакё лемасис вом пытшкас да пиняс, сибдіс вом дорас. Някляло вазьём пызысö, а нылыштны оз вермы.

Дзуркнитіс öдзös, и керкаö пырис мамыс. Юаліс мыйкё Лизалысь, а нылыс сёмын ымзö. Кыв ни джын оз артмы.

– Мой нё, ыджыд лешак, пызысö ли мой нин сізд сёян?! – скёрмис мамыс. Сэсся кватитіс пач вом дорысь пузыр да стрёжитіс нывсö:

– Нöшта вörзьöд пуктöмасö, ме тэнöлы петкёдла пуж! Пызысö öд сетісны бурйöзсö вердны!

Лизук чепёсийис паччёр пельёсö да ланьтіс. Яндзимыслы бёрддзис. Пань нуднас кыдзкё-мыйкё весаліс вом пытишкёссо да кывсö. Мырдён нылаліс лю да синва сора пызы ёкмұльяссö. Дыр на поліс ләччыны пач вылысь. Мамыс лёсбöдіс рудзöг пызысыс сёян, пузьбöдіс самöвар. Керкаö пырисны карта белитысь нывбабаяс, и мамыс вердіс найöс.

А колхозничаяс весиг эз бырёдны сёянсö. Тасьті пыдёссын унакоды на колис. Волі мыйён чосмасыны рытинас тығчелядьлы!

Горт олысъяс

Тылын уджалісны «Всё для фронта, всё для победы!» лозунг улын. Стахановечьяс моз зілисны Читаёв, Ваймёс да мукёд посёлокъясын уджалысь вёр лэдзысьяс. Вёр дасьтан нормасö найö век тыртлісны и зілисны вочны унджык нормасыс. Тöвнас весиг колхоз уджалысьясöс ыстісны лэдзны сортöвöй вёр.

Соломонида Александровналы почта пыр воис коран кабала. Нинём он вöч, колё мёдёдчыны туйё. Аски нүодасны вёр лэдзан Ваймёс посёлокö. Нывбаба жуғыля шыасис челядьыс дорö:

– Коло кывзысыны власытсö. Дзескыднö нуасны, ог кö мун вöрас. Тияплö, бобояс, ковмас метöгъя ольштып. Роза ылжыд нин, пачсö күжö ломтыны.

Сэсся ышловзьёмён содтис:

– Отчыд вежоннас лэдзлёны гортö. Шойчан лунö лэччыла.

Тадзи кöдзыйд тёлыңт чоя-вока колисны керкаын öтнаныс. Быдрыт Роза кузь пузырйён тэчис роч пачбö пес. Асывнас ломтис пачсö да пусис. Эз тишигйöд Лизаöс да Юрийöс. Верстё моз горт гёгёр бергалис. Сочыс да вокыс отсасисны сылы, а прöст кадё исласисны ывлавын, туркодчисны ёргъяскöд лымыйн, вöчисны лымморутъяс. Дзикöдз кынмасны да пырасны шоныд керкаö. Роза гежёда петавлïс накöд ывла вылö. Лышикыд сяма, лöнъ видзöдласа, чöв олысъ соч любитис пукавны гортын. Сий уна лыддышис. Гортса уджöс вöчис окотапырысь. Пыр вöл бура велöччысъяс лыдын.

Тöвбыд челядь узылсны шоныд паччöр вылын. Мукöддышын начыс тишиналис керкасö, и челядьлён синъясныс дзонынас гöрдöдлëспы, висисны. Ичёт вок синъяссö тильёмён виньгис:

– Синъяслö курöдö! Синъяслö курöдö!

Мучитчисны, дерт, мам ветлïгкостi. Гажыс бырлïс мамсыныс. Код тöдас, мыйта и мамныс тишиг шогсис вöрын мырсигён. Тöждысис керкаын эновтöм челядьыс вöсна. Сылёмсö личöдлïс сöмын сэк, кор шойчан лунö сюрлïс гортö. Гортсаяскöд адцысылём бöрын уджавсис уна пöв кокныддышыка.

Отчыд Ваймös посёлкыс мамыс вайнис нывъяслы козин – сариц гы рöма атлас лентаяс. Лизук радысла ээ тöд, мый вöчны татшöм озыргуннас. Дыркодь бергöдлïс козинсö киясас, синалис юрсисö да кынис мича лентасö кёсäö. Сэсся разис кёсäö, кötöдис лентасö, öкуратнöя гарти спичка кöрёб вылö да дзебис вурсян машина пытшкö. Сэтысъ некод оз вöрзйöд дзебöмторсö. Лунбыд Лиза любуйтчис лентаён. Друг мёвпыштас: «Ой, вунöдi öд, кутшöм рöма лентаяс. Час, видзöдла». Кыпöдл拉斯 машинасö, видзöдлас ленталысъ рöмсö да бöр пöдлалас. Ошиысъём могись корис нывъёргъяссö. Петкöдлïс налы спичка кöрёблысъ формасö босытöм, дзибиöдлём лентасö. А кор нывъяс мунисны, бара сюйис ассыс гажöдсö машина пытшкö. Мун да гёгёрво, кодысъ дзебис тешкодь нывка мам козинсö.

Коркё мёдысь мамыс ньобис Ваймёсысь сатин сяма съёд рёма молескин матерьял. Колян во Розалы вурисны шоныд пасьсö, а Лизалы нинём вölі кышавны. Ньобём матерьяллысь сылы вурёдисны ота сосяса, ватаясь вöчом увтыса шоныд жакет. Мамлён козин видзис нывсö кёдзыд чизыр тöлlyсь. Ас йывсыс мамыс ээ ёна тöждысь, а век зилис мыйкö буртор керни аслас пи-нывлы.

Тöвся каникул

Öтчыд шойччан лунö Соломонида ээ лäччы вöрысь. Сылон томдырсянь висис морös улыс, и, гашкö, нёрпалис. Велöдчысъяслён вölі тöвся каникул, и сïё тшöктис сиктö мунысылы пöпуттьё босытны Лиза нывсö ас дорас Ваймёс посёлок.

Керкаö пырис вöр лэдзанинын вöвъяс видзысь Öндрей. Паськыд пельпома, мышкыра, кёсой синма морт кывсис сиктын тшыкёдчысъён, шева сюялысъён. Сысыс ставныс полисны. Воча кё лоас, бокö кежлисны. Öндрей кёсмыльён видзöдлëс Лиза вылö да нурбылтис:

– Мёдöдчы, мамыд корис Ваймёсö. Ме вöв дорас пета, виччысъла. Эн нюжмась, рöмыдöдз колö вöдчыны посёлокас.

Лиза полис мунны тшыкёдчысъёд, но вывтi окота вölі аддзысылыны мамкёд да видзöдлыны, кёни сïё уджалö. Ас вылö лачаён нывка мёдöдчис да петис ывлалö. Мунисны вölён вель дыр. Буджисны ю, локтисны Чёрныш сиктö, а сэтысянь кежисны яглань. Кёнкё сэнi неважöн кыпöдисны Ваймёс посёлок. Нывка прамёя ээ казяв, кытг мунисны. Сийös личкис топыд ун. Садымис буретш сэки, кор матыстчисны вöр шöрын чурвидзысь джуджыд стройба дорö. Тайё баракас олисны вöр лэдзысъяс, тшöтш и Лизалён мамыс.

Пырисны тыртём баракö. Ставён мунёмаёсь уджавны. Барак пытшкас ыркыд, дзескыд, гёгёр узьлан лабичьяс – пу наръяс. Шöрас суалö пызан, а улös оз тыдав. Нар вылö позьё пуксыны. Пач бердин нюжöдöмайс паськём косстан гезъяс.

Вöв видзысь ломтис пач да корис öдёсдорын суалыс нывкаёс:

– Полан мёй? Лак татчö, шонёдчы пач дорас.

Сій о пузьбідіс чай. Шонөдіс пач плита выұлын макарон, вайис пызан выләп. Сетіс нывкалы Сөлө мамыслысь тасътісі, тшоқтіс сейны. А Лиза юрсө ләдзёмөн чөв олө. Еретник дәзмөмөн войіпіс:

– Сей, некодысь эн пов. Тәнүид лёксө нином от вöч.

«Ог, от сей, – мөвпыштіс Лиза. – Сея кө, да друг шевасө сюяс? Ачыс бантö мекөд, а синъясыс отаро-мөдаро видзбөдөні, оз мелань. Висъталоны, мой морт пытшын вермө овмөдчыны аслысполөс олыс – шева. Сій ой моз горзö, вермө тышкодын». А дыр век жо эз пыксын. Некымынысь паныштіс макаронсө мамлөн тасътісь да юис кружкась пось чай.

Рытнас ворысь воисны пывбабаяс. Кыз пасъкомасть, шаляость, ставыс лым пытшын, мудзомасть. Йизьом тынкотон котшыны-ветталоны баракті, и таысь лоис нөшта на дзескыдджык. Мамыс радпрысь кутліс нывсө, топодліс ас бердас. Мама-ныла бур здук сёрнитыштісни. Ставыскод тиётш Лиза пöttöдз сейис выльыс шонтом макаронсө. Сэсся ыджыд чайникъасыс юисны чай да водісны узыны.

Лиза водіс мамыскод орччон да шöпнитіс пеляс:

– Бура од полі Оңдрейсыс, еретник кодь да. Полі, мой шевасө сюяс меным. А сій о висъталіс мен: «Эн пов. Тәнүид нином лёксө от вöч».

– Но и бур, нылө. Узь вай, узь.

Мудзом мамыс регыд унмовсис, а Лизалы дыр на эз сетны узыны шева йылыс мөвпъяс. Сій төдіс, мой мамыслөн эм жо шевавыс. Ичотдырын пызан сайын сейигөн найо дэльбідісны мамсө: «Шыр яй, шыр яй». Та борын мамыс дугдывтö горзіс: «Ой-е-е-е! Ой-е-е-е!» Тайо шевавыс сы пытшын چалзіс. Сэсся ньожмыліс да вочасон ланьтіс: «Чу-чу-чу-ти-си!» Коркө мам ачыс юортіс пиполыслы сы йылыс, кызды сюрис сылы шевавыс. Купальница вой волома, и Осип гозья дорö локтөмәсть гөсьтъяс. Керкао пырёма Ипаил нима еретник. Гөсьтъяс буретши шыд яй сейёны, и сылы тиштіш көзяйка вайёма пось шыд тыра бекар. Сәки и сюйома сылы шевасө Ипаилыс. Мамыс весиг ләзбідома, токтөй абу кулома.

Пемызд баракын ставныш шкорғоны-узьбыны. Сомын ичотик гөсьтъалы оз узысы. Шева йылыс мөвпало. Висъталоны, кор по сійос новлодлыш мортыс кулö, сэк

шевавыс рёдвужыслы вуджё. Ортсо петё, майёг йылёр пуксьё да матыс йёзлы пытшкёсас пырё. Нывка тёждыссыё, мед коть сылы мамсянныс шевавыс оз сюр. Татшом мёвпъясон и унмовсис.

Асывнас пызан вылёр бара вайисны пүём макарон. Пузьёдисны чай. Сёйом-юём бёрын нызбабаяс кышалисны войбыднас косымыштом шоныд пасъяс, гынкотасисны, стийисны кыз кепысыяс да бара мунисны вёр лэдзанинё. Колё тыртны норма: увыйны пёрёдём пүяссё, пилитны ковтём помъяссё, тэчны вёла доддьё да петкёдны керсё ягысь.

Мамыс колльёдис нывсё гортас. Пуксьёдис сиктё муныс вёла доддьё. Тадзи Лиза госятитис мамыс дорын вёр лэдзан посёлокын тёвся каникульяс дырии. Война помасьём бёрын колхоз уджалыссыёс эз кутны ыстыны вёр лэдзанинё. Мамыс сэсся пыр вёлі гортын, ылёр эз ветлы. Пи-нывсё кёдзыд керкаын эз эновтлы.

Съёкыд тулыс

Лиза виччысис лым сылёмсё. Тувсов пёраёр кынёмпёт позис аддзыны колхоз муяс вылышы. Колхозын быдтисны анькытиш, зёр, сю, ид, шобді. Арнас косытисны кольтаяссё зорёдын, сэсся – рынышын. Та бёрын найёс вартисны. Лиза ичётсянъ отсасис мамыслы вартанинъ.

А тулыснас зорёдіншыс позис ёктыны шеп коляссё. Тайсъ некод эз вид. Мукёддырий тёвбыдён ставсё сёйисны шыръяс, и йёзлы нинём оз сюр. Быд тулыс Соломонида ыстывліс челядьсё шепавны. Лым улысъ петём шеп-туссыё ёктисны ведраёр либо мешкё. Гортын ёктёмторсё косытисны, весалисны, пожналисны да изісны пызы. Изём пызысъ мамыс пёжавліс баниём ясьникъяс.

Тавося тулысыс сёрмис. Отчыд рытнас мамыс мёвпалана шуис челядьлы:

– Ог тёд, лымайыс оз и сыв. Колё ёктыны зорёд коляссё, пока некод эз күшты. Сылас, да ветлам сэтчё, чукörtам ид-шобді туссыё.

Аскинас Лизалы усисны дум вылёр сылон кывъясыс. Мам удж вылын, юавны некодлысъ. Лиза пасьтасис, кёмалис кокас ыджыд колошъяс, босытис тыртём мешкё

да мёдёдчис колхоз му вылёр. Джуджыд лымті съоқыд писькёдчыны зорёд mestалань. Зивгё көдзыд тёв. Нывка воялёр васёд лымай. Тувччис, да сибдіс колошыс. Ёдва кыскис колошсо, көмаліс. Мунё водзё. Кыдзко-мыйко локтіс зорёд дінё. Лымайыс абу на сылома. Лизалы сюрис сомын некымын йизьём шеп. Сөйтіс найёс мешёкё да ас кок түйті мёдёдчис гортё. Кокъясыс шлюд ва. Ачыс кынмис. Киясыс пыктісны лымайын гудрасъомыс. Мамыс локтіс удж вылысь, аддзис нывсё да повзис:

– Ме ёд висыталі, нылёр, сылас, мися, да сэки ветлам зорёдас. Эк тэ! Содз тыр шеппес пызы оз артмы.

Мыйтако и ноксис сійё шеп ёктыськод, медым бурдёдны сылысь кынтом кикоксё. А вежон помын перийис комодысь вузёс вылёр лёсбёдом медбörяя крёвать вевттьёд да шуис челядьлы:

– Керкаусь ставсö вузалім, нинём бурыс эз коль. Эм нёшта öти покрывало, ветла вузавны. Айныд тшёктіс вердны тіянлёр, мед он кулёр.

Пипёвсё сійё некор эз тшыгйёд, кутіс тёд вылын верёсыслысь тшёктёмсö: «Мый эм, вузав, а челядьтö верд». Тэрьба пасътасис, босътіс вевттьёдсö да мёдёдчис Беляевчи сиктö. Сэні колхозыс озырджык, идсö унджык сетасны. Вевттьёдсö Солё вежис пуд ид вылёр. Локтіс гортас кыпсыд лолён. Дас квайт кило идайыс дыр кежлё тырмас. Кыдзко вужасны съоқыд түсвөр кадсö.

Тулысбыд Лиза бергёдліс изки. Отсаліс мамлы изны ид пызы. Унаусь челядь чёсмасисны пызысыс вочом картов сора чоскыд сочёнён да ясьникён.

Мича платтьё

1946 вося май тёллысь. Во сайын помасис война. Таво Лиза Лихачева помалас начальней школа.

Ывлайыс мичаммис. Журғоны шоръяс, потёны гаръяс, дзользьёны пыстаяс. Шонді юғорысы синъяссö читкырттёмён да вомтырён нюмъялёмён нывка суало кильчо вылын. Мёдёдчома мунны школаё. Лов вылас долыд. Талун урокъяс борын велёдчысъяслы сетасны Германиясыс вайём козинъяс.

Колё шуны, мый коймөд классын велёдчысы Лизук да мүкөд ныв-зонпосни ёнакодь нюжалісны, быдмыштісны. Налы окота ветлыны Абъячойса шёр школаö. Лиза кывліс, мый во кызың сайын школаыс вölöма важ музейын. Кор велёдчысысьлён лыдыс содома, пұктёмны мог қыпöдны öти судтаа выль стройба. Кык во чёжöн стройтöмäöсь керкасö да восьтöмäöсь сэні сизим класса выль школа. Школаын сэки нинöм абу вölöма, и сиктсаяс асъныс вайöмäöсь гортсыныс пызаньяс, улöссяс, лабичьяс. Сöмын шёр школа восьтöм бöрын партаяссö сетöмäöсь.

Татшöм думён Лиза восьтöс важ керкалыс дзуртыс сьöкыд öдзöссö да пырис мазi поз моз ызгысь школаö. Луныс кыссис дыр. Перемена дырий челядь пöвстын эз и дугдыв козиньяс йылысь сёрни.

Урокъяс бöрын велёдчысысьсö чукörtісны залын. Налы, кодлон батыс усис фронт вылын, козыналісны Германиясы вайöм мича пась да кöм. Уналы сетісны гöрд хром сапöг, кучик камаш да югъялыс колош. Кöмтöм кока нывкаяс да зонкаяс весиг эз мёвпавлыны татшöм козиньяс йылысь и ёна радлісны.

Лизалы сетісны сöмын öти козин – сталь рöма крепдешин платтьö. Сы вёсна, мый сылён батыс абу усъёма фронт вылын, а «юортöг вошöма» война дырий. Но нывка вölі рад и татшöм козинлы. Локтöс гортас да кышаліс шыльыц чегасьяса, оборкия, дзоляник гöгрöс вörötника платтьöсö. Татшöм кокныыдик, тöв ныр моз павъялысь платтьöыс сылён некор на эз вёвлы!

Сöмын жаль, мый батыс некор оз аддзыв нылуксö татшöм мича платтьöнас.

Мыж

Гажа гожся лунö посни ныв-зон чукörtчисны Кулигаса школа дорын ворсны. Морт кызы, гашкö, воис, на пöвстын – Лиза да Тамара.

Первой шуисны ворсны дзебсаясъёмён. Вайисны пöв да пуктісны сiйöс пес плака вомён. Пöвлён öтар помё колё пуктöны некымын чагтор. Кор тальччан мёдар помас, чагайыс качлас да разалас му пасьта. Ставныс котортöны дзебсыны, а корсысылы колё öктыны мусыс чагсö, бöр тэчны ötar пöв помас да корсыны челядьöс.

Лыддысисны-пудъясисны, и корсыны усис Тамаралы. Найё Лизакөд тиётти тэчисны чагторъяс пöвлён ётар помё. Лизук эз казяв пöв помё медбörья чаг пуктысъ Тамара бос да мый вынсыс тальчис пöвлён мöдар помё. Пöв швачкис пызыртлы чужомас. Тамара ымостіс да кусынчёмон вевттис киянас ныр-вомсö. Лиза кыліс сылысъ борддзомсö, видзöдліс да повзёмла быттьё измис. Лимзысъ-бörдисъ нывкалён чужомсыс киссис вир да чуняяс пырыс вияліс му вылёр. Пöв помас вöлёма кöрт тув, и сiйё ёна дойдёма сылысъ плешсö да нырсö. Тамаралоn Нина мамыс вöлі крут оласа нывбаба, и Лиза повзис.

Челядь кытшалісны доймом нывкаёс. А Лиза юр садытöг пышинс ворсанінсь. Гортас пырны эз позь. Од сiйёс локтасны корсыны первой татчö. Нывка гусьён локтіс школа дорö, гёгörtіс сiйёс да тювкнитіс посводзас. Сэні вöлі пемыц, битом, и кöмтöм кока Лиза кутіс кавшасын важ партаяс вывті школа пöддöд вылёр. Парта яс вывсянъ метра да джын колö кайны күш стенттис. Ки-кокыс сювтöдö, синваыс киссö, сьёлёмис тiпкö. Кыңзко-мыйкö кавшасис. «Пытшкöджык колö дзебсыны», – дöвттис юрас. Пырис пемыдінас да водіс пач трубаяссö отлаодысъ джуджыд кирпич тэчас сайё. Топöдтис пöвъяс бердö. Лиза тöдіс, мый школалоn торъя жырыын ичöt пыныскöд олö джодж мысъкись Анна мам. Мöвиштіс: «Кылцö кö Анна мам менсым пыромёс, вермас висьтавны, кытчö дзебсис». Кулома ниссö ловъя куйлö пемыдінас, кирпич тэчас сайын.

Івлалын пыр па шум-гам. Кылбона Тамаралоn бордомыс да Нина мамыслон чалзомыс.

– Пыр на вирыс киссö! Кон Лизавыс?! Кытчö дзебсис?! Іджыд лешак! Ме сiйёс начка!

Быдлаясь корснымыжаёс. Дзуркнитіс школа одзёс. «Татчö пыроны! Талупöдз и ол!» – повзис Лиза. Ирмөг босытіс нывкаёс, и сiйё ляскысис кирпич дорö. Весиг окота лоnс мойдын моз пöрны кирпичö, медым некод эз аддзы.

Йöзыс чукöрён пырисны школаё. Корсыбыны Лизаёс. Пöддöлесничыс абу, некызд кайны. Корсны томинник монтёрёс – Ёста Мишаёс. Сiйё кавшасис, матыстчис, аддзис повзём нывкаёс. Но здук-мöд мысти Лизалы кокни лоnс лов вылас. Бур морт пельномас ташниттöмөн шöпнитіс сылы:

– Эн пов, ог висътав некодлы. Күйлү, некод татчö оз вермы кайны.

Ёста Минна лэччис йёз дорö да юörtтөс, мый пöдöddyс тыртöм. Йöзыс петисны, разбöчинсы гортьясö. Гöгöр лоис чöв-лöнь. Нывка рытöдзыс дзебсясис танi, полиси. Сöр рытö Анина тьёт дорö пырис Сöлö мамыс. Сийö норасис юрсö вонштöм Нинна вылö. Видис пö менö сысьс, мый Лиза нылö дойдöма Тамараöс. Гöсътяс кольльöдигöи Анина мам тöждыссымён шуис:

– Вой кежлö бöдöстö эн иғнав. Ме чайта, нылыд воас.

Сöдзи илонс. Сиктыс узинс, кор Лиза шытöt пырис посводзö. Сöп суалiс джуджыд пельса. Пыдöсас вольсалöма турун. Нельсаас мамыс коркö видзлис чинапöс. Лиза дзебсяс тыртöм пельса пытишкö. Друг дзуркнитiс керка бöдöс, петис мамыс. Нывка кызöктiс, и мамыс пыр жö шыасис:

– Лиза, нылö, кöнi тэ? Лак пет. Эн пов.

Мудзём пывка петис пельсаись. Мамыс вердiс нывсö да водтöдiс узыны. Югдандор сiйö тшöктiс Лизалы дзебсыны овтöм жырийö. Фронт вылö мунтöдз батыс эз удит помавны выль керкалыс тайöс коймöд жырсö.

Асывводз бöдöсö йиркöдчис шымыр зома Нина. Скöра шыасис кöзяйка дорö:

– Кöнi дзебан ныvtö?! Аддза кö, став юрсиö нетши!

Ярмöм пызвбаба кытшовтiс керкасö. Сюйлiс нырсö овтöм жырийö, кöнi степö бöшöдöм важ шебрас сайын жöжгylытчis Лизук. Гöгöртiс посводзсö, шыяссö, сарайсö, ставнас йöрсö. Но Ен сыкöд, бур, мый эз аддзы сэки Лизаöс. Тяттë киясöп кыпöдöм керкаыс видзис ичöt нывкаöс.

Сöмын некымын лун мысти сiйö полiттырий петис ывлa вылö. Нывкаяс бурстiш мöдöдчöмäöсь вала. Тамара нырсö кöртталöма да инакöд тшöтни мунö. Лиза аддзис найöс, чепöсийис кильчöсянь посводзö. Недыр мысти керкаö пырис Римма, корис сiйöс:

– Лок вала ветлам. Тамара тэ вылö оз нин лöгав.

Тадзи нывьеüттьяс ладмисны. А Тамаралöн мамыс Лизалы дыр па ковмис дзебсяссыны. Коркö öтчыд мыжа нывка сюрис Нинналы воча оттöм туй вылын. Сэки эсько сiйö петкöдлис пуж Лизуклы, эз кö ордйы найöс верзьбома вöлöп Олексей

суседыс. Мужичой кватитіс нывкаös да пуксьöдіс ас водзас вöв вылö. Строжитіс скёр нывбабаöс:

– Эн вörзьöд челядьсö! Пывсöда тэнö петшöрнас, матыстchan кö!

Мöдыс пинь пырыс сöдзтіс:

– Ладнö, кута коркö да канаваас вöйта. Сюрлан на меным. Сид и тöд.

А Тамара ёндыхыка на кутіс ёртасыны Лизакöд. Но сылысь доймом нырсö мисытöмтіс вурыс, и сы водзын мыжсö Лиза ээ вермы вунöдны нэм чöжыс.

Лэчыд нывка

Нывъертъяс любитісны пыравны Лиза дорö. Керкалён овтöм жырыйн ворсісны. Ывлайс пыртісны нид да кötісны важ жугалöм тасыттын «нянышом». Пöжалісны нид «нянышомысь» сöчонъяс. Ва дозыын гудыртісны няром ыжман вотöс. Сэсся öта-мöд дорö ветліны «гöсъти». Сур пыдди ыжман ва юисны, нидысь вöчом сöчонён чöсмасисны. Верстöй йöз моз гажöдчисны, йöктісны «Шондібаной, оломой».

Тані жö ворсісны неынджыд мачöн. Отчыд мачыс усис джодж розьö. Некызд оз сяммыны перийны сiйös. Зiлисны судзöдны мачсö, но весьшöрö. Вывтi джуджыд джодж улыс. Медбóрын лэдзисны розяс кöв йылö кöрталöм доз да кузь беддьён сюйисны доз пытшкас мачсö. Дыр ноксисны, но мачсö перийисны.

Ывла вылын нывкаяс ворсісны «кокочитöмьс». Визьеöдлісны шыльыд мүö клетка, и чеччалыны сэті кок пöлён. Шыбитасны мольыд изтор и чеччёны сэтчö, кытчö изыйс усяс. «Кокочитöмьс» ворсöмын коліс воöдчыны клетка пельёсын пасйом «пöжарнöйöдз».

Лиза вöлi вывтi збой. Сöмын эсъю бриньяласда быд дорö нырсö сюяс. Роза вöлiс дзик мöд. Век ляпвидзис гортас. Мамыс си серти ээ тöждыс. А ичöt нывсö пыр öллөдiс:

– Мой нö гöнькъялан, оз пукавсы гортад? Коктö чеган, эн кавшась некытчö!

Лиза ёндыхыка ёртасис детинаяскöд. Вöчис накöд гумийс пöлянъяс. Ветлалiс ас вöчом пу кокъясон – майоöг тувъялöм пес плашина вылö сувтöмён.

Сёр ригтәз детинаяс мачасынды. Гежёд нывкаоң найё корисны ворсны лаптаоң. Сөмүн Лизук век волі ворсысьялдын. Ворсанін отар-мөдәр помоң чертитісны кык визь – старт да финиш. Юксисны кык команда вылә. Сеталысьялён мог – пыштьяны, а куталысьялён – весъявны наң мачён. Старт дырии сеталысь шыбито мачсо вывлань, а куталысь күчкө мачсо беддьён. Куталысь корсю ылә лэбовтөм мачсо да зілә «пожны» стартсиянь фиништә да бөр пыштысь сеталысьоң. Тайё ворсом дырии коло юйдө котравны. Лапта ворсомын тэрый кока Лизао съоқыд волі весъявны.

Детинаяскәд тшотш Лиза ворсі футболон. Гожомбыд челядь ээ көмасылыны, и мачсо чужъялігөн кок чуньяс костті гөгөрбок резис сасод нидыс.

Төвнаас Лиза шыбласис лым мачён, ислалис лызыон да даддьён, пуркөдчис вильыш ёртъяскәд лымийн. Мыйыс сөмүн ээ вөвлө шурыйд нывакаоң. Отчыд детинаяс чеччалісны овтөм керка вывсянъ лымий. Лизалы окота жо волі чеччиштны, но төд вылын кутіс мамыслысь юлдомс. Сийө вежгөмөн видзөдіс ёртъяс бөрся. Йавла рөмдігөн ставныс разодчисны, и Лиза колис отнас. Сийө думыштіс көтү отчыд чеччиштны лымий. Керка вевт вылә сяммис кавшасыны, а бөр ләччыны оз вермы. Лымий чеччиштны поло жо. Весиг увлань видзөдлыны оз лысът. Пуксис да горён бөрдө. Кокъясыс дзикоңды кынмисны. Йавлаис пемдіс. Сәк кості мамыс кватитчис нывсө, петіс корсұны. Сиктсө гөгөртөм бөрын адзис Лизао, чукости:

– Йәджыд лешак, мойла сэтчо кавшасин? Коктө чегны окота?

Кысько вайис кузь пөв да сувтөдіс сийөс керка вевт бердө. Пөвсө топыда кутомён тшоқтіс ләччыны нылыслы:

– Пөв дорышас кутчысы да бөрён ләччы! Эн тэрмась!

Лиза быд вынсыыс кутчысис пөв дорышо да видчысъёмөн кутіс бөрынътчыны. Кыдзкө-мыйкө кокъяссө увлань вешталомён ләччис пөвсө кутысь мам дорө. Не кө мамыс, ковмис эсько сылы войковтны керка вылын.

Перемена дырии Лиза котраліс детинаяскәд школа йорын. Челядь шыбласисны лым мачён либо вочисны лымморт. Отчыдусис суль лым, и ышмөм зонкаяс чужъялісны лымсө Лиза дорө. Сесся сы гөгөр котралігмоз талялісны лымс. Нывкалён кокъясыс сибдісны здукон топалом лымий. Кыліс звонок, и ставныс ызгысисны школао. Пико

воём нывка колис ётнасён. Урокбыд эсько ковмис чурвидзны тані, эз кё аддзы сійёс ўшиныбд школалын джодж мыськысь Анна мам. Велёдысь Евстолия Николаевнакод найё петісны ывлАО да зырйон кодийисны Лизалысь кокъяссö лым пиыс.

Мый нин шуны, весиг платтьёсö лэчыд Лизалы мамыс вурис топыд ситечыс. Нылыс став пасъкомсö ниномё бочис. Уна тёжд мамыслы вайис. Ётчыд мамыс вурис сылы платтьё аслас венчальной сарапанысь. Лиза кышаліс выль платтьёсö, и сійё лунас жё кавшасис турник вылó да косяліс сылысь бёждорсö көрт тувйо. Шого усьом нывкалы лоис яндзим. Сійё эз висьстав мамыслы тшыкодом платтьё йылысь. Гусьон кыдзсюрө вурліс косялёминсö. Но мамсызд нином он дзеб. Сійё пыр жё казяліс тайёс. Кыв шутёр резьёдіс Лизуклысь вуромсö да ёкуратной дзоньталіс платтьёлысь бёждорсö. Нылыслы платтьё сетігён мамыс дозмомён шуис:

– Тэнүд пасъкомсö колё көртысь вурны!

Кынёмпöt

1947 воў Абъячойё первойсыс война бўрын вайисны еджыд нянь. Ёчередыс нюжаліс лавкасиян ывлАОдз. Сетісны бти тупоствон киё. Роза час кык нин сулаліс ёчередын. Киёдис кутіс ичёт Юрийс. Сылы сетасны жё няньсö. Тёждысъомён корсис видзёдласён Лиза сочсö, дозмомён мёвпаліс: «Пыштис кытчёк, воши. Ёчередыс нин со матыстчо. Воштам сы серти дzonь нянь тупоств». Друг мышсяныс Розаёс кодкё тувкнитіс. Тайё вомтырён нюмъялысь Лизук. Шённитіс сочлы:

– Видзёдлы, мый менам эм.

Дёра сумка пыдёсЫн туплясис кык еджыд нянь тупоств. Вёломкё, писькос Лизук и тані абу шойёвощома. Кыкысь нин кыдзкё сяммома пыравлыны лавкао. Ёчередь матыстчис, и челядьлы сетісны нёшта куим нянь. Тадзи найё вит нянь тупоств вайисны гортё.

Некор оз вунёдны нывкаяс сы йылысь, кыдзи первойсыс «видлісны» война бўрын бур чай. Сёлө мамныс дона донысь ньобис лавкаысь ветымын грамма пачка индийской чай. Некымын во чёж эз видлыны найё крепыд съёд чайсö,

юисны гортса турунъяс да коръяс. Но мый нў тайё? Пачкасö восьтисны, а сэтчö индийской чай пыддиpunktöмäбс кутшомкö кос турун. Мамныс весиг шоёу усис, горён бёрдзис:

— Іджыд лешак, чай местаас турун тэчомаёс! Пёръяськаяс!

Соломонидалён челядьыс чуймисны, ёд весиг война дырйи мам некор эз бёрдлы ырзомён. Буракö, вывті окота вёлі нывбабалы видлыны крепыд ипдийской чайлыш вунём кörсö.

Быдмысъ войтырлён быд луг вёлі ыджыд мог – корсыны кынёмпöt. Тұлыснас лым улысъ петіс быдсяма ёғыс. Быдлаын туплясис тыртём вина сулея. Лиза да Роза мунисны чукörtны найёс. Роза соч вёлі полысъ, рам, и ставнас веськёдліс Лиза. Сылы весиг дозыс сюрис унджык. Сулеясö сюялісны сеткаö да нүисны заготконтора лавкаö. Сдайтисны уна, а сёымыс тырмис сёмын öти нянь тупёсъ вылö. Песокыс эз шед, вывті дона. Окота вёлі көть öтчыд паныштны лым кодь еджыд сакара песоксö. Сылысъ кörсö война кадö челядь дзикöдз вунёдісны. Кык чой нöшта некымынысъ чукörtисны вина сулеясö. Ичёт Юрик тшётш отсасис сочьяслы. Йозыс ошкисны найёс:

— Аддзан, бобёяс, öктанныд дозсö, да позъи и мыйкё ньёбны.

Вердіс быдмысъ войтырёс муса вёр-ва. Чосмодліс найёс кисьмём вотосон, бурдёдан турунъясон, васод вужъясон, пётос колязойён. Челядь кодйисны му улысъ морков сяма вёсныдик еджыд вуж – гоньё. Весалісны мусысъ, мыськисны, вуштісны кышсö да иирины гоньёсö. Том бадь улысъ кулісны кышсö да вуштісны пиньён юмкөров виж пытшкёссо – сізд шусяна «ли». Чосмасисны куз турунён да шомкорён, öктісны тшак-вотёс.

Öтчыд рытнас мамыс шыасис нывъясыс дорö:

— Öмидзыс войнас кисьмё, сійёс колё югдігён öктыны. Асывводз садьмода, ветлой öмидзла. Он кё удитой öктыны, мукöдыс күштасны.

Шонді петігён мам садьмодіс Лизаёс да Розаёс. Көмтöм кока пывкаяс мёддичисны яглань. Важ чөйтöм мусас пёлён быдмисны джуджыд öмидз кустъяс. Кисьмём тусяяс öшалісны йона чальяс вылып, вёйысисны вомё. Лиза ньёжйоник

босытіс киö гырысь тусъяссö, мед эз гылавыны мүö. Öти-мёдöс видліс, чёсмасис. Юмкёров васöд öмиздзыс сыліс вомас. Тасътіясо öктöм öмиздзö кык чой кисъталісны ведраö. Пöсь шондыс вöлі юр весытын нин, кор нывкяяс кык костын лэччöдісны чукйён тырём ведрасö гортö.

Гортын весалісны öмиздзö ёгысь. Роза пьюжмыд да сэтчöдз мёдöдчис, мый тэрыбы Лиза весаліс öтнас ведра джынсö. Весалісны ставсö да лэччинсны вузасыны сельпо лавка дорö. Ньюжйёника тапкöдöмөн, медым унджык тöрас, тэчинсны öмиздзö стöканъясö. Вузаліны сё урён стöкан. Ветлаліны керкасы керкаö, вöйисны öмиздзö йöзлы. Окотапырысь босытіны öмиздзö том велöдысьяс. Налы, буракö, некор ветлыны вöрас. Рытöдз кык чой вузалісны öмиздзö да радпырысь вайисны гортö наjётка.

Выя нянь

Война помасис, а челядь пыр на тшигъялісны. Серав кöть бöрд, а сейны нинöм. Велöдчисны тшиг нисьё пöт. Тöвнас коліс вайны школаö пес. Велöдысьяскöд тшöтш челядь ветлісны яё. Öтвылысь пöрöдісны пуюссö, увийпсны, пилитісны. Пес чуркайссö вайисны вöла доддöн школа дорö. Велöдысьяс жалитісны челядьёс. Дöзьоритісны найоö кынимöмыс, видзинсны кöдзыдысь. Шонтісны, кыдзи вермисны. Корсюрö и вердыштісны посни войтырёс.

Лизакöд тшöтш пёльцö классын велöдчис нелямын морт. Велöдысь Юлия Корниловна вöлі авъя, стрöг да весыкыд морт. Быдмёма Беляевчи сиктын. Воюйтöма. Хром сапöга, гимнастёркаа, морёсас дзирадалöны медальяс.

Öтчыд урок дырый Юлия Корниловна корис Лёняös дöска дорö:

– Кузнецов Леонид, пет татчö!

Читкыля юрсия Лёня – мамыслён öтка пи. Айыс усьёма фронт вылын. Зумыш чужёма детинка кöртыштöма горд сера кузь дöрёмсö тутъя вöньён. Петис дöска дорö да друг бöрдзис. Велöдысь юаліс:

Ме тэнö бöрдны али мой кори?

Лёня оз ёвсы, кыз синваён бёрдö.

– Леонид, вочавидзны колö, юасьёны кö.

Лёня кутіс лимзавны:

– Кынёмö сюмалö-ö-ö!

Юлия Корниловна блöдіс:

– Сулав танi, эн кыскав голятö. Ме тшук кежлö петавла.

Недыр мысти сiё пыртiс гумагаö гартом кык тор выя нянь – ассыыс обедсö. Отi няньсö мыччис Лёнялы. Пельпомöдys небыда нүöдiс классын суалалыс галанка пач сайö:

– Танi сейышт, а сэssя ответитан дöска дорын.

Регид Лёня петiс галанка пач сайсы. Дöвöль чужёма, кöть и бёрдöм син дорыс гёрдöдöма. Велöдysи нюомъёйтiс:

– Мый нö, нурьясыштiн? Бур. Но, кывза тэнö, Кузнецов Леонид.

Пöt кынёмöн, дерт, велöдчыны лöссыдджык.

Свадьба

Помасис гожём. Арбыд челядь отсасисны гортын чукörtны град выв пуктасьяс, а колхозын – уберитны зёр да анькытш, идравны сю, ид да шобди. Колхоз уджалыссяскöд тшöтиш зiлисны шабдi мусыс вылын. Шедöдасны шабдисö вужнас, пыркнитасны мусö, тэчасны кольтаясö. Нёль кольта öтлааласны, артмас суслан. Кор шабдi косьмыштас, нуасны вартанiнö. Челядь тёдёны, мый шабдись вёчом пакля кодь кудельысь позьё печкины сунис, кыны дöра, вурны паськом.

Пуксис сёр ар. Зэрасьё, быдлаын ва гуранъяс. Пуяс чöйтiсны коръяссö. Мусыс күш. Тайö кадö Луздор сикт-грэздъясын свадьбуйтöны. Отчыд мамыс юörtiс Лизалы:

– Талун Ёлексей сусед Фимаöс верös сайö босытö. Сiйös кутасны бёрдöдны. Ай-мам дорсыс Ёлексей дорö вайöдасны. Ветлой каризна вылас, кывзыштöй.

Олексей сусед неважёп на локтіс служба вылысь. Уна нывлы воис съёлём выло ыджыд тушаа мича зон. А сійö бёрпес Фимаёс.

Лиза да Римма мёдёдчисны Фималён керкаö. Свадьба лунё быд невеста бёрдö, нылалёмкёд пройцайтчö. Фима дорё локтісны нывъётъясыс, разисны сылысь кёсаяссö, синалісны кузь юрсисö. Фима кыз синваöп бёрддзис, аттьёаліс ай мамсö сійöс быдтöмись да вердöмись:

– Сё пасибö, тятё, сё пасибö, мамо, быдтöмсыныд-вердöмсыныд. Вокъяслы сё пасибö. Сэтшом, буракö, шудыс мортыслон. Йёзö сэсся ме мёда мунны. Тöдтöм семьяю мёда мунны.

Фималён бёрдöмис вörзьёдöс видзöдисъяслыс съёлёмсö. Каризнаöдз бёрдöдчисны, сэсся бара кынсны кёсаяссö Фималысъя юрсисö. Заводитчis каризна верöс сайö сетöм водзын нывъяслон рытпук. Каризна дырий нывъяс пуксисны невеста гёгёр да дыр сылісны, ворсіспы, бантісны. Лиза да Римма сюся видзöдисны. Виччысисны, мый лоас водзö.

Кодкёй ииркёдчис öдзöсö. Олексей жёникис, буракö, локтіс. Шыасис öдзöс сайсяны:

– Эм-ö тіян сурыс? Восытöй öдзöссö!

Керкасиян горёдчисны:

– От восытöй, чужваыс начын на!

Воисъяс шуисны:

– А миян сёбрысъ эм сурыс!

Öдзöссö восытісны, и найö пырисны керкаö. Гортсаяс вайöдисны да пуксöдисны лабичö невестастасö. Олексей кёсийс окиштны Фимаёс, а сійö эз сетчи. Кор удайтchis окиштны, локтысъяс горёдчисны:

– Миян öні невестастыс!

Та борын ставöп тиётш юнисны вайöм сурсö. Невесталён ай-мам бласлöвигтісны Олексейёс да Фимаёс. Сэсся найö вёла додьёп мёдёдчисны жёник керкаö свадьбуитны.

Челядь котёртісны сэтчö видзöдны свадьбасö. Фималён синъясыс гёрдöсъ, туйбыд кисытöма синвасö, öд важдыреянь невестаяс бёрдлöны верöс сайö петöм водзын.

Пызан сайё пуксялісны свадьба вылёр корём гөсьтьяс. Мүкәдис бокын сұлалоны, свадьбасө видзёдёны. Сиктын свадьбуйтёмсө позьё видзёдіны быдоплы, окота кө. Некод оз вётлы. Лиза да Римма кавшасисны челядь дорө паччёрө. Кыйкъялопы сәсянъ, чиктылопы.

Пызан вылёр күтіспы сылёмойн ваявны сәян-юан:

– Мой вочан, Пахомовна, ой да мой вочан?

Морт кык-куим вайисны пызан вылёр шыд-яй:

– Яя шыд, Пахомовна, ой да яя шыд!

Сәсся пыртіспы черинянь:

– Чери нянь, Пахомовна, ой да чери нянь!

Та бёрын блин тыра тасыті песткодісны:

– Блиньясон, Пахомовна, ой да блиньясон!

Сылігтырии тыртіспы пызапсө быдсикас сәян-юаноп. Медбörъяоп жөникли да невесталы ныр улас шұктіспы кык колькімші да йўлыс вөчом яспича. Күтіспы сывны:

– Сёколлясян, Пахомовна! Ой да сёколлясян!

Ставопи вак-вакоп серектіспы да шимонитомпі списны том гозъялы чужтыны уна челядь. Тадзи важопсиян ёткодяліспы гөграсьёмсө сёколлясшомкод ләбачлон гозйодчомкод, позын колькімші ләбашпиян чужтому мояссы пётка гозлопи ётувья олёмкод.

Гөсьтьяс сурсоу индіспы да күтіспы курдасыны:

– Ой, курыд, дажюныс оғо вермой! Юммодыштны коло.

Ставыс пондіспы «горько» горзыны. Жөник-невесталы оқасыны тиょктіспы да волинь сурсоюнспы. Рытланыс посни пыв зон эновтіспы тажсо, медым юғыд син-пельён локны тортю. Кының лолоп Лиза да Римма пегіспы жөник керкассы. Ыззомпі сёрнітіспы свадьбуйтём шылдыс.

А Олекейлоп дыр на зз кусы бияс. Гуляйтіспы войбыд. Жөниклөн да невесталоп рөдвуужыс лун кык па инрүйтіспы. Списны том гозъялы шуда олём.

Бабу

Таво Лиза вуджис квайтбұл классö. Гортса үджсö өнi сетöны упджык. Рытбыл пукалö нызап сайын. Лыддысыбö, тиҗö, велдöлө вомгорулас. Өниң нырыс тыдалö Серафима Серапионовна бабулöн керкаыс. Кöкъямысадас арöсөн кöзяйкаыс кувсис. Эновтiс муса бабу чужан Кулига грездö, ассыыс радейтана нук-нучкасö.

Лиза типöкыда узылс сы дорын. Өнiöдз суалалö сипъяс водзын бабулöн кöраса чужомыс, тöдса мыгöрыс. Кудрия вöстин юрсисö бабу шыльёдiс порсъёлiн кузь шötтысь вöчöм сынанöн зүбн. Юр пыдöсис сылбиn вöлi юрситöм, дзик күш, весиг ютъялiс. Бабу гартиc балябöжö дзор юрсисö да сюйнис юрас тöрд рöма руска - луздорса анылысь юрын новлантор. Руска вылас кöртталiс еджын чышиян.

Бабу вöлi зиль да үджач морт. Диr кад үджалис колхозын. Казытылс сы йылысь, кызды том дыртты вöчиныс тылаяс да быдтисы тырысь сёркни. Өпүн-ини Ольбоксан верöсис да кыкнан иныс бабулöн усисын гражданской войны вылын. Тайö важмём керкаас быдмисты Серафималöн да Ольбоксанлöн нёль ныв – Анисия, Елена, Татьяна да Соломонида Лизалöн мамыс. Елена сочыс мамлöн кувсис, и бабу быдтис салысь типöвсö Навла, Надя да Люба нучкаяссö.

Школаыс тортö локтigöпн Лиза кайис Кулига тöрдiп буретиi коймёмд керкаыс шуйгавылас бабулöн. Сiйö виичысис нучкасö ныр öти и сiйö жö өниң дорын. Кинас öвтчöмён корис ныравны. Лизалöн эssкö гортастырмымöн үджыс, побабусö жалитiг ныравлiс, гажöдыштiс салысь ловсö. Чоскыд сöчбiён, картунеля шаныгайн либö ясынкöн нучкасö вердiгмоз бабыс шулiс:

– Но-o, ме тöда, шопцiыс кö тайö өниняс видзöдö да югöрыс лабичас усьö, сiлзкö, тэ öддьö школадысь локтан.

Часыс бабулöн ээ вöв. Сiйö олiс шопцi серти. Лиза чöсмасис нызап сайын, а бабу пукалiс орчбон да чунь помъясöн наidöнника зыралiс салысь тор пыдöссö. Код тöдас, мыйла бабу тадзи вöчиs, гашкö, висьöмсö вöтляiс.

Йöзыс мыйлакö шунисы бабуöс еретинчайын. Но Лиза тöдiс, мый бабу абу гыныкöдчысь, а бурдöдчысь, буртор вöчысь. Ас синнас адзылiс, кызды бабу бурдöдiс

нёрпалысь войтырёс. Мыль кё чеччас, пыр жё локлісны сы дорё. Бабу новлодліс мыль гёгёр топыд шомиён, быттё гижис мыйкё. Вомгорулас лыддис висьомысь нимкыв. Сэсся пычкис мыльсö, и мортыс бурдіс.

А сёрнитісны бабу йылысь эз прёста. Бабулён ёран кылыш вермис збыльмыны. Кулига помын сиктсаяс видзисны картов гүяс. Отчыд вошиш кытчоқ картов мешёк. Бабулён Павла нучкаыс новліс волён йёв флягаяс. Быд лун ветліс картов гүяс пойлон нюжалём туйті. Оти мужичой мыждіс сійös:

– Тэ гуин картовсö! Чөйтін вёв доддяд да нуин.

Бабу дорийис нучкасö, вензис мужичойкёд:

– Тэ нё мой? Павла съокыд флягаясöн ноксöй. Ёна коло сылы тэнад картовыд!

А мужичой крапкис воча:

– Сысыс кындзи некод оз ветлы картов гүяс дорт! Сійö и гусяськаыс.

Сэки бабу скёрмис да шуис:

– Тэ кё весь мыждан менсым нучкаöс, мыллясъны кутан.

Асывводз мужичойыс локтіс бабу дорё, йиркёдіс одзёбас. Синмыс пыктёма. Чужомыс мыль пытшын. Бурдодіс сійös бабу, бырдіс мыльсö. Борынджык тайё мортыс нёшта на пыраліс бабу дорё. Корис прёща да аттьёбаліс бурдодомысь.

Рытпук

Тёвнас кулигаса том йозрытыйсисны то оти керкаын, то мёдын. Волісны и бабьяс, и посни войтыр. Лиза тодіс, мый рытсö коллявлёны и айыслён соч дорын – Василис тьётлон керкаын. Ветльвліс сэтчо кывзыны бабушыаслыс висыт-майдыяссö.

Василис тьётлон волі вит челядь. Лиза ёртасис воча чой-воккёд, волывліс на дорё. Ляпкыд керкалён пусянінын суалісны пу пызан да кык лабич. Керка джынсö босытісны ыджыд пач да пойлать. Тайё дзескыд жыръяс рытыйсисны. Том ныв-зонлы лёсыд волі ворсны да сывыны тані. Бабьяс рытбыд печкисны, кылсны, бантісны. Челядь кыйкъялісны паччёрсянъ да пойлательянъ. Найё окотапырысь кывзісны важся висытъяс.

Отчыд ёмалён кодь крукыль пыра, шильтом бабуш висъталіс:

«Оліспы гозйон. Гётырыс казяліс, мый верёсыс кытчоқо ветлывлө вой шёр бёрас. Отчыд сійө эз узы, кыйёдчіс. Войшад верёсыс сувтіс, ен пельбосыс мыйкө перйіс, мавтіс чужомсö. Сэсся петіс посводзö, пуксис *няръян* вылö и «оп оп» шуалігтыр лэбис кытчоқо.

Мöдьис гётырыс бара кыйёдчіс, тожö пуксис *няръян* вылö, «оп-оп» шуис, и лэбзис. Быг көть петö вомсыыд, а коло дугдывтöг висътавы «Оп-оп», мед он усь му вылö. Лёбб гётырыс снегжті, оз и дугдыв «опопасыны». Вомыс пин мудзис. Воис яго, а сэні пасъсыд кушинын чукортчомны тöдтöм йöз. Дугдис «опопасыны» да пуксис муö, йöз пöвстö. Видзöдö, а верёсыс сэн жö. Вöлёмкö, сійө еретник. Аддзас гётырысö, матыстчас сы дорö, шöпнитас: «Мыйлö татчö воип? Мун бöр, менö öд виасны, тöдмаласты кö, мый тö локтин». А гётырыс оз кöсйы бöр мунны, мудзи пö. «Мун, кыкнаннымöс виасны» – тшöктіс верёсыс.

Пуксис сэки гётырыс *няръянас* да «оп-оп» шуалігмоз локтіс бöр гортас. Тайö збыль вöлöма».

А мöд бабсянь со кутшöм висът кывлісны:

«Отчыд удж бöрын том морт мöлдöчis горто Абъячойсянь Тыдорö. Видзöдö, а сы водзвылын кёлеса гёгыльтчö. Морт чуймис. Мöвпыштіс кёлеса бöрся вётчыны. Мунис, мунис, и кёлесасыс ачыс тöра вылö кайнис. Мунысь кватитіс сійös да пунс гортас.

Пыртіс кёлесасö пес сарайö, кöртавліс гезйон да öшöдіс стенас ыджыд кöрт түв йылö. Гётырыслы нинöм эз висътав та йылысь. Гозйон сейисны да водісны узыны.

Асывнас том морт петіс пес сарайас, а кёлеса местаас гезйон кöртавлём нывбаба öшалö. Горён бöрдö:

– Лэдз менö горто. Менам öд сэні челядь да верёс. Воштісны, кёнкö, менö. Тöждыссыны.

Том морт шую:

– От лэдз. Нинöмла йöйтавны.

А нывбаба ётитор лёвтö:

– Лэдз менö, разь кörтöдсö. Ме абу мыжа. Меным тöдысьяс тшöктöсны кёлесаö пöртчыны да гöгыльтчыны.

Жаль лоис том мортлы нывбабаыс. Разис кörтöдсö. Лэдзис сiйöс гортас. И некодлы та йылысь эз висьтав, кöть и аддзылiс тайö нывбабасö сиктысь».

Пёжар

Öтчыд Лиза сёр рытöдз пукалiс Василис тьёт дорын. Рытпук вылысь ставыс мунисны, а племеничыслы тьотыс тшöктöс войковтны. Лиза регыд унмовсис, но вой шöрын друг мыйлакö садьмис.

Войыс тöлыся, югыд. Нывкалы оз узьсы, синмыс тув кодь. Вöзйисис гортас, а Василис тьотыс некызд оз лэдз сiйöс öтнассö войын. Лизук бöрддзис:

– Ме муна! Гортö кöсся мунны!

– Бобö, татшöм югыд войын öд кöйньяс волёны, уськöдчасны тэ выlö.

– Ме зэв öдйö муна, и найö оз кутны менö!

Вöчны нинöм, ковмис лэдзны асныра племеничасö гортас. Тьотыс колльöдис Лизаöс орчча керкаöдз. Водзö нывка мёдöдчис öтнасс картов мусыс пöлён чукльöдлысь туйтi.

Иирмög босытö, кöдзыд. Енвеvтсянь коялö эзысь дзиrдъяссö югыд тöлысь. Турöб гöгыльтö еджыд мусыс вывтi лым мачьяссö. Лиза мунö полигтырий, дзöръялö. Со тыдовтчис гортыс, и нывка быттьö бордъясис. Ньёв моз лэбзис потшöс дорöдз, котöрён кайис кильчö поскöдьис да ииркöдчис öдёssас:

– Ой, мамо, восьты! Ме кынми, восьты!

Мамыс гольс восьтис каличöн игналöм öдёssö. Повзьёмён юалiс:

– Мой лоис, нылö?

– Нем эз ло. Мем оз онмыссы, да гортö локтi.

– Мойкö абу сiдз, вой шöрын кö гортö кыскö. Ладнö, ме аски юала Василисалысь, гашкö, мойкö лёктор вöчин да.

Лиза ёзтіс би да кутіс лыддысыны. Мамыс ронкө пылыс вылő:

– Код нöвойн лыддысыö? Кус бисö, узь. Садымдан чой-воктö.

Лиза шöпнитіс воча:

– Мем тайöс колö аски кежлö лыддыны.

Друг сiйö казялiс, мый пötöлök розыстi тюроббон петö тшын. Синсö куньлiс, сэсся бара видzöдлiс, а тшыныс пыр на петö. Повзис, шыасис мамыс дорö:

– Мамо, пötöлökсыс тай тшын петö.

Мамыс эз эскы, öлöдiс:

– Ме тэд шун, узь. Бисö кусода!

А Лиза ассыыс дольö:

– Мамо, пötöлökтi тшын петö.

Сæk вöлисти мамыс чеччис вольнасысь, мыйсюрö чöйтiс вылысае. Видzöдлiс тшыналысь пötöлökö:

– Ойя да ойя, ыджыд лешак, пöжар!

Мама-ныла петiсны посводзö. Мамыс горöдiс:

– Пöдöдис, буракö, öзйöма трубасияньы! Кайлы, нылö, видzöдлы!

Посводзсянь пöдöдö позьö пырны метра джын пасыта розтi. Сэтчöдз куим метра дорö колö кавшасыны кер помъястi. Кый моз пиглясьёмöп Лиза кайис пöдöдö. Сәнi тшын суалö. Вöлömkö, керка пötöлökкис öзйöма пач трубаяс йитясь пу колодечсянь. Колодеч помас джоджас тэчöма уна кирпич, пöвъясыс на улын сотчöны. Колö öдйöджык разъны китö сотысь кирпичсö, медым бисö кусöдны.

Мамыс мыччис посводзсянь кепысь гоз да кык ведра ва. Лиза тэрýба кисыталiс öгралысь пöвъяссö. Мамыс мыччис Лизалы лым тыра ведрайас, и пывка кутiс шыблавны лымсö биö. Лымайыс чискö, а пöвъяс оз күсны, öзйöны, тшыналöны.

Мамыс кыдзкö-мыйкö кавшасис жö пöдöдö, пондiс разыны кирпичсö. Нылыслы тшöктiс ва вайны суседлон öшмёссысь. Лиза котörtiс вала. Йизьём öшмёссысь васö колö перйыны кузь зор помö öшöдöм ведраБи. Лиза вын выйтi лэдзиc зорсö джуджыд срубö да кыпöдiс кык ведра ва. Посводзсянь мыччис васö ярмöм бикöд вермасысь мамлы. Та бöрын мама-ныла некымыпсысь на ветлiсны вала.

Бисё кусодом бёрын бырис эбёсныс. Джоджын нискысь-узысыс Роза да Юрий вылёр пёттолёксянь кутіс войтавны ваяс, и найё садымисны. Повзисны, мёдісны горзыны. Лизалён киясыс да пидзёсис гёрдөс, кынмомаёс васё ваялігөн. Мамыс ошкис ичтө нывсö:

– Эн кё лок, бобё, куимнанным эсьё сотчим керканымкёд тшотши. Тэнад ёд съёлёмыид тёдіс та йылысь. Тятёйд, буракё, тшоқтіс тэд вой шёрвой локны гортö.

Венчальной сарапан

Война бёрын нывбабаяс гажёдчисны то ёти, то мёд керкаып. Коді корас, сыдорын и чукортчылісны. Ставон ётвылысь шойчисны, пöttтөдз сейисны, сурюисны, съёлём бурмытөдз байтісны. То ставон откывиö горёдчасны, то съылёны. Унджыкыс волі дёва. Верёсъяс усисны фронт вылын. Сурсо неуна видлісны и челядь. Градуса сурись нывкайслён гёгөрмүнліс юрныс. Мамъяс блодісны найёс, эз тшоқтыны юны.

Лым сылігөн пасийсны кодрасян Радульнича лун. Ставон тшотши кайисны шойна вылёр казытывны кулём йозёс. Кодрасяントорсо вайисны ыджыд чышъяно гартом тасьтіп да дозыын. Дири пукалісны му вылёр вольсалом лыс вылын, сейисны-юисны, байтісны. Бур кывиöн казытылісны мёдарьююгыд муном рöдвшүжсö, тёдса йозёс.

Отчыд татшом гаж бёрын гортö мунігөн Кирё Анна нывъёртыс корис Лизаöс:

– Пырав миян дорö. Мамо абу юртын, муніс мёсъяс лыстыны.

Сылён Пёладдя мамыс уджаліс колхоз фермасын дояркаён. Найё пырисны Анналон кык жырья неыджыд керкаё. Пыранінас сулалё ыджыд роч пач, пельбас – пу пызан да лабичъяс. Гёгөр пелькодома, сөстөм. Анна тэчис самёваро ва. Самёварлыс трубасоюис роч пачын вöчом розьё, мед тишины петас ортсо. Озтіс самёварлон шёр юкёнююбом шом да сартас. Чай пузьёдігөн съёлёмсянь сёрнитісны. Анна юörtтіс Лизалы:

– Тёдан, миян мамодён сэтшом мича сарапан эм. Мунлёма сійён верёс сайё. Комодёpunktома да видзё кулан паськом пыдди. Некодлы на эз петкёдлы. Көссян видлыны?

Лиза вочавидзис:

– А мёйла ог? Петкёдлы.

Важдырсиянь сиктса аньяс видзисны венчальной вöччансö кулан паськом пыдди. И рöскод абу, и мича. Сöмын тайёс паськомсö бöкбöйяслы эз петкёдлыны.

Анна петавліс кытчöкө да пыртіс мамыслысь венчальной паськомсö. Лиза акнитіс нимкодыысلا, сэтшом мича вöлі кöрёмаа сарапаныс. Сарапанлён сиптыса морёс вылö вурёмайбесь парчаись визъяс. Водзсö подулöдзис вöччöдöмайбесь шöртись вöчом петляясон, а голя дорсö – вышивкаён. Дöрöмлись сорса кöрём сосяссö мичмöдöмайбесь вышивкаён да кумачён.

Нывкаяс сёрпинтисны мерайтны мича паськомсö. Первой кöрёмаа сарапансö кышаліс Лиза. Но Пöладдялён пасьыс вöлі косіник нывкалы выйті ыджыц, гöгрöшöдчис. Лиза дыркодь бергаліс рöмпöштан водзын, сэсся пöрччысис да тшöктіс мерайтны нывъётрыслы. Анна кышаліс улыс юбкасö, кöвъяссö öкуратнöя кöртыштіс водзас. Пасыталіс кöрём сосяса дöрёмсö, а сы вылö – сарапансö. Баниём чужёма, зумыд вир-яя нывкалы венчальной сарапаныс вöлі пöшти буретш. Юрсисö Анна лэдзалис, чышъянаис.

Посвоздын дзуркнитіс öдзöс. Кылö, Анналён мамыс локтіс. Нывкаяс повзисны. Анна котёрён дзебисис пач гöлбечö. Керкаö пырис Пöладдя:

- Но-о, Лиза, видза олан. Кён нö Анна?

Лиза збоя вочавидзис:

- Видза оланныд, тётя Пöладдя. Анна кытчöкө пестіс, öддьё локтас. Самöварсö со пузьбöдім да эг вермö пызан вылас лэптыны.

Пöладдя кыпöдіс пöсъ самöварсö пызан вылö, заваритіс чай. Сёки воссис гöлбеч öдзöс, да сэтысъ полигтырии пестіс венчальной сарапана да чышъяна Анна. Яндзимсыс шуём рак коль гöрд, юрсö öшöдöма. А мамыс ньоти эз лёгась. Сійё нюмьёттіс, матыстчис нылыс дорö, топöдіс морёс бердас да кыныда шуис:

– О-ой, юғылуной менам, кыдзи тә быдмомыид! Менам пасъкомой нин лөсялө!
Сэсся друг бёрдзис:

– Тайо ёд менам венеч ув сарапан!

На вылө видзёдігөи Лизуклон вазисны сиңясыс. Керкаыс быттыө югдіс Пöлладдялөн радлөмьель, нывнас събломсянь нимкодясьомысь. Нывбаба бёрдігмоз весаліс пуюм картов, тәчис тасытіо, бура нöкъяліс сiйөс да недыр кежлө сюйнис шоныд роч пачо. Сэсся мама-ныла да гөстея дыр пукалысны пызан сайын, чоңмасиесни пөсь чайён да пачын пöжөм шомкөров картовон.

Медводдза најётка

Лиза да Римма помалісны квайтөд класс. Заводитчис гожся каникул. Юнь төлөссын горт овмөсси абу уна уджыс. И видз вылө оз на ков ветлыны. Прöст кадыс тырмымён.

Отчыд Римма шунис Лизалы:

– Тятё корис менё нитш нетишкыны. Шуис, мынтасны пö. Тэ көсъян мекөд ветлыны?

Лиза пыр жо соглас сетіс:

- Ветла, дерт. А кытчо коло мунны?
- Ю сайо, Тыдор сиктса лесопунктö. Тятё уджалö сэні.
- Гапкё, Анна мамлыш Толяös аскöд босытам?
- Мед локтас.

Рытнас гортсаясқöд сёрнитны ковмис, медым лэдзасны лесопунктö. Некод, дерт, эз сувт паныд. Денъгаыс пыр коло.

Асывнас Римма, Лиза да Толя мöдöдчиниси туйо. Лэччиниси ю дорö. Пукисини локтысь-мунысь йöзкөд перевозо да вуджисны юлөн мöдар берегө, Тыдор посёлок.

Абъячойса леспромхозö пырысъ лесопункт, кöпі уджалö Риммалөн айыс, суало Тыдор посёлок сайын. Километра квайт коло восылавны көрт туй кузя. Бурети

сэті ләччөдөны вörсö ю дорö. Римма, Лиза да Толя мöдöлчисны көрт туй кузя подöп. Толя мунö водзын, нывкаяс восьалöпн сы бörся. Гёгёр суалö тиöкыд вör. Чöвлöнъ, некод абу матигöгöрын. Челядьлы весиг лов выланыс кыdzкö абу лöссыд. Бур, мый Толяöс корисны аскöдныс. Кöть и абу на ыджыд сïйö, по мужик рöдись, надёжной ёрт. Кунмöнлы гажаджык.

Мунисны, мунисны да воисны лесопунктö. Пыравлïсны контораса бухгалтерияö, кöпі уджалïс Риммалöн айыс. Локтïс мастер да нүöдïс челядьöс нитшкä ятö. Нитшö нетшкыны ыджыд мывкыд оз ков. Асыс бригадирöн чайтысь Толя ыдждалïс пывкаяс вылын. Сïйö тиöктïс Риммалы да Лизалы нетшкыны уль нитшöс. Ачыс сувтöдлïс майöгъяс, лöссыдïс зорöдïн. Та бöрын кутïс отсасыны пывкаяслы. Нигипö тэчинсны косытыны да быгöдны майöгъяс костö зорöд моз. Лун шöрöдз мырсисны. Зорöдис мыйлакö вывтï ньöж жö содïс, и Толя дöзмöмöн шуис:

– Тадзи ми рытöдз ог помалой. Колö кыпöдымитны зорöдсö.

Сиюс дëтиника сюйис зорöдас отар-мёдарсянъ гуся бедъяс, медым сïйö джуджыдджык вölі. Сэсся матигöгöрыс пöшта нетшкисны да тçинсны зорöдас нитшöс. Гуся бедъяс отсöгöн зорöдсö регыд йывдïсны. Кепысьяс эз вöвны, и челядьлын кияс тöрдöдïсны нитш нетшкöмыс. Мудзисны, нылём дзулькïйн петö, а лов выланыс долыд.

Локтïс буретиö обед кад. Челядь местигчинсны пуяс улö, перийисны дöра сумкасы сёян-юан. Сёяныс вöрын, лэбач дзользьём улын, вölі уна пöв чöсқыдджык. Ставсö бырöдисны, мый вайисны, быттö нинöм эз вöвлы.

Шойчём бöрын пöшта öти нитш зорöд карисны. Бура уджалöмыс налы сетисны лесопункт цекарняясь пöсъ пянь тупöссын. Радпырысь пуйисны няньсö гортаныс.

Аскинас Римма, Лиза да Толя бара вуджисны иеревозöн ю сайö да кайисны тöдса көрт туй кузя Тыдорса лесопунктö. Лун джын уджалïсны. Толялон гуся бедъяс отсöгöн коймöд нигипö зорöд вöчинсны. Обед бöрын на дорö локтïс мастер. Гёгörtïс нитш зорöдьяссö, примитïс уджсö. Слабог, нинöм эз казяв. Весигтö ошкыштïс

найбіс да нубідіс контора. Сәні челядьлы, кабалаў тіжсьом бўрыш, септіндын уджон. Лесопункт лавкасынайбісны гез вылў пысалом гырысь кёлачяс.

Лиза медводдазысь вайис гортас гумага деньга. Тшотпіньяясын ошыныс. Мед завидтасны.

Турун пунктём

Сизимәд класс помалом бўрын челядь ветлісны колхоз уджалысъяскод пунктны турун. Гожомнас Лиза тшотш мунис кызы километра сайё, Ожин юбердса видз вылў. Юлон мөдар берегын тыдаліс Читаев спк. Лиза төдіс, мый Ожин усьё Луза юё, а Луза – ылжыд Юг юё. Ожин кындзи, Луза юлён эм пойнта нелямын вож.

Ичтөн на Лиза ветлывліс видз вылў мамыскод. Турунсо пунктінды Ожин юё визувтысь Сыв шор бердым. Соқи колхоз уджалысъяс ки йылын, кык потш костын, новлісны турунсо зордъяссо. Ичтөн Лизук вын вывті отсасис мамыслы да ёна мудзліс. Мамыс ёктіс Сыв шор дорысь сэтёр коръяс, и нағё юисны вёр-ва дука чоскыд чай. Комиын важдырсаян турун пунктан удж пансис Иван лун-вой бўрыш. Сэтчоңду турунъяс вынесялйни да сёвмёны. А луннұвланы олысь абыячойчи сиғортомаёс некымын зорёд Иван лун-вой тажоңда на.

Өні Лиза ылжыд нин. Ертъяскод тшотши верстю моз ытшкөн гёрбушоң веж турунсо. Куранён бергөдлө да косыт ытшкөм турунсо, куртө, зордасъё. Турун пунктисъяслон Валерьян ниша бригадир көтү и зэв шмонитысь морт, но тишулыч чорыд. Сы могысь, медым унджык ытшкасын, бригадир мукөддышын панліс ытшкисъяс костын тешкодь ордайысъом. Уна серам петкодліс.

Отчыд пывқаяс ёктінды видз бердись тиак да пуйисны шыд. Валерьян бара теш вөчис. Сейнігөн гусьён босытіс ёти киас тиак да дзебис кисё мыш саяс. Тиака шыдсо паныштіс, сәссе кисё мыш сайсыыс мыччис, петкодліс:

– Ой-ёй, видзодлой, тиакыс бёр нин петіс, сәмын на пынышті а! Сейні ньожийоникон, мед тіян оз жо пет.

Челядь дыр гигзисны, а Валерьян кадсö эз вошты, пöttöдзыс панясис. Шмонитомнас ставсö пörйöдлëс.

Лёссыид да гажа вölі челядьлы гожыйны видz вылып, не кö лёкыс. Отчыд Лиза да Римма гёниятиспы верзбён да броткысисны мүö. Лизалён син водзас ставыс кутис бергавы. Весиг кок йылö сувтны оз вермы. Та бöрын сылопи тшöкыда висис юрыс. Код тöдас, гашкö, юр вемисс вёрзис да.

Видz вылын уджалгöп челядьлöп гажыс бырлëс гортыса сёянысь. Бригадир кадысъ кадö лэччылëс сиктö, и велöдчысъяс тшöктисны вайны гортысь мыйkö чöссыдтор. Лиза пыр гижис гумага листö отитор: «Мамо, меным ысты кöч яй, пось йöла юмов чай да кольк». Нывка видлëс кыйсысь рöдвуж дорö пыравлгöн быдсяма звер-пötкалысь яисö, но медся сылы кажитчис кöч яй. Гортын кöч яйыс, дерт, эз вöв, и сы пыдди мамыс ыстис Лизалы кутпöм эм пюём яй. Кор Валерьян вайис ыстöмторсö, челядь ёна радлëсны. Тэчинсны сёянсö отилаö да чöсмасисны, ёрта-ёртöс гёститöдисны. Бригадир шакöд тшöтш пуксылыс да став чöссыдторсö видлëс.

Шойчинсны турун нуктысъяс иёль кер судта неыцжыд срубыйн. Яшкыд стройбайын позис сöмып пукавны либö куйлыны. Узланап шöрас пестисны бипур, и тишиныс петис сруб вевтын вöчöм розвт. Оти-кö, вölі шоныдджык, мöд-кö, тишинкöд тшöтш став номийс петис ывлä вылö. Войбыд öзись бипурлöп отар-мöдар боксянь узисны. Ужнайтöм бöрын Валерьянлöп бولгöм шы улö мудзöм челядьös регыд личкылыс крепыд ун.

Узланапсиянъ тыдалис Вухтым лесонункт дорын суалысь ыджыд гёра. Отчыд обед дырий Валерьян шуис челядьлы:

– Пывсыны кö окота, ветлой Вухтым. Гёрасыс сэнi петö пось ключ.

Нывкаяс обедайтисны да мунисны Вухтым гёра дорö. Сэнi збыльысь – му пытшкысъ, гёрасыс – петис гёрдов рёма пось ва. Лизаös вывтi чуймёдис китö терпитетись пось вавыс. Сылы вölі окота тöдны, кылзи артмёма дивö кодь ключыс.

Нывъёргъяс гигзисны-сералисны, мыссисны да коясисны пось ванас, а Лиза лёния любуйтчис ключён. Ичётдырсянъ вöр-валöп быдсикас чуймёдантор кыскис

сійös ас дорас. Лиза дивуйтчис вёр-валён аслысполёс мичлы, мёвпадіс поводя вежсыөм йылысь. Чукортіс мича изъяс да петкёдліс гортсаяслы. Вухтымö ветлом бёрын Лиза мёвпыштіс велёдчыны геологө.

Дзолянь ключ

Лун шёр. Шонді меліалö уна рёмён ворсысь дзоридза эрдъяссö, ид-зёр быдтысь мусö, тшак-вотös чужтысь ягсо.

Сиктса челядьлы лунбыид кежлö тырмö уджыс и гортын, и йёрын. Лиза дзимбырон мысько керка джодж. Дзимбыр – тайö пывсян пачын сотчом-посньöдом из торъяс. Нидсö весалігöн дзимбырыс майтöг моз быгзьö. Содз тыр дзимбыр джоджö койыштöм бёрын Лиза ниртö веж быгъя ва ветъёкön пöв бёрся пöв. Сэсся бура пожъялö джодж ветъёксо, пыздыртö сійös да косътö мыськоминсö. Нылёмсö чышкигмоз видзöдлö öшиньö, эз-ö локны нывъёртъясыс.

Вёлёмкö, нывъяс чукортчомаёс нин потшöс бердын карнанъясон да ведраясон. На пöвстын тыдалёны Бычö Римма, Ермö Тамара, Кирö Анна, Сеня Анна, Педёр Лидя, Гаврил Кланя да Паин Анна. Мёдöдчомаёс тöв и гожём сöдз ваён йöзös юкталысь Дзолянь ключ дорö. Ас костын байтöны, виччысъёны Лизаöс. Сöмын Тамара чöв олö, видзöдлывлö аслас керкалань. Полö, мый крут сяма мамыс дöзмас виччысъны да локтас татчö видны нывсö. Лиза по ставсö мыськалома, а тэ пась вомён виччысян сійös, сытöг али мый он аддзы ключсö? Но мамыс оз тыдав, и Тамара бергöдчö нывъёртъяслань.

Лизук петис кильчö вылö. Мыськис краситтöм, зэръясысь пемдöм пöвъяссö, лесничсö. Джодж ветъёксо да ведрасö пожыштіс, пуктис кильчö помö. Юрий вокыс матыстчис кильчолань, но оз лысът пырны гортас. Тöдö, мый джодж косъмытöдз Лиза некодöс оз лэдз керкäö. Со нин ыдждалö:

– Коктö тай нидöсystöмыд! Чышкы бура да сидз пыр.

Ачыс тэрыба тэчис кильчö леснич тшупöдъяс вылö да косъмытöм на посводзö тетрадь листвъяс. На вылö тувчталомён ичöt вокыс пырис керкäö.

А Лизакватитіскарнан даведраяс, и нывкаяс мөддөчисны вала. Ключодз километра мында коло мунны. Абъячойчи важёнсян нимтісны мича шыён дзольгысь ключсо Дзолянъон. Ваис тані медся чоскыд, и чайтой век юёмны тайё вайыс.

Көмтөм кока нывкаяс тэрмасытөг мунёны ёрта-ёрт борся векныдик туй выйті. Ылодз кылёны челядьлын гигзьём да гажа сёрни. Туйыс нуодё қыркотш улын визувтысь шордорö. Юём вылô васо татысь оз босытны. Тані пожъялёны да нöшалоны мысыкөм кёлүй. Шор вомён потшті вуджом борын нывкаяс кайоны крут крежті вывлань, яг дорö. Сэні му пытшкысь петö неыджыд Дзолянъ клоч. Коми сылан моз дзольгö мелі да небыд шыясон. Помтөг позьё кывзыны, он дöзмы. Кулигаса нывкаяс ичот шоръяс кодьёс жо – мичаникөс, визулось, варовось.

Ва тыра ведраяс нывъяс мөддөчисны гортö. Отa-мод борся вуджисны шорсö да кайоны гёрасö. Мунёны видзчысымён. Сюся видзёдёны кок уло, мед не конъясыны. Медводзын муныс Лиза кайё гёрасö кок чунь йылын, медым вайыс оз войтышт. Карнаныс лöссыда артмөдчома векныдик пельпом вылас. Нывка видзёдлö ва пыр толысь моз дзирдалысь ведра пыдöс вылô и гусьён нюмъётö. Весиг оз шойчы, медым не кисыкавны сöдз васо. Пырас керкао дзиқодз мудзома, но долыд. Мамыс юалас:

– Но мой, нылô, бара кок чунь йылын локтін, ва войт эн уськод?

Синкымсö зумыштöмён Лиза вочавидзас:

– Эг, ни оти войт эг уськод. Ставсö гортö вайи.

Мамо

Локтіс тулыс. Колхоз мусас ас кадо кёдзом могысь гёроны водз асывсянъ. Мужичойяс усисны фронт вылын, и став съокыдлуныс вичмис аньяслы. Уджав да уджав, верман коть он. Коло водзö овны, кыпöдны кок йылô быдмись войтырёс.

Лизалон мамыс чеччис ывла югдигон. Енув джадж водзын чöйтіс пернапас, мыйкё шопкодыштіс вомгорулас. Мөддөчис удж вылô. Чöйтіс жугыль видзёдлассо джоджö пасьвартом вольпасыын узысь пипöлыс вылô да ньёжийоник петіс ывла

МБУК "Ижемская МБС"

вылő. Гёрны мунігён мам пыр кутіс надея сы вылő, мый удитас час куим-нель мысти пыравны гортö да вердны челядьсö.

Квайт час тёгёр шонді югёръяс лёния воськовтісны керкаö югдём öшиньöд. Вуджортісны стенті, малыштісны джоджöс, садымдісны Лизукöс. Орччон сыкёд джоджын, идзас перина вылын, нискисны-узисны Роза соч да Юрий вок. Лиза бергöдчис мёдар бок вылас да бара ойбыртіс.

Дзуркнитіс öздöс, и керкаö пырис лёсыд мыгöра Сöлö мамныс. Верöсыс моз жö 1906 воып чужём ань комын вит арёсон колис дöваён, а мичлунсö да статьсö видзö. Сылён пельпом вылő верёсысь отдор некод эз пуктыв кисö. Гуся думён ныvbaba быд лун виччысöю юртöг вошöм вердссö, Степан Егор Осипöс Гашкö, воас на, аддзыс-яс кыськö. Война дырии быдторыйыс овлö.

Лиза садымис да унзельпир видзöдліс мамыс вылő. Мам чöйтіс вазьём чышъянсö пач дорын öшалысь гезйö. Лизалы пыр жö усис дум вылас гожся кад. Видз вылў мунігён мамыс век босытіс куим ситеч чышъян, медым вежны, нылётас кö. «Миян Сöлö куим чышъянöн туруналны мунö» – шмонитісны ныvbabаяс. Со и оні сiйö кöрталіс юрас сöстöм кос чышъян. Кынмём кокас вазьём кёмкот пыдди кöмаліс гортса важиник кötі. Пöttöдзыс гёрöма, нылётöма, но чужомыс долыд. Öд талун гёрöмысъ мынтысисны кык кило рудзöг пызьён. Мам тэрмасытöг тшукоöдіс пачö би, гудыртіс пяньшом да кутіс пöжавны пач вомын пыналём кирпичъяс вылын сöчöньяс. Лоö мыйён чай юны. Прамой пось сёянсö пуас пач ваймём бöрын.

Лизалы лоис жаль пусянин ноксысъ мамиыс. Мам сьёлём нуис ас вывті уна сьёкыдлун да неминуча. Лун и вой сiйö уджаліс pipöв понда. Став олёмсö, став томлунсö сетіс налы. Вердіс, видзис, велёдіс найöс. Идрасис гортса овмёсын. Война воясö дöзьоритіс колхозса ку坎ьёс. Быдтіс важ школалын mestitöм курöг видзанінен колхоз чипанъяс. Курича видзысъ Соломонида Лихачёва йылысь весиг лэдзисны неыджыд книга, а бура уджалöмысъ сылы сетісны медаль.

Шебрас улö дзебсöмён Лиза мёвпаліс школа помалём йылысь. Сэки сiйö велёдчас водзö да кутас уджавны. Ваяс семяллы ассыыс нажётка, и овны лоö уна пöв кокниджык.

Но олөмис сэтшом, мый ичтөн он вермы тёдмавны локтан кадсö. Став кёсийомыд, дерт жё, оз збыльмы. Нёдзласигтыр чеччыс нывка оз тёд, мый недыр мысти, 1956 воын, семяяс суас ыджыд шог. Сийё воё бурети выйті госсялас наён порсыыс. Татшомыс век овлö дивö водзын. Чипанныс дыр ветлалас котшомён керка сиғортى, и Сёлө мамыс тёждыс ѿмён шуас нылыслы:

– Лиза, тайё абу бур. Мойкё лёк лоас.

Арся лунö кык чой воштаспы ассыныс ветымын арёса мамосö да дас ёд классын велёдчыс Юрий воксо. И вок, и сийёс проводысь мездыны зильсь мам ётпирёй некымын здукён куласны электрической токысъ.

Неминучайд на Роза мунас верёс сайё Чёрныш сиктö. 1957 воын том гозвялён чужас Галина нима нывка. Олём чёж найё бытасны квайт пи-ныв. Соломонида Александровна оз и аддзывлы ни ёти нук-нучкаös.

Томиник Лизавета регид петас изьваса зон сайё да мунас чужан Луздорысъ войывыв Изъва ю дорö. Кыпёдасны выль керка, бытасны да велёдасны вит челядь. Налы усяс шуд видзны уна нук-нучка. Ветымын во сайё олас абъячойса мортыл Извыа мыын. Но быд лун сийё нимкодынырысъ кутас казтывны чужан Кулига грэздсö, бать-мамсö, чой-воксо да рёдвуужсö. Висъталас гортсаяслы абъячойчиён олём йылысь, аслас ичтдырся кад йылысь.

Война дырий быдмысъ Кулига грэздса челядьлон олөмис эз вёв кокныд, но век жё дзольгис Дзолянь ключиён гажа шыяс моз. Од быд мортлон челядьдырыс овлö отчыд, и тайё быдёнлон медся майбыр кад.

Менам шоныд діяс

(Повесът)

Сиа менам ай Хозяинов Зарни Евдоксеевич
йылысъ югыд паметълы

Ёртъяс

Дивуйчча, мый нэм джын инн ола свет вылас. И мыляке пыр частэджык думен да вётэн вола аслам челядьдырся воясэ. Вед сэчче коли ачум – лыс кодь весъкыд юрсна нывка, код любитис ёктыны луд вылысъ катшасинъяс, корсыны ю дорысъ мича изъяс, ворсны ыллаын мачен, а гортын – аканъясэн, ысловны дадден да лызен, вуграсъны, ветлыны походэ, рисуччыны, лыддысынны. Тая нывкаыслы, кёнешнэ, колис и отсасынны горт гёгер: уберигты керка пытшкес да сод дор, пыртлыны пес да ва, ноксыны картупель му вылын, карны турун да пес, калыны яге тшак-вотысла.

Тадж же олісны Кельчиюр сиктса школалын мекедум велэдчысъ нывъяс да зонъяс – 1950-1960-өд воясын рёдиччем коми челядь. Ас костанум ми гежда пинясим, юкнысэ волі нинэм, олім лёня. Ёртасемнум детсадсянъ вуджис школаз. Онэдз синъяс водзын челядьдырся ёртъяс – шор катыдса детинаяс: Тимо, Женя, Сергей, Валерик, Федэр, Шурик. Онэдз дум вылын дона нывъёртъяс, кодъяскед велэдчи ёти классын: Таня, Нина, Зина, Фания, Диана, Надя. Челядьдырся воясэ менам колисны накед – войлэм и велэдчем, пионере пырем, кружокъясэ да лыжнэй секцияэ ветлэм, школьнэй вечеръяс коляллэм, походасем, вуграсем, видз вылын рёбигтэм, клубын кино видзедэм да йёктэм. Накед колисны менам велэдчан вояс, шойччан лунъяс да праздникияс. Ёртасемнумес ми никор ог вунэдэ, коть оні гежда приведилэ аддзысылыны ёрта-ёрткед.

Нёшта и нёшта окота волыны ылэ бёре колем челядьдырся 1960-1970-өд воясэ, аслам рёднэй му вылэ абу олэма мортэн, а луд кузя воедысь лёз синъяса, еджыд юрсия нывказэн. Кыске сэксяй йоз костэ, любимей местаясэ, кён менум, быдмыс мортлы, вёвлі корке зэй бур. Тая и выйым, бураке, менам шоныд діясэ, кодъяс отсалэнси мен овны водзе, вермовны сьёкыдлунъяс, карны мыйке буртор ас мұлы, йозлы, онія нывказасы да детинкайасы.

Кельчиюр

Учёнэйяс гижены, мый Кельчиюр сиктлэн нимыс артмема дженьдэдэм «Кельчишарьюр» («верхняя часть протоки, богатая сорогой») кылышы. Делавыс сыын, мый миян сиктнум суалалэ Изъва юлэн кельчи чериэн озыр шар бердын, шарлэн юрын, модорни ке, катылладорын. Важен сізд լыддемаэс, а онъя олысясьлыс ке юалан, кудз эське роч вылэ вуджедче Кельчиюр кылыш, висьталасны – «голова сороги». Тая абу дзик правильнэ, көть и пошти сізд.

Жаль Кельчиюре, мада рёдинаэ менам, мыттасы мөдпöвсянь синва петтэдз любуччи тэнад мичнад сэқ, кор вуджовлім сэчче вуграсыны, воччины, тшак ёктыны, турун карны.

Первой синме шыбиччены багатыр кодь ниаяс, кодъяс суалэнси сиктсэ кык пеле (Шоркатыд да Шоркывтыд) юкысш шор дорын, Школа нырд вылын. Шоркывтыд – миян центр, вед сэтэн сельсобет, клуб, КБО (вурсян керка), сельпо, библиотека, лавкаяс. Ме ола Шоркатыдын, и государственнэй зданиеяс пишь миян выйым только шордорса нырд вылын суалысш школа да неуна катылданынджык – детсад. Шоркатыдса йозыс спокойнэйдже кесе, навернэ, сіен, мый татэн этшаджык шумыс да суетасы, машинаяс гежда ветлэны. Кодке ке Шоркывтыд мөдэччема да сумкаэн машитігмоз делэвея мунэ кычеге, сідзке, кутшемке делаяс мортыслэн чукармемаэс, колэ ветлыны сельсобет, а гашке, лавкаэ мунэ.

Мөдпöвсянь видзедам Кельчиюрнум вылэ, спичка кёreb кодь дзоля керкаяс вылэ, да ликтысям: вот Шоркывтыд помын, круг креж вылын, суалэ кык судга клуб, кыче ми

любитам ветлыны килю вылэ либе же танцы вылэ, праздник дырыйн – концерт вылэ. Вот джуджыд сельпо магазин. Неылын сэтысянъ суалэ Платон дядылэн керкаыс, сэтэн олэ и сылэн чойыс – менам *Настя пермяне*, код мечча чоскыда пёжасе миян Кельчиюрын.

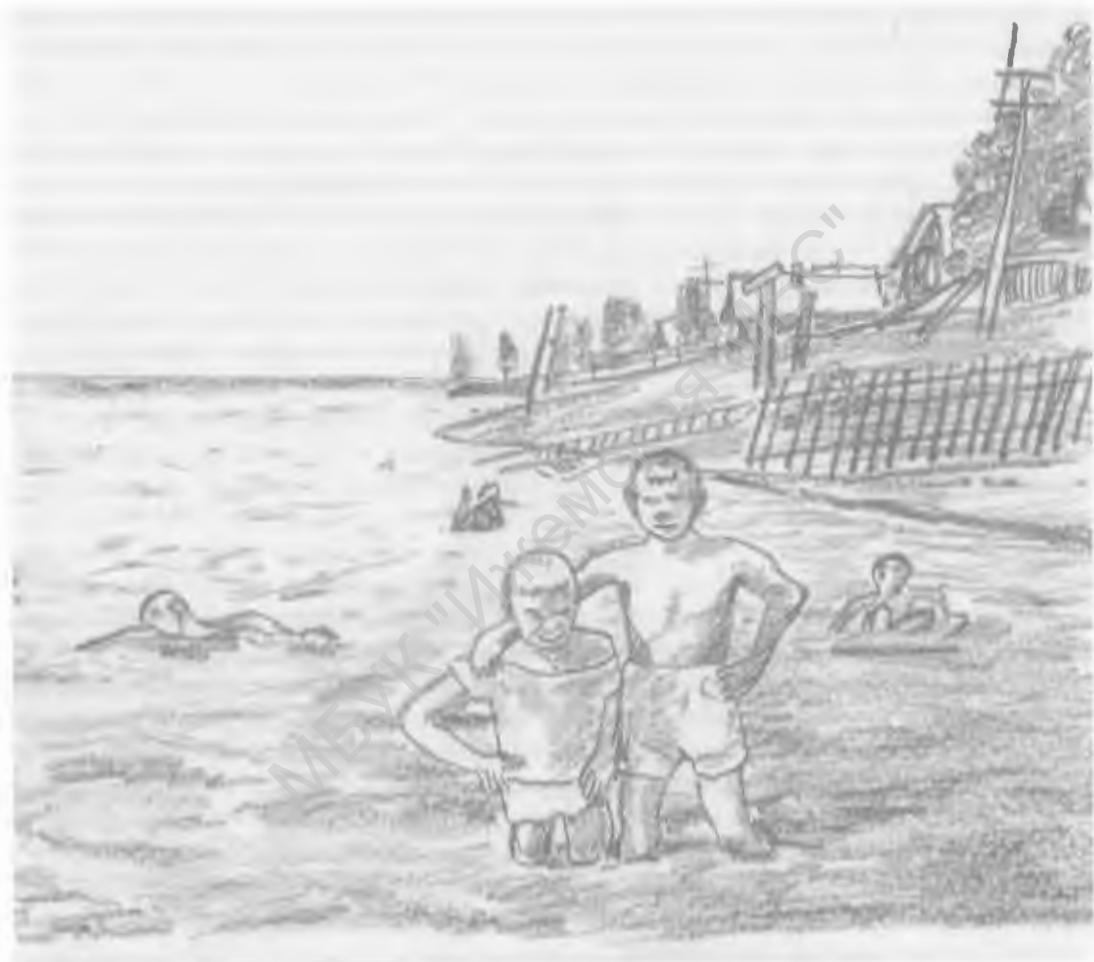
Вот Школа нырд вылын тыдыштэ кык судта интернат, а кёнке сы сайын – миян школа, кыче ветлам быд лун велэччыны. Татэн вошье Шоркатыд, кён керкаяссэ стройтэмәэс күним рядэн: самей ю дорас да гора вылас, и на костын иёпта выйым шёркост ряд. Вот школа директор Геннадий Ивановичлэн куд көдь мнча керкаыс, а орчен неылын – тётя Графиялэн ляпкыд, но топыд керкаыс, водзе – Рыков семьялэн ыджыд керка, кодлэн восьса ёшиняясысь частэ кылэ музыка. Шоркатыдьись корсям и ассюнум гортьясnumес. Дзоля яг да кыдда рас бердьись ме ёdde адда ассюм керкаэс, код суалэ Шоркатыд помын шёркост рядас. Сэтэн и олам ми, вит чоя-вока, асланум ай-мамнумкед.

Изьва ю берег кузяла нюжалэм Кельчиюрнум дзонынас тыдалэ мёдиёв берегсянъ, и тая «картинасэ» ме никор ог вунэд. Сія оз вош синъяс водзысь даже сэк, кор воас кад мунны татысь модор югыдэ. Вед сэн, тая «картина» пытшкас, ме рёдиччи, олі, быдми, и никутшем мёд места ыджыд Му шар вылын оз вörзед сёлэмес сідз, куд менам мада-жаль Кельчиюре.

Шоныд ді

Тулыснас ыджыд ва босытэ Изьва юсэ, сія туэ, и сы кузя бёре-водзе войлэны моторкаа пыжъяс. Юнум сэк сарииз көдь паськыд. Шопыд ке овлэ майыс, ми гожемсэ виччытэг купаччам кёдзыд вавын, код босытэ мусэ пёшти кузынича доредз. Кеяліген да уяліген кок улын абу лыа, а ваэн босытэм луд да изъяс.

А кор вавыс ямас да петас лыа, коле кык ю: самей керкаяс дорын, лыаэдз – Понью, а кузь лыа ке вуджап, локтан Ыджыд ю доре. Гожемнас пыжъяс ветлэны только Ыджыд юті, и миян, шоркатыдса челядьлы, Понью вылын – вöля. Ыджыд ю доре веське лэччылам же купаччыны, но гежда. Сія ота, и модор берегас, мёдиёлэ, гежед морт варччас, да и сэн вавыс зэй визув, кёдзыд, позе и вабергаче веськовны.

Понъюын частәджыксә и купаччим. Понъю ляпкыд, но сэтэн выйым джумъяс. Ыңжыд ю доре ләччиген колә кытшовтны Понъюсә да вуджны ді. Лапкоръен веттысем дыыс куйлә, топ мойдысь ыңжыд кит – паськыд да кузь. Ми сән зэй любитім войлыны. Емке вölі воедны ді выvtі шоныд лыаэ вöялігмоз, а небыд лапкоръяс гилемін күшедәм кокъяснумес. Ворсім сән мачен, дзебсясемен, кутасемен, мукеддырий – картыэн. Валяччим ді вылын, ышмалім сяке.

Ляпкыдінас Понъюын жар лунә вавыс быдсән пуземен пузе, коқтә сотә. Кеялам сән пöttтәдзну. Ва пырыс тыдалысь малекъяс кыедам, куталам наес. Джуджыдінас Понъюын вавыс көдзыд, осәбеннә ді помын – дзик джум кодь. Ді выvtі воедам да бузғысам-чеччам вәә, пöttтәдз купаччам, резсам вазн, ворсам, пока ог лөзәдә. Петам васыыс, дрёжжитам, сідз кынмемаэсь, уськеччам пым лыа вылә, тыртам лыанас ёрта-ёртнумес, шонәччам.

И сәк сэтшем бур вölі съоләм вылын, сэтшем юғыд! Жаль, мый сіес гажлунсә он нин бобр бергед, кудз и ылә-ылә колем майбыр пöрасә – шоныд ді вылын колляләм челядьдырсә.

Менам бабе

Челядьдыр казтыліген пыр аддза ачумес Марфа бабекед орччен. Бураке, сы серти, мый ай-мам рöбитісны, а бабе оліс гортын, видзис нук-нучкасә.

Бабелэн – Хозяинова (ныв дырий – Вокуева) Марфида Ильиничналэн – рöдвујыс петләма Изъва районса Галфедь грэздысь Ёстап Вокуев рöдьысь.

Быд асыв Марфа бабе пукаліс öшинь дорын да кыйис кык кёсәз коскедзыс гыалысь зарни рома небыд юрсисә, öкураттәя гартіс кёсаяссә юр гёгередыс да дзебис сатин кокошник улә. Кокошник вылә көртовліс вöсни ситеч чышъян, и артмыліс бабаюр. Вой кеже разыліс кёсаяссә. И только ми, бабелэн нук-нучкаыс, вермим аддзылны рытнас либе же асывнас бабельсь мича кузь юрсисә. Ләдзаләм юрсинас сія вölіс мойдысь царевна кодь – оттэм кельыд чужома, юғылдоз синъяса, юсь кодь кузь сыліа, ачыс косінік да статя, вöсни килутшъяса, неыджыд

кияса. Новліс бабе скромнэй сарапан, сера вязанка, плюш жакет. Йілдаэ шетігеп веттылыс бабаюрсә да гаровтліс сылі гөгерыс лавкасы ньобем клеткаа шоныд шаль, кодлэн кузъ сыръясыс небыда күйлісны сылэн пельпом-морес вылын.

Бабе ныр воліс гожся асыв кодь лойн да юғыд. Абу сёрниа, уджач, спровора, сія кужис асысә кутны сізд, мый сыкед орчен быдэнлы волі бур. Кор колэ, кужис серам карны, шутитны. А вед олан туйыс бабелэн из вёв кокни да мольыд. Кор сылэн мужикыс муніс рёбітны каре, нүздіс аскедыс тшотиш том тóтырсә да челядьсә. Бабе из вермы дыр овны сэтэн, бёр локтіс челядьыскед гортас – Кельчиюре. А мужикыс кольччис карас, гётрасис мёд вылә. Кыкнан нылыс бабелэн кулісны томдырий. Колис только Зарни пиыс – менам ае.

Кельчиюрын вичко никор из вёвлы. Ог тёд, верйтіс из Марфіда бабе Енлы. Ас мозыс, кёнешінә, веритіс. Мукеддырхан пасъясис Ен пелесә, казытыліс Микела угодникес да мати Богородичаәс. А кор калім бабекед мёгилаас вылә, сэтэн миян рёдьяслән да тёдса яслән гуяс дорын сія мыйке шёпкис вомгорулас, чышкаліс синвасә шаль помнаас. Гу вылас чунынас пыр рисуйтіс крест, и менум тиょқтіс сізд же карны. Ачыс воляэн висытовліс мен, код куйлә тая мёгилаас, му чульк улас, бур кывъясан казытыліс куләмасә.

Мен любе волі ветловны бабекед тшотиш. Сія тоңтаа күтіс мен ки пойләдэ, из ләдз менә бёке гортә вотзәд. Тадз сія, бураке, туйын видзис лёкысь ассыыс нучкасә.

Марфа бабе куліс 1973 вося май 7 лунә, Зарни пиыслән нимлунә, кор ме волі 9 ареса на. Куләм водзас корис сөніка кельчи, и маме пыртіс черисә керкаводзысь. Сыләмсә медбөрысь бурмедіс бабнум кельчи ёснаас да муніс модор юғыдаас сізд же лойня, кудз оліс-воліс свет вылас. Сы лунаас ае ветліс кыйны дзодзег, а кор вайис кылемасә горто, из нин су мамсә ловъяэн. Из удит вердны мамсә дзодзег шыднаас.

Куйлә Марфа бабе Антуш монысыкед ёти ѡтрада пытшкын. Ён ниаяс да пашкыр пожемъяс быдмены турунә пырзэм кык чульк бердын, нелямын во нин видзены наес. А ме быд лун ог ѳтпыр казытыл мада-жаль бабеәс. Мен кажичче, мый Марфа бабе онәдз берегиттә менә. Тоңтаа күтә киәдә да видзе лёктөрйысь.

А кор вола аслам рёдинаэ, олэма йёз висъталэны, мый ме нахедита Марк Илля Марфа вылэ. И тая мен зэй любе. Олэм помедз окота нуны ас пытшын Марфида бабельсь лёньлунсэ да югзедны матыс йёзлысь олэмсэ.

Первой тяпыш

Дзолянанум ми любитім нывъёртъяскед «пёжасъны» ылла вылын. Нясьти лятысь карам тяпышъяс да вўзъям наес асйёза «гёсътъяслы». Ная оз чукрасъны, чепельтэнү миянчунум «пёжасъяснумес», «чёсмасене» да вомнаыс тяпкедчигмоз ошкены наес.

А миян сэтшем окота вўлі забыль пёжовны пызысь да нырзэм йёллысь гудыртэм рачаяс да алладияс, кыссыны пачысь башнем пёжасъяссэ пылан вылэ, майтны наес сывдэм вые тищукедлэм лэбач бордъен.

Корке луннас Марфа бабе доре локтісны гёсътъяс: сы арлыда же Февра да Крестьина нима нывъёртъяс. Воччысемаэс да пукалэнү лабич вылын, сёрни нуэдэны. Бабе пузедіс самвар, кыпедіс пылан вылэ сола чери, пүэм тшак, шома капуста вотыс, мырпом. А мыен нэ ешшо гёсътитэдны Февра да Крестьина бабъясэс? Колэ, навернэ, мыйке пёжовны.

Ме кучи пёжасъны. Кумысь пырті пызы, пожналі, кудз верми. Бабе сёрнитэ гёсътъяскед, а ме вўвсю нокся, кара шомес. Бабе синъяснас гусен кыедче ме бёрся, матыссе да отсасыштэ сэк, кор падмыла и ог тёд, мый водзе карны. Бабелэн нюмъялэм серти ме бура пойнимайта, мый менам нинэм пока оз аркмы. Но сё ровно шомессэ кара, зэй охота миянчунум гёсътъясэс тяпышъясан вердны да.

Мыйке тай сэсся пожалі же чугун сковородкаын кёрт пач вылын. Вит кымын рудов рёма то ли аладди, то ли тяпыш. Курчышті ётикес – пым, небыд, выя, но уль. Мый нэ карны? Гёрдэді дзоньнам, повзи, мый серовны кучасны ме вылам бабелэн нывъёртъясыс. Сулала на доре мышкен да любучча аслам тяпышъясан, кодъясэс пукті мича тасыті. Бабе матыссис ме дорам, босытіс же ёти тяпыш, курчыштіс сиес. Ме виччыся, синъясэс поске лэдзи да, этшаке ог бёрд. И друг бабе кучи ошкыны менэ, малыштіс юрсиэдэ, босытіс кисюм тасытіс да нуис пылан вылэ. «Вот вед, мадаясэ,

и Люся нучкаэ быдмис, пёжасыны кучис, тиыг ог кул», – радиомен висътасис бабе госятияслы.

Ми пукалім пызан сайын да юим менам первой тяпшыясын чай. Көтү и ная из вёвны башынасы, а вёліны, *top* пластилиндыс, улесь да лёшмемаасы, ме радиорысь чёмасын наэн. Ог төд, кудз вермисны сейны уль тяпшыяссэ госятияснум. Бур, мый этша пёжалі, вит кымын и тёрис сковородкаас да. А баббяс – олэма йоз – пином лёксэ из висътовны, из серовны ме вылам, и таен отсалісны мен веритны сый, мый аркмис пёжасемыс.

Сэксянъ коли уна во. Ме пёжовлі да сёйлі сякей алладисэ да тяпшысэ. Но ассым первой тяпшыясэс ит вунэд, вед наес кари ачум, ас кийсэн, и, гашке, сіен ная вёлісны мечча чооскыдэсъ.

Шондіа морт

Ми, детсадэ ветлысь челядь, жар гожем да зэра ар бёрын теринггэг виччысім лым усемсэ, а сэсся и Виль вост. Детинаясын оқота вёлі пасытасыны ошкен, койнэн, кочен. А ми, дзоляндзик нывкайс, ставнум мёдім воччысыны лым чирьясэ. Мамяспум вурлісны марляясь платтеяс, и микеднум тиётін мінчмедлісны наес еджыд бумагаасы да ютаяясь фольгаасы карем лым чирьясэн, стекляннай мольясэн, вата торъясын. Мечча съокыд вёлі карны лым чирлысь корона. Дыр ноксим сіеп, картон вылэ клиентім ёлка чачалысь жүгедім торъяс, вата да мольяс. Кодкелэн коропаыс аркмыліс джуджыд да спинме шыбитгысь, а кодкелэн – лёш да кельайд. Тадз ми кудз-ке да мыйке лёсеччим праздник кежю.

Выльвося праздник лун. Детсадлән медыждыд залын бэзьеңи юғыд лампочкаяс. Зал шёрас красучче ас карем чачаясэн воччедәм коз пу. Звездаа йылыс сылзи тшуке пötэләкас. Ёлка оз на бэйи мінча биясэн, сіес верме бэтыны только Дед Мороз. Ми сыналам, ворсам, ветлалам ёлка гöгер хороводэн, а асынум бэтуре видзедам обес вылэ, оз-э лок Дед Морозыс.

Детсад коридорын кодке кучас гораа топайтын да бедден стучитны джоджас. Ставыс лёнены да видзедыны обес вылэ. Кылэ обес бедден стучитэм, и съокыд

воськовъясон кашкемен пыре кузь туйши мыдзэм Дед Мороз. Нейджыд тушаа, косиник, кузь еджыд тошка, шёлкевей лёз нася, кокас – *бурка*. Мечча дзоляяс чирзэны да ёдде дзебсены ылжылжыкъяс сае. Дед Мороз здоровачче, пуктэ ылжыд мешексэ коз доре, поскас. Бедден стучитэмен нарысь гёгергэ мича ёлкасэ, опике сиес. Гораа тиёктэ ёлкалы ёзтыны мича бияссэ, и челядь тшётиш горзэны «Ёлочка, зажгись!» – отсасены ёзтыны коз пу вылэ бишедэм гирляндасэ. Но только бедден иекымынысь поске стучитэм борын ёлка югнитэ уна рёма лампочкаясэн. Мыдзэм вылэ жалэбиччемен Дед Мороз пуксе шоччыны сылы лёседэм стул вылэ. Ачыс мужик моз кызэктэ, мед гырысыджык челядь оз тёдмовны гёлэссэ. Но ми казайлім нин, мый Дед Мороз сёрпите дзик миян детсадын нянжын робитысь тётя Саша моз.

Беляева Александра Саватьевна – челядес пыдди пуктысь, бур съолэма, сёрина, шутливей морт. Сія встречайтэ миянтэ быд асыв детсадын, а луннас иеткедлэ прогулка вылэ. Гашке, таысь, да и нойта на уна мукедторыйсь ми зэй любитам сиес.

Челядь ёта-мёд борся матыссены Дед Мороз доре, и сія внимательнэя кывзэ паес. Мечча, кёнешнэ, сылы кажиччены Дед Мороз йылысь стихотвореннеяс. Ньёж ке висыталан, а он гораа, тётя Саша-Дед Мороз лэдзчынитэ дорад, пуктэ пель дорас шёлкевей вачегсэ да тиёктэ гораджыка лыддыны стихотворениесэ. Дед Мороз вед пёрысь овло да пельтэмов, лёка кылэ. Шоччынитэм борын Дед Мороз ёдде сувто стул вылысь да вошье спроворса войлыны залті, «кынтыны» миянтэ лёз вачегпас, а ми чирзэмэн пышъялам сыйсы. Шум-гам суалао. Даже дзоляясышмалэнүү, войлэны Дед Мороз гёгер, оз нин новны сыйсы. Ставнум сералам, гажеччам. Но вот Дед Мороз бара шлёткыс-пуксе стул вылэ да матыстэ ас дорас ылжыд мешексэ. Сія кыске аслас мешексысь блескыттысь кулёкъяс, кысь нозе аддзыны и камист, и преник, и нечение, и яблок, и апельсин. Нюмъялысь челядьлы пёдарокъяс сеталэм борын Дед Мороз висыталэ, мый сиес виччысены мёд детсадъясын, прёщааче микеднүү и бедьнаас тотикедэмэн мёдэчче обесланы.

Сякей Дед Морозсэ приведитліс борывы мен аддзылны: велччиген, робиттіген, челядес быдтігэн. Но тётя Саша колис съолэме мечча бур, мечча любимей Дед

Морозэн. Навернэ, сіен, мый тая воліс из бёкевей, тодтэм дед, а зай матысса, асланум, миянтэ любитысь Дед Мороз.

Александра Саватьевна быд лун кудзке ас мозниыс кужис бурмедны дзоля сьёлэмъяс, кокиедны быдмысъ мортлысъ ловсэ, югэдны челядълысъ ожэмсэ. Сія бура тодіс мияпчунум ай-мамнумес. Тодіс, мый унджыкыс миян костысъ олісны гёлинник семьяын, кён из тырмы деньгаыс ни бур пасъкем вылэ, ни чоцкыд сёян вылэ. Айяснум юнсны да тажа юрен тыпкасисны, из сетны бура узыны войсэ готырыслы да челядъыслы. Татшем некоторей олэм бёрын ми волім асывнас детсадэ, кён миянтэ ассыыс мада быдтасъяс моз радирысь встречайтіс нянячка тётя Саша.

Тётя Сашалэн аслас олэмис из же вёв кокни. Уна челядя мам код тодас кудз оліс юсь да круг характера мужиккед. Но никор из петкедлыны печаличчесэ да майшасемсэ сылэн шоныд югыдлөз синъясыс, серамсора ласковей видзедласыс. Мукеддырйи вазем синъясыс топ руалісны тажтэм думен, и сэк тыдаліс, мый тая мортыс абу шуда, но сія сё ровно виччысе ассыыс шудсэ, веритэ, мый олэмис бурмас.

Тётя Саша томдырсянь зэй любитіс лыддысыны, да и оні пыр на частэ волэ сиктса библиотекаэ книгала. Висъталэнны, мый сія лыддис Кельчиюрын олысъ йоз костын мечча уна книга. Гашке, лыддысемис и отсаліс сылы вермовны сьёкыдлунисэ. А мен мыляке окота веритны, мый, гашке, и ми, дзоля детсадникъяс, пуктім же пай тётя Сашалысъ вынсэ содтэме. Мед из усь ловнас. Мед сылэн тырмис выныс кутны семяясэ, быдтыны пи-нывсэ, терпитны юсь мужиксэ.

Тая шондіа мортыс кучас овины менам сьёлэмын нэм помедзе, и ме унаясь на ас думын висътала сылы сё пасибő миянтэ быдтэмисъ-видземисъ.

Миян тётя Лида

Тётя Лидаэс пёмнита детсадсянь. Кузь тушаа, косінник, но гырысь да топыд ляяса, вына морт. Пасътасис сія зэй скромнся, новліс кузь юбкаа пемыд пасъкем, пыр чышъянасема, рёбеттшней кёмкота. Пасъкемис легъяліс вешалка вылын моз, кор сія бергаліс детсад гёгер. Коты и вид вылас пыр волі мыздзема, топ мышкырччема неуна, но

ставсэ карис зэй ёдде да сировераа. Рёбигтгомоз удиглс сёринтышины челядькед, и ная сиес зэй любитгисны, ингэм из повны юасьны сылысь. Вед тётя Лида пыр нюмъётвас, отсалас, шугитас, серам карас. Быдэллы сюрглс ыджыц съолэма мортсянь бур кыв.

А вед тётя Лидалэн – Изьва районса Картаёль синктысь петэм Капева Лидия Никандровналэн – быдлунья олэмыс из вёв кокни. Кылэдчысен рёбитьсь мужикислы сія рёдигтс сизим челядь. Ыджыц семьяныс ёдва тёрнестуйбердса гёра вылэ лениччем дзоля керкаэ. Асьныс унаэн, а пöшта на сэуче, кык комнатаа керкаас, волывлсны пинислэн да квайтиан нылыслэн ёргъясыс. И ме пывъётгыскед ворслывлі налэн нэйджыц сод дорын, частэ пыровлі шоныц керкааныс.

Тётя Лида комын во карис Кельчиюрса детсадын съёкыц рёбета: видзис дзоля челядес, поткедліс пес, ломтіс пач, мыськис джодж, уберитіс сод дорсэ. Сія велэдіс да сувтэдіскок йылэ сизимнан челядьсэ, отсаліс быдтнын нукъяссэ. А корнин нүкпучкаыс лоисны ыджыдэсэ да рёдиччини правнукъяс, кудзке ёдде куліс лёк висемьсис.

Миян тётя Лида торъялс мукедысь сіен, мый кужис адззыны быд пывкаын да детинкаын аслыспойлэс мортэс, уважайтіс наес, топ тырысь йозэс. Кужис любитны йозлысь быдтассэ сід же, кудз ассыс ныв-тисэ. Сія стараччин карны тёдсалы мыйке буртор, угедитны быдзны, мед мортысы волі любе вуджны тоңъя лунсэ. Лёк кыв сысянъ никод из кывлы. Тётя Лидалэн нюмъётвэмыс да дельнэй сёриныс шонтіс миянчуум дзолиндзик съолэмъястумес, гажедіс олэмнумес.

Окота надеччиныны си вылэ, мый коть модор югыдас миянг тётя Лидалы удаччас шоччышни. Мед сылы лоас сэтэн кокныыдджык, югыдджык да шоныыдджык, чөм бур мортсэ таляллысь да вийнсь кёдзыц руа му вылас.

Асья чай

Челядьдырхий овлывліс сідз, мый палявлі зэй водз, кор на керкаыс пемыд, но вёляэн югдэ ыллаыскед тшотш. Лёнь, ставыс на узепы. Но ме кыла, мый стен сайын, кухняын, маме асыалэ нин, и ме топ аддза сиес стен пырыс. Водз асылын сувтэ мамнум, медум карны семьялы лунбыд кежло чоскыд

да пötэс сёян. Перво-наперво тшукедас русской паче би, сэсся капуста моз пасьтасяс, шерсъянэй чышьянасяс, вед керкаыс войбыднас зэй койдіс. Пока пачыс ломтысе, колэ унатор удитны: чисытны картупель, лёседны шыд нур, пожиовтны жаритэм вылэ чери, мыськыны рытсянь колем грезнэй посудас. Но ничево, рöбетаыс виччылас, никычче оз пышый, колэ юны чай стöкан, да вöлис мыйке карниовны, асыловны.

Русской пач трачке-ломтысе, ыллаын рöмыд на, а маме пукалэ öтнасыс пызан сайын, аелэн небыд стул вылын. Таес стулсэ ставыс мыляке любитэны, и, кор ае абу, миме пуксыштэны сы вылэ. Стен бердын сулаалэ да, бураке, емке сы вылын пуковнысэ. Кыкнан кинас маме кутэ чашка былыйд да пöлялэмен юэ асья сук заваркаа чай. Дзоля глötэken юигмоз да фурскигмоз пуктыштэ вомас сакар торъяс.

Вод асылын чай юэмис – мамелэн кадыс. Сэктолько сылы удаччылэ кольччылны аслас думъяскед, югыд казытылэмъяскед да водзе вылэ бур надеякед. Миян вит челядя мамнум зэй на том, неыджыд тушаа, бкуратнэй мыгöра, мича гёгресиник чужема. Сия спровора, восьса нюома, сёрниа. Гежеда прöстэ сидз пукалэ, пыр ноксе керка гёгер. Но асья чай юиген маме дзик мöд – дувмем статуя кодь. Кажичче, мый сия оні абу татэн, а кёнкө ылын-ылын, мöд мирын. И менум сэтшем окота воедны сы дорэ кухняэ да тшöтш пуксыны чай юны, мед маме бöр воис гортэ сия тöдтэм мирсыс, сёрнитыштис мекедум!

Но ме бура тöда, мый маме оз любит, кор ми сувтам зэй водз, кор иннэмен на вердны, вед сёяныс путэм на. И шыр моз куйла аслам шебрас улын, ог вöр, ог дзурт, кöть век инн палялі. Медум пукыштас маме öтнас му югдан кадэ, мед ваедас ассыс олэмсэ да думъяссэ öтсöгласэ. Мед олыштас некымын здук аслас мирын, кычс никодлы, даже челядьыслы, оз позь сунгчыны. Вед только аслыс мамелы сэтэн бур да емке. Мед шоччыштас, ато öдде инн воймас пач, и ковмас пусыны...

Оні инн и ме, и Валентина чое локтим сы возрастэдз, кутпемен ме пöмнита мамеэс асья чай юиген. И менум дельнэй, мый чое тоже любитэ семья сувттэдз юны топтаа заваритэм свежей чай стöкан. Да и ме ачум водзысъ-водз сувта, кымынке минут пукалышта öтнам, ен пелес улын чай юигмоз думышта си

йылысь, мый вёлі, мый лоас. И сэк ме кейма аслам челядьлы буртор. И ог мёд, мед кодке гортсаяс пнысь торкис тая кадсэ. Вед сэк ме ола аслам мирын, медум ваедны ётсёгласэ олэмес да думъясэс.

Абъячойса ныв

Гортын ёшалэ рамкаэ союем куим ыдждэдэм фото. Оти фото вылас – мамелэн ай-мам Иосиф Егорович да Соломонида Александровна (ныв дырыйн Шулепова) Лихачевъяс. Мёд фото вылас – аелэн ай-мам Евдоксий Иванович да Марфида Ильинична (ныв дырыйн Вокуева) Хозяиновъяс. Коймед фото вылас – менам ай-мам Зарни Евдоксеевич да Елизавета Иосифовна (ныв дырыйн Лихачева) Хозяиновъяс. Томесь да жалькодесь, видзедэны менам дедъяс, бабъяс, ае да маме фотояс вывсянь ме вылам неуна стрёгяя, но любитэмеп, небыд нюм пыр. Налэн восьса да лёнь чужемъяс кутэны надея ёрта-ёрткед ётувъя буролэм вылэ. Вёлісны-э ная шудаэсь? Ме думайта, мый вёлісны. Из ке вёвны шудаэсь, кытысь эське налэн лоис сы мытта челядь да нук-нучка?

Аерöдиччемадабыдмема Кельчиюрын. Томдырый мунэмавелэдчыны Сыктывкаре сельхозтехникиме и адззема карысь ассыыс «царевнаас» (тадз сія шутигэмэн шуліс мамеэж). Абъячой сиктса мича ныв вёлэма ёкмыс воэн томджык кельчиюрса зонмысь. И коть сы бёрся войлэма абу ёти том морт, ныв бёрьема изъвасасэ. Кучемаэсь ёртасьны, ветлыны тиштп кино вылэ, театре. Недыр мыстын нылэс суэма ыджыд шог – ёти лунс кулэмаэсь и мамыс, и вокыс – наес проводка сюйиген вилема токен. И сэк том нывлэн ёткаммем бёрдьес съёлэмыс адззема ыджыдджык арлыда мужик рёдын топыд пельнома ёртэс. Бураке, съёлэм вылас же воэма гармошкаэн ворсысь, серам карысь, лабутинэй зонмыс, код налэн первой аддзысылэмянь волгтэма юрс да сэсся абу и вешйылэма ныв дорсыс. Гижсемаэсь том йöz Сыктывкарса загсын, и зон нүздэма нывсэ шоныд Луздор му вылысь кёдзыд войвылэ, Изыва ю доре.

Луздорса сёрниа, жемчуг кодь пинъяса, мичаник ичмонес сиктын первой лыддемаэсь бёкевеен, шуэмаэсь ас костын «зыранкаэн». Вояс мыстын вёляэн сія

лоэма Кельчиорып ас мортэн, унакед кучема ёртасьны. Йöзыс вед аддзены, мый мортыс уджач, сировора, бур сяма, ласковей, любитэ челядес и пыр стараче отсасьны йöзлы мыен верме.

1950-1960-öд воясэ ёртасисны семьясэн, праздник лунэ чукарччылісны кодке ордын. Частэ гösтьяс волывлісны и миян керкаэ. Та я вölісны зэй юғыд да гажа рытъяс, вед и челядьлы ковмыліс сылышины, йöктышины, висьтовны стихотворениеяс. А кутшем мича сылісны гösтьяс аелэн гармошка ворсэм улэ. Ае да маме зэй лёсыда сылісны кыкен роч да коми песняяс.

Томдырып ае петкедлэма мамелы Кельчиор гöгерись став гажаинсэ. Маме висьтовліс, мый вölэмәэс аекед зэй ылын ягын, кён абу мортлэн кок туйыс, кён сэ-тишем мича вör-вавыс, мый радсыыд вопшэ кылыд, только чуймемен видзедан гöгер. Ае да маме любитісны ветлыны вотысла, тшакла, клюквала, мырпомла. Челядькед тшötш походасисны. Шоччинсны ягын, луд вылын, Извя ю дорын, мича тыяс бердын. Став семьянапум вölі зэй гажа ытшыны да куртны турун, карны пес, кыйны чери.

Олісны-выліспы маме да ае отлаын нэм джын, быдтісны вигт ныв-пи. Кöть и быччемаис вöвлі, кудзибыд семьяын, но метода, мый аекед орчен маме вölі майбыр. Гашке, сіен, мыля ае зэй любитіс абъячойса нылэс и пыр вöліс сылы медбур ёртэн, даже сэк, кор инсульт бöрын из нин вермы сувтны вольнасысь. Маме дöзеритіс висьсьис мортэс, видзис ассыыс пöвсэ дзоля челядь моз. Сылэн кулэм бöрын маме висьталіс, мый кучис кывины ассыс никодлы ковтэмен. Сія и оні частэ сёрнітэ аекед, кор никод абу орчен. И сап оз жалейт, мый ылі 1950-öд воясэ сылэн том сьöлэмис вöйысис мунны тöйтэм морт бöрся аслас рöдинасысь зэй ылэ, войывив Извя ю дore.

Аскедыс вае праздник

Ме ётпускин, локті городсянъ гортэ, маме дore. Пукалам, тшай юам. И друг маме визъэ ёшине да аслас луздорса кылэн радпырысь висьталэ: «Но-о, видзöдлы, Пашко Пар тай кыськё усьёма, тийёнö тай, пырё нин».

Керка ёбес воссе, и съёкыда кокъяссэ вешталэмеп ныре орчча Галфедь грездысь миян рёдня – Пашко Пар тьёт. Коть и вид вылас побрысъмыштэм да висышигэ на топ, а важ кодь на статья, ыджыд крепыд тушаа, юрсэ вылын кутысь да гора голэса, асьсэ да ѹйзэсэ пыдди пуктысь морт. Морт, код аскедыс быцлаэ вae праздник. Нюмъялгмоз здоровачче, шамыртэ миянтэ, окыштэ бандыгумес да висыталэ: «Кывлі тай, мый Люсенъка ѳтпуске локтэм да, мешиа, ветла, тиётш и Лиза монэс визыла». Дыр сэсся пукалам куимен да сёрнитам вина румка юыштэм бёрын.

Видзеда Пашко Пар тьётлэн восьса нюма, гёрдэштэм чужём вылэ, и дум вылэ локтэнэ челядьдирся вояс. Сэж нин зэй почттайтэс тая мортыс ассыс рёднясэ, волывлс подэн либе же вёлэн госяти ми доранум. Да и ачыс пыр корис миянтэ госяти. Ме частэ ветлывл Галфеде госятины Пашко Пар тьёт доре. Мукедырий на и войков кольччыл, сэтшем дельнэй вёл госятины да олышины мёдлын, мёд мирын.

Сылэн керкаын ставыс вёл модорни, абу миян кодь. Важъя ноген стройтлэмэсэ керкасэ, джуджыд да просторнэй комнатаяс каремаэс. Сод дорсянь керкаводзе колэ пырны кыз пёвъясысь карем, съёкыд да ота, көрт кольчaa ёбестэ. Керкаводзе пыран, и сэгтыс аддзан нёшта куим ёбес: шуйгавылас – шыяс, весьтас – гожся пачтэм комната, веськыдвылэ – пыран да пытшкес. Пыран комнатаяс веськыд ки вылэ суналс важъя ыджыд пу койка, си гогер пётэлэксянь поскедзыс балаган моз ёшедэма ситеч занавес. Сэн узлысны ачыс хёзяйкаыс да хёзяйныс – Кузьма дядь. Ёбес весьтас пётэлэк пасытала карема пёлать. Пыран комнаталысь шуйга джынсэ босьтэ русской пач, веськыд пелессэ – пызан да пасыкыд лабичъяс, сэн же пелесас пётэлэк улас – ен ёобразъяс. Шуйга пелесас ёшинь дорас – ляпкыдик кухня шкап да ва тыра ыджыд пу пельса. Стенас – посуда косытан шу джаджъяс. Кажичче, мый коркэ матіча бердас вёл ёшедэма потан, кён лайкъедлсны дзоля челядес. Пашко Пар тьётлэн керкаын уна ёшинь, но шыкедэмэс наес улэ, джоджлань матэджык. Татшем керкаас пырап топ важъя мойдэ.

Пытшкес комнатайс – югыд да просторнэй зал, ёнья ног каремаэс. Сэн олэны Парассялэн да Кузьмалэн пи-нылыс.

Тая жалькодь керкаыскед юитчемаэс чёссыд яя шыдлэн да пым рачалэн дукъяс, и Пашко Пар тьёт дорын челядь дырйи госятиэм ѹыльсь думъяс пыр шонтэнэ менэ.

Вöлэмке, Пашко Пар тьёт первоен рöдвуж костысь визълэма менэ рöдиччем бöрам. Вед ся и волэма вöла додден Щельяюр посёлокса роддоме встретитны мameэс. Щельяорыс доза ылын Кельчиорсянь – кызы километра, и маме зэй полэма, мый рöдитэм бöрын нишэмеп лоэ локны гортэдз да ковмас дыр овны больничайни. Ае рöбнтэма конке бöкын. Сок шыасема Галфедь рöднум. Маме мен висьтовліс сыйылысь, кудз 1964-öд вося январ тöлөссын вöла додден ваедэма миянтэ роддомысь Пашко Пар тьётнум. Слаабог, никод абу кыпмема – ии ачыс ямщикис, ии мame – свет вылыш кымынке луп па олысь дзоля морт, кодэс, вöлэмке, сэтилема вичысема да сидз любитс сылэн рöдвужыс – матыссаясэс пыдди цуктысь, важся олёмсэ видзясь Пашко Пар тьёт.

Ва

Свет вылас абу сэтшем мортыс, код верме овны ватэг. Ставыс ваасены, мыссены да мысьласены оз ётыр луибыднас. Сьёлэмыйд бурме вайни купаччем бöрын, ва вылэ видзедэм бöрын. Ва – тая ыллалэн диве. Ва – тая Извя ю, кыче ягсянь воедэны шоръяс, тая зэр, соник да зеркало кодь лужаяс, мича тыяс, лысва войтъяс. А ешино – кöдзыд бурния ва, код ютэ и вердо, кодэн чёсмасяи, кор косьме горышыд.

Кельчиорын зэйджык карисны бурния журавльяс. Бур, мый быдмиганум миян соддорын вöлэ асланум бурния, из ков йöз доре вала ветлыны. Сие карис ае, отсасис сылы суседнум. Уна во ютис бурняцум миянтэ, суседнумес да матигёгерин олысь йöзэс. Срубыс сылэн из вöв зэй джуджыд, но вайс вöлэ сöстэм да небыд. Кор лэдзан ведрасэ сруб пытикас да гумлалан сэсэ васэ, «турилэн бёжыс» дзуртэмэн кынеччас вылэ, а кор кыпедан васэ, «тури бёж» доре ёшедэм сьёкыд изийис бускыссяс-усяс турунас. Быд во бурнясэ чиститисны, мед пыдэсис из нюйтмы да вайс из лёкмы. А кор ае сьёкыда висьмис, никодлы из ло дела миян бурняэдз, сие из дöзеритны, и срубыс спесьмис, а вайс симис. Только тычче-тачче видзны, шуам, пос да посуда мыськыны, кучис лёсёвны бурния вапум.

Чай пузедэм вылэ вайлім васэ Ильва юз усысь Матвей шорысь, вед сэн мечча чўсқыд вўлі вавис. Петіс сія ягысь, содтисис пу вужъяс улысь. Яг дука да кыаэн портмасьыс рёмъяс и вўлі вавис – топ сіе мойдысь ловзедан ва. Висьтовлісны, мый Матвей шор вавис бурдэдэ синъастэ, и ставыс, код ветліс сэчче вала, стараччисны мыссышны. А кутшем емке вўлі мыссыны кўдзыд шор вавэн жар гожся лунэ! Шор доре колэ мунны доза ылэ, яг доредз. Мунан пустэй ведраясэн – нюрсмемыд жарсыс, а мыссыштэм бўрын воан шорсянъ тыра ведраясэн – топ лэбан. Тўвнас Матвей шорыс – топ сіе йиа да лымъя царство. Кузяла – йи, а сы пўлэн суалэны еджыд пус. Йи пырыс тыдалэ, кудз воедэ мада шорнум. Дзоля юкмесьсь гумлалан сялъгысь васэ и дивуччан, кудз сідз шорыс татшем кўдзыднас ни ётпир из кынмыл.

Кор бурнянум сисьмис, вайлім юэм вылэ вавис Неофид бурняясь либе же Семе бурняясь. Сэтэн вавис вўлі кёть и сёстэм, но чорыд. Йөсиянъ коліс вайны вавис, и челядълэн абу на зэй вына кияснум зэй мыздлісны кыскыны ведраяссэ. Шойччан да бара кыскысян туй кузя ва ведраясэн.

Ай-мамлэн керкаыс, кён ми быдмим, суалэ ю дорас, а ыджыд вок карсис гёра вылын. Кыддза раскын, ас керка дорсянъ неылын, вокнум сусед отсёген коддис бурня, кытысь ёнэдз на босътэ вавис матігёгерин олысь йёз. Ставыслы тырме содз вавис воклэн бурняясь.

Вуграсем

Быдмиганум ми, дзоля нывкаяс, детинаяс моз же любитім вуграсьны. Ставнумлэн гортын асланум вўлі баддышысь да жилкаысь карем вугыр шайт. Вуграсем водзын вокъяскед тшотш чукартім му тыра кёрт банкаэ либе ведёркаэ мусын валяччысь пёвъяс улысь нидзувъяс. Мёдэччим вуграсьны дырджык, чем вуграсим. Рытнас лёнь поводдя дыррий частэ вуграсылім керкасиянъ неылын, Ильва ю берегын, а пемдіген калім гортэ. Сэтшема радлім, кор шедліс из только йёрш да ёкыш, но и сынпи, кельчи да мукед чери.

Шойччан лунъясэ ае нүэдліс миянтэ вуграсьны модор береге, ю сае. Соң, кёнешнэ, вölі дельнэйджык. Пока ми вуграсим, ае карліс бипур да иузедліс са събд походасян чайникин сэтэра чай. Сэж мамелэн спровора киясэн вещмешекэ точем прёстэй сёяныс кажиччис миян мечча чёсқыдён. Бöрынджык ныр чёсмасим дзоля пöртыйн пуэм свежей ухаэн.

Мечча дельнэй вölі вуграсьны войнас, но ыджыд воклы из вöв окота босыны миянтэ вой кеже. Кор казялан, мый мöдччены вуграсьны войков, мырдэн вöйисяя, но таыс нинэм оз аркмы. Вокнум ёртъясыкед гусен пышъясы да лэччасны береге. Кор казялан таес, вöтччан на бёрся, но он су наес, тойштчемасэй нин берегысь. Воедан берегті моторкаа пыж бёрся, кыче пуксялмаэсъ детинаяс вугыр шайтъясан. Лимзадан-бёрдан, а ная гажеччены, сералэны тэ вылад, и пыжыс бдде саялэ да воние юлэн чукиль сайын. Визьеедлан чужем кузя воедись сола синват, сыркъяламен восьдалан водзе. Вед Ёграм шоредз, кён вуграсылэнды вок да сылэн ёртъяс, позе берегті подэн мунны. Дыр на мунан посни изъя берегті, но мыдзан, и шагыд надзме. Ылдаыс рёмдэ, и дзоля съёлэмтэ шамыртэ полэм. Код тёдас, мый вермас лоны яг дорын, а друг ош петас кыр вылын быдмысъ козъяс сайысъ? Татилем думъясыс бёр бергедэны тэнэ гортэ.

Мунан гортлань да завидьтэмеп думайтан сы йылысь, мый оні, кёнке, детинаяс лэдзисны Ёграм шоре öльха либе бадь пу, кörталысны на доре марляэ гарташ нур, а асыныс пуксисны вуграсьны неупа улэджык приманкасыс. Сы-сы вылэ, кёнке, кыскалэны нур доре воясъ черис. Сэтшем окота вуграсышины войнас, кор ю дорын ставыс мёдпöлэс, абу лунся кодь. Думайтан, кудз эське бипур вылын жариттін увъяс вылэ сюем йёршъясан. Кутшем чёсқыдэсъ би вылын коптиччем черилэн еджыд яйыс да öбыръяс улын пöжалэм картупельлэн рушмем пытшкесис. Вуграсем йылысь думъяс кості он и казёв, кудз локтан синкт помын быдмысъ джуджыд нияясэдз, радлыштан, мый пемдитэдз локтін гортад.

Дыр на скöралан вок вылэ. Вед дзоля на ачыд, он пöнимайт, мый детинаяслы войков вуграсем дырий вöля – позе шойччышы, быччемасэ сёргитты, мужикъяс моз куриччыны, маттысыны да кывны асыныссо мужик рöдэн. ыджыдэн. И нывкаяслы сэтэн карны дзик нинэм.

Выль шапка

Ми, карсиян ылыш олысь челядь, гежеда адзылім мича пасъкем да кёмкот. Новлім ылжыдджык чой-воклысь важ платтеяс, тачьяс, пальтояс. А кор мыйке ньёблісны миян аслунум, сэқ радиум, кудз шулэнти, вölі гач тыр.

Корке гожем помын маме ийбис мен выль шапка, кутшемес ме вексянь инн мөді үгындырд рёма, кык пöвса шоның матеръялысь, тшуқ юр гöгер. Но аркмис сізд, мый удачнис новлыны сіес только луп джын. А делаяс вölі тадз.

Выль шапка вайис гортэ праздник. Воччыси да дыр бергалі зеркало водзын. Кажиччис, мый гöрд цветтыс мепум, еджыд юрсна пывкалы, зой муню, и думаэлы вölі бур. Радлі, мый первой сентябрек каа школаэ выль шапкаен. Но школаэд дыр на, а сэтшем окота кодкелы петкедлыны выль шапкаэж.

Петім чоекедвойлыны. Ләччим ю доре. Пұксым аелен важ ну пыже, и вошиим сыпны ю шёрлань. Төлктэмъясләп и полэмис абу. Сәччедз сынім, мый мунім доза ылэ берегсянъ. Ілжыд пу пыжен съёкыд вölі веськедлыны, и ми сәччедз усуиччим, мый иг казялә ю шорті ми выланум весьтас локтысь пыжасә. Полнэй газ вылын мұнысь «Вихрь» мотора көрт пыжын нырыс қыпчечема сізд, мый пыжнас веськедлысыс оз тыдов. Ассюнум пыжә вештыны сылэн туй вылысь ми, көнениә, иг слойме, и көрт пыжыс зурғысемен канс миян ну пыж вылә. Пыжнум бергечнис пыдэснас вылә, а ми чоекед қыкпаним бускыс им көдзид визув вәз. Ог и пöмпите, кудз вермім бöр варчыны аслапум пыж доре да кучысыны кудзке-мыйке сәчче, мед визулыс из кыскы ва улә. Орчен көрт пыжын кусэм моторка вылә водәмен шкоргис-узис гажа юра мужик – вина гаг. Сія из и палёв, а ми қыкнаннум этшаке иг пыре ва улә. Синва сорен ме видзеді неылыш мисянынум вальяс костын лайкъялысь да ва улә öдде пырысь выль шапка вылә. Оні на синъяс водзын – визув юын öдде вошысь, вавысь съектәм, мак кодъ мича гöрд шапкаэ. Онэдз па чунъясә пöмнитэні сылысь резинка серен қылем небыд матеръялсә.

Мый сөссея пöсөйттан, из адзыссы сэқ вын менам, жебиник пывкалэн, варчыны да вавысь кватитны юрысь усем шапкасә. Кучим чоекед горзыны, и

мпяңтә кылсны, локтісны пыжен, пуздісны береге, кыче нышъен воисны и миңн гортсаяс.

Ачум өтшаке иг вўй, а сәтиема полі сыйсь, мый маме иниялас дона-донысь ньобем шапка вўйтэмись. Но кор менә да чоеэс васдісны берегедз, маме шамыртіс миңтә да только сыркъяліс-бёрдіс, нишем из слоймы висътовны, топ қывтэмис. Вед ёти лунэн сія вермис воитыны ассыыс қыкнан нывсә. Енимис видзис.

Никод менә из пипёв шапка воитэмись. Но ме дыр на ачумес көріті, мый иг вермы спаситны сіес. Сәтием жаль вўлі выль гөрд шапканы, кодан ме мәді каны первой сентябре школад.

Майбыръяс

Челядьдырся воясәс мечча пёмпита толып, ведвойвылын во джынйис – тўв. Мечча зэй любитім катачыны даден да лызен гўра вывсян. Кельчиюр гёгер уна гўра да пырд. Кытәп мёдам, сэтэн и ыслалам. А кор донзям ысловны, кыз войлан гачнумес ләдзалаң гынкот вылә, мед лымайыс кок чёр костә оз пыр, да пöttтәдз уялам лым толаті либе гидләп крыша вывсян чеччалам лымъе.

Зэй гажа вўлі Выль во дырйи. Сәк сёр ритъясә, кор пемыд нин, челядь да том йоз сяке надуриччасны да машкуриччасны. Кодкелы керка крыша вылас каасны да пач труба вылас пуктасны стеклэ. Тишиныс нето керка пытишкас, и хөзяевыс оз пённімайтны, мый лонс. Кодкелы ёшинь рамаас көрт тув көрталасны, нюжедасны сәтысян сунысы, дзебсясны ыләджык да сыйсь мёд помсә дергайтэны. Хөзяевыс унаись петовласны ыллаә, стучичче кодке ёшиняс да, а сод дорын никод абу. Быччесас на придумайтлісны ышмалыс ныв-зон, а серамыс мытта вўлі. *Машкуръяс* ветлалісны керкаясті мешекен, чукартісны чўсқыдторъяс. Овліс и сідз, мый мукед йозыс ас керкаә из ләдзны *машкуръясс*, игнасылсны. Ми доранум кор пыровлісны, ае налы ворсліс гармошкаэн, мед йўктыштасны. Керка дзёре, шум-гам суалә. Маме пуктыліс *машкуръяслы* мешеке ас пожалом тяпшысьяс.

Төвся каникульяс дырый детинаяс карлісны колхоз поле вылын лымъен тырем силос гу пытшкын «блиндаж». Ноксисны ная сы гöгер доза дыр. Силос гуыс вед джуджыд да ота, уна лым колэ петкедны сэтысь да пыдэссэ на бура талёвны, мед пытшкас аркмис оланін. Нывкаяссы «блиндаж» дорас, кёнешнэ, матэ из лодзны. Бураке, детинаяслэн кутшемке «военнай тайнаяс» волісны, мый йылысь миян из позь тёдны. Гежеда сэчче удаччыліс нырнумес сюйлыны. «Блиндаже» позис пырны неыджыд розыті, код веттема пойвяясэн. Зыръен карем кругтэй лым сөдті ләччан улэ, силос гу пытшкас. Сэтэн неыджыд комната. Көть и стеньясыс, и джоджыс, и пётэлэкис лымыйсь, сэн уютнэ, шоныд. Пуксыны позе пес чуркаяс вылэ. Ляпкыдик пызан каремаэс пойвяяссы. Мый гортаныс валячче, сіес и ваемаэс детинаяс асланыс дзебсянінэ. Важиник дзоля көрт пач ломтысе, сись öзье. Дзик топ военнай кинос сюрлан, удаччас ке пыровлыны детинаяслэн «блиндажас».

Мечча дельнай волі войлыны рытнас. Сэк гöра вылын чукарччылісны уна детина да ныв. Ставнум тёреччам öти ыджыд пу дадде да ыслалам гöра вывсянь. Ысковтігас унаэн тыралэны лымъе, и таись нöшта на дельнайджык. Лымыйн валяччам, пöttэдз ышмалам да гигзям-жаялам. Аслунум жар, бан бökкяс öзъены. А ыллаыс сэтшем мича, сэтшем любе сія миян съблэмъяслы. Мукеддырийн толысь нюмъялэ картина вывса Мона Лиза моз, гусен видзедэ вывсянь ми выланум. Мукеддырийн дзик пемыд, только кодзуувяяс öзъены лымъе пырзем му весьтын. А кор кёдзыд зэй, небеса пасытала ворсэ мичаись-мича севернай сиянье. Шоччем пыдди лымъяс уськеччам да куйлам, топ небыд вольпасын, сёрнитам кодзуувяяс йылысь, небеса йылысь, быччема йывсыс, пока ог куче кынмыны. Сувталам лымыйсь да бара войлам, ыслалам сёр рытэдз.

Кор ыллаыс зэй кёдзыд, асыннас виччысам радиоись юёр. Вед актируйтэм лун ке объявитасны, велэччыны оз ков. Радлам быд актируйтэм лунны. Лунбыд позе гортын мыенке ворсны, картыасыны, лыддышсыны, а обед бöрын и войлышины. Вед кёдзыдысь ми, войвывса челядь, сап иг полэ.

Гортын дыр оз пуковсы, и обедэдз на петовлам гортысъ ылла вылэ. Соддор уберитам зыръен. Ва да пес пыртлам. Воръен ыслалам гöра вывсянь. Кор

маме воас ёбед вылэ, сёйшитам сыкед, убериччыштам да бара петам войлыны. Кор дöпшепу нин кияснум да пидзесьяснум кынмасны, а паськемнум йизяс, разэдчам гортьясэ. Сап пемыд, керка ёшиньяс биаэсь, сидзке, маме да ае гортынэсэ нин. Пыранын шоныд, югыд, гажа. Корт пач трачке-ломтысе. Чёссыд сёян дук кылэ. Ёшлам ва паськемнумес пач тёгер июжедэм гез вылэ, тэчам йизем вачетъяс да гынкотъяс шоныд пач вылэ. Сёем бöрын миянтэ виччысе лöнь рит, занимаччыны оз ков, иг ветлэ школаэ да. Надеччам, мый, гашке, мёдасы бара лоас актируттэм лун.

Тая шуда тёвся лунъясыс частэ усылэны дум вылэ состэм еджыд лым моз, Изъва ю весътын ёшалысь кёдзыд ру моз, йизем ёшиньяслэн мичаись-мича мойд кодь серъяс моз. Топ сие менам паметын тшук кежлэ воссыласны ёбесъяс челядьдырся паськыд лымъя эрдъяс вылэ, кён миянтэ пыр виччысис поимтэм радлуун, кён ми ставнум вёлім майбыръяс.

Дзоля космонавтъяс

Кöть и быдмим ми,войывса челядь, кёдзыдінын, кöть и уна кынмим, кöть бура иг и аддзылэ шоныд тожемсэ, а мыляке мечча зэй сё ровно любитім тёвсэ. Сиен, мый позе ысловны дадден, конъкиэн да лызен. Сиен, мый тёвся войын небеса пастала майдын моз ворсэ севернэй снянье. Сиен, мый тёвнаас овлэ мечча гажа праздник – Выль Во.

А нöшта сиен любитім тёвсэ, мый сёблэм бурмытэдз уялім лымті да чечталім лымъе, топ космонавтъяс ракетаись. Виччысим, медум усяс унджык лым, мед изло ёпаснэ чеччовны лым толаэ гид крыша вывсянь. Кор лымайыс ватага усяс, первой кык вежолунсэ лёседчам космосэ лэбем кежлэ: чеччалам лымъе заборъяс вывсянь. Сэччедз ышмам, мый чеччем водзын быд вынысь горзам: «Юрий Гагарин – космосын барин!» И бускысям-усям толаэ. Лымайыс гыркедзнуум, одва петам сэтыс да бара кынасям забор вылэ.

Кор миян керка сайын, картупель вал вылын, лымайыс содас метра доре, сэж позе чеччовны лымъе гид крыша вывсянь. Луннаас петам войлыны, гынкот вылэ шоныд

гачьяс лэдзалам да. Шоныда пасътасям, вачегасям. Первой визылам лымсэ, абу-э чорыд, джуджыд-э. Ёта-мёд бёрся кышасям гидлэн ляпкыдик крыша вылэ.

Вот ми и космосын. Кажичче, мый мусыс зэй улын, кор чеччем водзас сулалан крыша помын. Визылан лымъен тырем картупель валылэ, пасъкыд яснэй небеса вылэ да «Юрий Гагарин – космосын барин!» горэдигмоз чеччан лым толаэ. Кажичче, мый лэбан сынэдти космонавт моз, и сэтшема қыптэ лолыд, коть и зэй подиин чеччынысэ. Но ёртъяссыд дзебан полэмтэ и ешшо зэйджык ышман, нойта и нойта кышасян крыша вылэ, мед лэбовтны вывсянь улэ. Жайовтэд сералан, ышмалац сяке.

И сэк сэтшем гажа воли миян, челядьлы, и кажиччи, мый и ыллаис, и небесаис, и воздухыс, и лымийис – ставыс тая миян озырлун, ставыс тая – миян майбырлун, и ми асьнум тшотш – төвся ылла, джуджыд небеса, сөстэм сынэд, еджыд лым. И тая төвся луньяссэ онэдэ на видзам съолэмнум, вед быд мортлы мада ыллаис сетэ ыджыд радлун. Бур, мый кувтэдэ никод оз вермы мырдлыны миянлыс тая озырлунсэ.

Гортын

Урокъяс бёрын войлан лызен секция вылын да нылэм пытикин, мыдзема, лэччан гортэ. Юштан уллэ, вачегасян, петан ыллаэ песла. Ай-мам абу гортынэс, рёбета вылынэс, на воигкежлэ колэ ломтыны цытшкес комнатаась галанка пачсэ. Ломтан, парысь лёдсалан посниджык пескен, крукнас кымынныске вёрзедан гырысь ёгыръяссэ, ташкедыштан, пока оз поснявины. Кор нинэм оз коль пачас, каан табурет вылэ, съокыд юшкайссэ вештан, пачсэ сиптан.

Русской пач воме пыртан асыв кеже пара моздор пес, мед рытнас маме кузь пу зыръен тэчас коcьмем пессэ пачас. Йизем ведрайсан пыртлан пач вом дорын пасъкеччем ыджыд пу пельса тыр бурния ва. Вачегъясыд йизясны, вежан наес кос вачегъяс вылэ, петан рёмдьись ыллаэ. Лымсэ сод дорысъ зыртан корт листэн дорем пу зыръен, а сод вывсэ чышкан гёлиken. Он и казёвлы, кудз ыллаис пемдас.

Маме да ае локтасны рёбета вылыс, пуксям сейны. Корт пач ломтысе, си вылын чай юигкежлэ нянь жаричче. Лампочкаис югыд, кухняын шоныд да гажа.

Рытнаас па типук кеже даддең ысловны петовлан, а кор ныран, мышынад сувтан ным галанка нач доре да шонэдьшигтан кынмен *тор яйт*. Гортын кылэ чёсқыд сёяндэн дук. Тая маме миян воңкежэлэ жарытэм сковородка тыр чери да пёк. Пуксяп чой воккед нызап сае, сёрин костті пёттэдэл чёсмасян чернэн да пёкен. Став тоопъя выльторсэ тёдмалан. Ужинайтэм бёрын карал школалын сетэм гортса удж. Мыдзан занимаччыныс да пёрөдчилан диванэ лыддысынны. Но бияссэ гортын ёдце кусэдасны, и ковмас водны узыны. Фёнарикен шебрас улын лыццысыштан на неуна 1 усең, мед из пинясыны тэ выил эй-мамыд. Сосся ньёж да воляэн унмовсян. Уна бур вёт адзылан.

А оні – одома морт – мыляке мыйке съёкыдтор только вётасян. Бураке, сіен, мыля мича вётъяса кадыс колис ылэ бёрө, шоның ді көль гортад. Зэй жаль, мый никор нин сэсся он вермы сюрны сочче, кён волін ай-мамыдлэн любимей дигтяэн.

Велэдіс вермавны съёкыдлуунъяс

Кызь вит градус кёдзыд. Физкультура – ыллайн. Вёсни спортивка гач оз берегит *тор яйт* да пидзесьястэ. Хивуз тёлйис ләчыд, лёк. Воедан сё ровно, кёть и сан кынмемыд, ныр-вомыд ийзема. Он цышты гортэ лыжнэй трасса вылысь, ставыс выил эвидзедан да.

Вит километревей трассаті пройдитан куим ропак, сэті куимысь ысковтан да куимысь каап гёра вылэ ёдва, кашкытоз. Чужемыд сочче. Юрад кат. Съёлэмыд петэ. Кокъасыд гол ватаясь, дзорены быдса. Ачыд думаччап: «Кор нэ нии помеудзыс воа?» А кодэскеэс тай на ордедан да ныртэ качедэмен чирем гёлэсэн горедан: «Хоп!» Водзын мунысыыс ёти лызь туйсэ уступитас, и пройдитан орччен сыкед зэй ёдде, телевизор экран вылысь спортсмен моз, но мыляке ордедээм бёрын аслад став выныд тои быре. Ньожмедан хётгэ, кыссян сё ареса старука моз, и сок кылан мышыяны: «Хоп!» Уступитан лыжняс, лэдзан горзысь мортсэ водзвылад, но дыр на стараччан не кольны сыйсы, вётэдчан си лызъяс бёрся...

Тадз миянгэ, школалын велэдчысыясэс, велэдіс вермавны съёкыдлуунъяс физрук Николай Спартакович. Гашке, сіен и миян кокниджык оні овны ыджыд олымын,

кён быд лун колэ уна рёбитны, дорийны асътэ да ассыд быдтасъястэ, а нёшта кодэскеэс вётэдны, а кодкелы уступитны туй да лэдзны ас водзе.

Кын яйлэн чёссыд кёрыс

Водэм водзын чоя-вокалы окота миенке чёсмасьышны. Юам аекед кёдзыд йöö, но сё ровно мыйке оз тырмы, мыйке топ колэ думанумлы.

Сэк ае тшöктас пыртны керкаводзыс «калбас». Сэтэн пемыд, ёшиньяс абуэс, пыр полан петны сэчче. Но тёдан, мый керкаводзса выключательыс пыран обессянь шуйгавылын, и наперво сувтан тагес вылэ, эташа восьтыштан керка обессэ, медум китэ зэй ёдде кыпедны пötэлэк улэ да ѩолкнитны-öзтины би. Сэк только петан да пыртан кёдзыд керкаводз поскысь кынтэм кёр яйтэр.

Ае качедэма ыджыд кынэмсэ да пукалэ пызан сайын, киас кутэ пурт. Сия вösни шöремен волал э кын кёр яй, а ми пукалам пызан сайын да видзедам си вылэ, виччысям чёссыдтор. Кор ае тшöктас сёйни, сыкед тшöтш чёсмасям кёр яен, солэ тшукеччам ставнум.

Но, пётим, слаабог. Айко пукалэ пызан сайын, синсэ читкыртэма, гёрдэдыштэма, зэй дöвельнэй, мый ачыс пётис и челядьсэ вердисвойвса «калбасэн»...

Öнi на синьяс водзын – югыд биа рытъя кухнянум, кён вöлi сэтшем бур дзоля съölэмъяслы, öнi на тöд вылын – аелэн серам дзиридъясэн ворсысь лёз синьясыс, кодъяс зэй любитисны миянтэ, ассыс мада быдтасъяссэ, öнi на кыв вылын кын яйлэн чёссыд кёрыс, кодэс ниётпыр из сёйлыны карын быдмысь пи-нылэ.

Коч гösтинеч

Ылла вылын трачке кёдзыд. Чоя-вока уна лун нин олам мамекед. Ае кайис яге кыйсыны. Ветлалэ, кёнкэ, Дед Мороз моз, лымье пырзэм пуюс костi аслас важиник ота лямпаэн. Гортын айкотэг неуна гажтэм, кёть и вольнэджык овнысэ, маме вед абу си кодь стрög.

Друг сод вылын кылэ лым дзуртэм, лямпаясэн тотишкедчем. Ми ставнум воедам кухняэ, лепиччам ёшине, но кынmem сътеклэ пыр нинэм оз тыдов, рёмдэ нин да. Керка ёбесэ кодке таркедэ, и маме радлэмен висьталэ: «Да-да». Кёдзыд рукед тшёти керкаэ пыре миян Дед Мороз-айко: куржа пытишкин, ачыс сералэ, дёвельнэй, коть и сап мыдзема. Сыкед тшёти кухняэ пырены охотничей керкалэн да яглэн дукъяс, мужик рёдлэн голэс, шум, ноксем. Оти кылэн ке, «керкаыс дзёрэ», кудз маме висьтолвас. Пач воме ае шыбитэ чукчи да байдэг, кодъясэн кучам чёсмасьны сёрджык. Сэк, кор маме наес куштас, палитас да пуас шыд.

Ми, чоя-вока, виччысям ва паськемъяссэ кульсь айнуумлыс нёшта мыйке. Ае ружтыштэ да синсэ хитрея читкыртэмэн таес «мыйкесэ» корсе лёшмем вешмешексыыс. Сэсся кыске топыда гардэм тупредтор, разе сиец, а сэтэн куйлэны нянь торъяс - кочлэн гösтинечьяс. Ае юке ягысь ваем няньсэ ми костанум, и миян окота ѡддеджык пробуйтлыны ассюнум пайнумес. Но курччыны чорзэм йизем няньсэ он вермы, юзэдэ пиньястэ. И ми вуштам коч гösтинечсэ пиньнанум, и таысь ешшо на чоскыдджык кажичче няньыслэн ыллаэн да яген юммедэм кörис. И коть нин абу зэй дзоляэс ми, а веритам, мый ягын забыль айколы водзча локтис коч да ыстис миянлы таес чоскыдысь-чоскыд гösтинечсэ...

Уна нин ас куйлэ Кельчиор гёра вылын, кыз му улын. А ми, сылэн пи-нылыс, лоим нин олэма ѹйзэн, но онэдэ бура помнитам свет вылас мечча чоскыд коч гösтинечлыс кörсэ.

Ворсэм да олэм

Ай-мам рёбитэны, вокъяс войлэны. Керкаын никод абу. Ме да менам нывъёрт Таня дёнзям войлыны да пырам гортэ. Окота мыенке ворсны.

Кыскам бабелэн крёвать улысь вурун мешек. Карам аслунум балия вурунлыс парикъяс, на вылэ беретасям. Льобнумес краситам кыське сюрем важъя помадаэн. Кок пята улэ асланум носкияс пытишке сюям суньыс туречкаяс – вот тэныд и

каблука туфли. Кынулэ босътам мамельись редикульяс да нырнумес качедэмен джоджті делэвейя тотшкедчам-ветлалам. Мукеддырий туречкаыс вольснитас кок пята улысь, дойдас коктэ, этшаке он усь. Лёседан туречкасэ, и готово – бара карса дамочка. Сёрнитам татшем ворсэм дырый, кёнешнэ, рочен, кывнумес чеглалігмоз. Стараччам киноясь артисткаяс моз мичаа нюмъёвны.

Стульясысь карам «второй этаж», мед сэчче «по делу» калыны. Кухняясь ваям табуретка да сы вылэ пунктом аельсъ гармошкасэ, орчен – дзоля стул. Татэн кучас пуковны секретарь-машинистка да печатайтын важнэй бумагаяс. Ёрта-ёртнумес вежлалэмэн пукалам «печатай машинка» сайын, личкалам гармошка клавиш вылэ, а печатайтан бумагасэ сюям гармошкан межъяс костэ.

Тадз ми Танюккед ворсім «городысь», и тая вölі миян, сиктса нывкайслэн, любимей ворсэм. Ворслыны «городысь» удаччыліс гежеда, кор никод абу гортын. Полім сыйсысь, мый гортсаяс сераласны ми выланум.

Тунасим, тунасим, и забыль кыкнаниум сюриим овны карё. Loim карса дамочкаясэн. Аддзим роч верёсьяс. Кучим сёрнитны рочен, карны мичаа причёскаяс, ветловны каблука туфлиэн, форситны дамской сумочкиаясэн, печатайтын важнэй бумагаяс. Кыз вит во нин олам öти карын кык нывъёرت, а ог и аддзысьла.

Бураке, челядьдырий придумайтэм «городыс» вölі миян матысджык, любейджык, и окота вölі овны сэн помтэг, ёртасыны, öтлаын рёбитетны, волысьны. А кор кучим овны забыль городын, бырис ёрта-ёрт дорэ шоныцлуныс, и ми тöдлыйтэг воштім ассюнум челядьдырся ёртасемнумес.

Нывъёrt

Анна волывліс Вертеп сиктысь гösytитны Кельчиюрса дядыыс доре – мамыслэн рöднэй вок доре. Сія зэй торъяліс менам пывъёртъясысь. Тушанас вölі мамыс кодь ыджыд, ачыс ёнінъдзик, съектаа пояліс, чужомыс вölі висиген кодь кольквиж рöма. Висьтовлісны, мый бабсяныыс сы доре вуджема «виж вилем» – мускыс висьмема.

Анна стесняччис сысьс, мый ён да ыджыд тушаа, и та серти Кельчиюрын гөсүттігөн из зэй ёртась асйёза нывкайскед. А ме рытъяснас войлі да ворсі мачен Анналэн воча вокъяскед, и частэ пыровлі на доре гортаныс. Сэк и тёдмаси да дружиччи вертепса нывкакед. Но казялі, мый мен съоқыд овлэ орчен сыкед, вед Анна волі зэй аслыспўлэс морт. Ньожмыд, *тол* пыр вошема аслас думъясын, одва сёрнитсьс, дыр думайтысс. Сія тёдіс таес ас йывсъис и частэ нинэм висътовтэг, мыжа моз нюмъяліс менум, *тол* корис прёща, *тол* тшоктіс нойшта пукалышны сыкед. Ме сысьс ѡдде дёнзылі да пышайлі аслам кельчиюрса нывъяс доре. Но Анна из скёрмыл таысс ме вылам, и пыр волі рад бара аддзысълыны мекедз.

Вертепса нывка зэй висис, но медбёр лунъясэдз ветліс школаэ да занимаччис гортас. Кор сія из нин кучы вермыны волыны Кельчиюре, мамыс корлывліс менэ гөсүттитны ас дораныс. И ме ветлывлі на доре Вертепе. Керкааныс пыра, да Анналэн чужомыс пыр югдіс нюмъялэмъис, сэтшем сія волі рад менум.

Мамыс видзедіс, кудз нылыс радлэ гөсъялты, да мисионум бергечмен гусен чышкаліс синвас. Анна зэй любитіс мекедэ сёрнитны, серовны, мыйке ѳтлаын карны, прости орчен пуковны да видзедны ме вылам. Менам воэме волі сылы праздник. Но мен дыр из овсы на дорын. Бураке, ѡдде мыздлі висъысьс нывкайыс. Мен сыкед волі гажтэм, и пыр корси помка, медум пышайны гортэ, ас койдаэ же ёртъяс доре, кодъяслэн юраныс зивге тёв. А сэсся вопше гежеда кучи визълыны Аннаэс, *тол* мырдэн тшоктісны волыны сэчче, и ѡдде бёр мунлі гортэ, Кельчиюре.

Окмысэд да дасэд классъясын ме велэдчи мёд волэсътын, олі интернатын, и гортэ волі геждаа. Вертепса нывъёртэс сап вунэді, иг даже ветлы визълыны сіес каникульяс дырий. А висъысьс нывка, кёнке, гажтэмаліс, виччысис менэ – кёдзыд съёлэма мортэс.

Анна лёня кусіс сэтшем арлыдэн, кор том мортыс петэ школаысь ыджыд олэме. Сэк сылы волі дас сизим, кудз и мен. Ми колледім Аннаэс медбörя туе, но ме мыляке зэй лёка пёмнита таес лунсэ. Мамыс воштіс ѳтка нывсэ, и, кёть сылэн волі нойшта на кык пи, лоис дзик сирёта кодь. Сідз сія любитіс ассыс дитясэ.

Кор казтыла Аннаэс, гудрасе съёләме. Вед сія дзоля челядь моз радліс менум, юксис гуся думъясэн, а ме иг куж морт моз ёртасыны сыкед. Оләмам сәсся никор из вўвлы татшем юра, унатор тўдысь, ставсә пойнимайтысь, менә сәтшема любитысь да пыдди пуктысь нывъёрт, кутшем вўлі Вертепысь Анна. И никор ме ог вунәд сылысь гажтэм видзедлассә, висемись вижедәм да ыдҗәдәм синъяссә, кытэн олісны дой, радлун да оләмкед быдлунъя прёщаляемыс.

Пёдарит мен шонді

«Подари мне солнце, солнце, солнце, жёлтый мячик в небе...» – сыйліс том гёләс ёдде бергалысь грампластинка-открытка вывсяинь. Сіес вайис мен шондіа гожся асылә дзоля воккед йёза детинка. Пластинкасә ыстәма сылән Вова нима двоюроднәй вокыс, код веләдчис мекедә ѳти классын.

Мытта пёмнита школаын веләдчем, Вова пыр бергаліс кёнке неылын, мекедум орчен. Бур сяма, лабутнәй, сёрниа детинка. Оні ме, оләма морт, видзедлывла сылән армейской фото вылә да думайта сы йылысь, кутшем жалькодь вўлі тая мортыс. Аристократ сяма, кельдов чужома, сэтэр кодь синъяса, кузь синлысьяса, кызіник лъоба. Школаын веләдчиғен ми чуқартім киноын ворсысьялышыс фотояссә. Вова вўлі дзик киноартист кодь.

Вова ме моз же гижис лыжнәй секцияэ. Кор ме жараси лыzen войліген, вачегъясәс новләдліс ме борся, медум сетны сәк, кор киясә бара кучасны қынмыны тола восьсаныньяс вуджиген. А ме, пустэй морт, иг куж қывны сылысь съёләм дойсә, иг вермы аддзыны орчен восьланыс том мортлысь пытышкес мичлунсә.

Юрес ёшедәмен дыр пукала Кельчиюр ўюра вылын пасъкеччем мёгиляяс костын суалысь выль крест дорын. Синва сорен сёрнита сыкед, кодәс ме иг куж гёйрвоны колан кадә. «Татэн тэ куйлан, Вова нима бур морт, и ме ог вермы ни киасыны, ни шамырчыны, ни оқышсыны тәкедыд. А вед ме онәдз пёмнита тэнчыд киястә. Кор киасылім тәкедыд, ная пыр вўліны ныыләдәмәссь, сідз тэ волнуччин сәк. Выйті сёр ме поймиті, Вова, мый тэ вўлін менам оләмын главнәй мортэн...»

Армиянын служитіген Вова ыстіс мен ассыыс солдатской формадағы фотосы да дзолиндзик письме. И сәк ме тоже мыляке иг мөд кывны том зонлардың съюзмен висемсә да майшасемсә. Армиясынан борзын Вова сіздің из гётрасы, гашке, из аддзы ассыыс пойвасы. Кывлі, мой ләдзчыс, кучис юны, ноксис ләк йөзкед. Воис сәччедз, мой сюрис модор югыда ләк вина юэм борзын.

Ме иг же аддзы ассыном шуда, коты и петлі верес сае. Унасың думышлі мунны ас сиктә, аддзыны Вовасы, сёрнитны сыйкед. Иг удит, сія муніс мөд мири, зэй ылә. Шопка сылән мөгпила вылын: «Ме мөді піддаритны тән шонді, Вова. Зәйт мөді. Тә мунін му вылысса сәк, кор ме пойнимайті, мой тә и выйым сія мортыс, кодаң ме корси нем чөж. Мыля нә тә менә ин виччыс? Ме мәдә, мед тә волін орчен, мед тә видзедін ме вылам аслад кузь синлисінде сәттер синъяснад, мед кутыштін киясес аслад шоныд киясад».

Ыллаыс нин пемде, колә ләччыны гортад. Прощачча Вовакед, кодлы отнаслы свет вылас ме волі дасы піддаритны ыджең, шым да югъялысша шонді. Но ме сёрми, мортыс күсіс пірысьмытәдзыс. Моресес сотысса піддариттәм шондіс мен ковмас шуны водзе ас пытшын сізді же, куды ассыном Вова водзын доласы съектәдьсіз мыжес.

Шоныдін

Стихотворения

Мада ывла выв

Лёзов тшынъясыс
лёня сылёны
руён шпыннялысь
төвся сынёдын.
Мича кыдзъяслы
вой тёв дасътёма
лым чир сыръясысь
вурём пасъкөмъяс.
Рама югзьёдö
кёдзыд шондыйс
Изъва ю бердысь
яг выв вольпасьсö.
Тэнад сыланкыв
шонтö, öлöдö,
мада ывла выв,
йизьём съоломöс.

Ыллаысь он ум

Алексей Ларионовлы

Шагнита ме тагес,
гортын тон ог ов.
Лызен ветла яге,
бурмедышта лов.

Тшукедче да сылэ
бус кодь посни лым.
Лэбач дзользе-сылэ,
тулыс ёктэ вын.

Сынэд ва моз колэ,
сысык югдэ юр.
Кёнке ёмей овлэ
мортлы татшем бур?

Шойчча, чышка ныылэм,
нятшка пожем сир.
Бара банбök вылын
кучас ворсны вир.

Тая шуда луныс
özтас менчум нюм.
Оз вед прёстэ шуны:
«Ыллаысь он ум».

Ловзъё чужанін

Эз на помасьны кёдзыд лунъяс.
Шоныд пасъясон ветлёр йöz.
Эз на косьмыны няйтöсъ туйяс.
Енэж абу на лöзысь-лöз.
Сöмын нязвöны шызъём канъяс.
Чинö лым толаяслён лыд.
Сöмын мичаммёмäöсь анъяс.
Лунывыв тёврукöд ворсö рыт.

Эз на вежöдны ния пуяс.
Эз на мыччысылы кыдзлён кор.
Оз на воссыны войвыв юяс.
Оз на гажöдчы тувсов шор.
Сöмын лэбачлён дзользъём кылö.
Шондi югöрысь куньсьё син.
Сöмын сынöдын сылан сылö.
Ловзъё вочасон чужанін.

Шонділён козинъяс

Енәж саридзып шонді уялō
мойдись син ёран съома чериöн.
Лым чир прёшвиö дзиrdъяс сюялō.
Локтысь-мупысъос пасйö беринöн.

Вöсни лыстяса ножöм увъяссö
вевттьö ярьютыд тутъя шальясöн.
Мавтö вильшасигмоз кыз пуслысъ
гöрдöн, кольквижöн эзысъ чальяссö.

Ворсö ыпъялысъ пельсъ мольясöн.
Гартчö коз гöгöр зарит кöвъясöн.
Козлöн туганö баштöм кольяслöн
килlyыс портмасъ кыя рöмъясöн.

Тайö талуцъя тувсов шондилён
медбör козиныс йöзлы, вöр-валы...
Лызьяс нубы менö гортланьö,
а ме нюмъяла едждöм бербалы.

Гожся асыв

Асыввывсянь пöльтö ыркыд тöвзу.
Енэж дорыш ворсö кельыдгöрдöн.
Сывтыръась лэдзö ойбыр пöра
öдья пачöн ломзысь кыа öдöн.

Со нин лöзов руа вöртас вылын
мургысь кань моз куткырвидзö шондi.
Садьмöм вöр-ва нимкодясьö сылы.
 Ывла вылыс югыд шудöн ойдо.

Майбыр июмён мелiasьö шондi,
каньысь пöрö зарни рöма колькийö.
Повтöг тюрö дзиридьсь артмöм содти,
ловъя ловлысь чöссыд унсö торкö.

Асыв öдйö ладмö лöнъём тöвкöд,
вуджö мича гажа гожся лунö...
Окота, мед быдöн öта-мöдкöд
ёртасьёмён олан туйтi мунас!

Жугыль синъяса ар

Руа сынёдын дзебсясьёö
асъя ыркыдлён лов,
еджыд бордъяснас шенасьёö,
шонді сылы оз ков.

Ворсö пöртмасысь рöмъясöн
жуғыль синъяса ар,
лунтыр мичмöдö сёёмпасöн
няйтöсö туйяса кар.

Рытъя рöмыдын бöрддзылас
дузъяллысь ывла выв,
тöвныр виччысътöг öддзылас,
сэсся войбыд оз кыв.

Енэж дзормöдас эзысъён
мулысь виҗёдöм бап.
Олöмсö бурлань вежысъён
тöлис исткöдчас тан.

Шоныдін

Арся коръяса,
ниа керўса,
сёстом зэръяса
чужанін.

Номйөсь видзъяса,
кыддза расъяса,
козъя ягъяса
чужанін.

Зёльгысь ёльяса,
бёрдысь бадъяса,
пельсь розъяса
чужанін.

Поноль эрдъяса,
изйөсь шоръяса,
югыд войяса
чужанін.

Турун кёраса,
лымйөсь төвъяса,
кёдзыд толыся
чужанін.

Посни тыяса,
діа юяса,
еджыд юсьяса
чужанін.

Бать-мам гёлёса,
пывсян тшынъяса,
гудок шыяса
чужанін.

Менам сьёлёмлы,
ловлы, мёвпъяслы,
менам олёмлы
шоныдін.

Кывбуръяс

Кывбуръяс, кывбуръяс – иёсь синва мольяс,
ті менам вужъяс пыр писькодчысь ёльяс.
Дыр жо ті сөдзинныд, корсинныд вынъяс,
гожъялём асыв моз восыттенид синъяс.

Банийм нянь тупось кодь веж петан кывъяс,
дойлён да радлунлён йёллога шыяс,
дыр жо ті кисьминныд лолын да юрын,
регыд ті воянныд олёмлён нюрын.

Кывбуръяс, лосяйдчой йоз доро петны,
кёсиймъяс збыльмодны, вермомъяс сетны,
мусмодны съёлёмъяс, бурмодны мёвпъяс,
вёвлитом рёмъясон мичмодны вётъяс.

Кывчукёр

(Луздор да Изьва сёрнисың вайёдём кывъяссö небögын насиёма курсивён)

Ас горувтас луз. – гусьён

Бобё луз. – съёлёмшör, мусук, шёвктуг

Бöдер луз. – тэрыб вёраса

Бринъявны луз. – чеччавны, тэрыба котравны, ризъявны

Бурка иж. – пими, гын сапёт

Быльыц иж. – блюд

Вал иж. – му, градка

Винъгыны луз. – лётнны, зынъгыны

Вошийны иж. – пансыны, панны, заводитны

Выйым иж. – өм

Гажёд луз. – олан гаж, радлун

Гонъкъявны луз. – котравны

Дзёриавны луз. – кыйкъявны, ётарё-мёдарё видзёдны

Дувмем иж. – дув

Емке иж. – лёсьыд

Кёрома луз. – сарапан улын новлан кёрём сосьяса дёрём

Кёсмыльён луз. – кёсой синмён видзёдны

Леснич луз. – сод

Лъёгös луз. – бур съёлёма, ёдйö бурасысь

Ляпвидзны луз. – лунтыр гортын пукавны

Машкур иж. – маскаа морт

Меша иж. – мися

Миме иж. – дзик пыр

Мёдны иж. – кёсйыны

Непёлучки луз. – абу колана погён

Нид луз. – няйт
Нидöстыны луз. – няйтöстыны
Нимлун иж. – чужан луп
Няръян луз. – шабдісь кудель вёchan мапина
Онмыссыны луз. – утмовсыны
Пернянь иж. – вежань
Пипöв луз. – челядь, ии-ныв
Пöдöд луз. – лöс выв
Пуркöдчыны луз. – ворсны, туплясьны
Пыран иж. – пыранін
Сод дор иж. – йöр
Соч луз. – чой
Сöник иж. – васöд лым
Сы-сы вылэ иж. – ёта-мöд бöрся
Топ иж. – быттьö
Топтаа иж. – топыда
Тор яй иж. – лядьвей
Тшупыс чорыд луз. – мывкыд, стрöг
Тыравны иж. – усыны-тумбыльчыны
Уллё иж. – йöв
Усуиччыны иж. – мудзны, усурмунны
Чалзыны луз. – горзыны
Шар иж. – виям
Шымыр вома луз. – топöдöм вом дора
Ывсянь иж. – ылiseянь
Югыд син-пельён луз. – югыдöн, пемдытöдз
Ясьник луз. – кöвдум

Журчание родника

Журчание родника

(Повесть)

Посвящаю моей маме -
Хозяиновой (Лихачевой) Елизавете Иосифовне

Тятенька

На земле Коми наступила весна 1940 года. В южном Прилужском районе нашего северного края солнце растопило снега за короткий срок.

Этот район был назван по реке Луза, текущей с соседней Вятской земли. Главное прилужское село – это Объячево (по-коми «Абъячой»). Слова «аб» или «ыб» означают «открытое место, поле», а «чой» – «гора». Село Объячево и вправду находится под горой, сбегающей с полей. Здесь несколько деревень, и самая старинная среди них – Кулига, притулившаяся на холме, у большой проезжей дороги.

Утро. По деревне Кулиге бодро шагает мужчина лет за тридцать, среднего роста, с открытым лицом. А на плечах его воробышком сидит девочка лет четырёх, и светлые прядки волос её разлетаются по ветру. Это бригадир Остаповского колхоза Иосиф Лихачёв со своей дочуркой Лизой. В коми народе принято упоминать имена предков перед именем человека, и односельчане величают его Степан Осипом по дедушке. Осип души не чаst в своей дочке, по-мальчишески непоседливой. Куда ни направляется, непременно берёт её с собой. Каждое утро вместе с ней они обходят всю Кулигу, созывая колхозников на работу. Люди не спешат выходить на поля, тянут до последнего. Их можно понять, хлопот хватает и в своём подворье.

Бригадиру приходится заглянуть в каждый дом, и Лиза низко наклоняет голову, чтобы не удариться об очередную притолоку.

Родился Осип в 1906 году в Объячево, здесь жил, учился. Тут же нашёл себе пару из рода Шулеповых – Соломониду, дочку местного жителя Опуп-пи Александра. Это статная молодуха, работающая, немногословная, обладающая твёрдым характером и собственным мнением обо всём. В молодой семье Лихачёвых друг за дружкой появились на свет две дочурки. Старшенькой дали благоухающее цветочное имя Роза, а младшенькой – величественное царское имя Елизавета. В нынешнем году сбылась заветная мечта Осипа – родился долгожданный сын. Назвали его Юрием.

Лихачёвы и Шулеповы входят в число старинных родовых фамилий Прилузья, возникших 300 лет назад. Деловито обходящего деревню Степан Осипа переполняет чувство радости от того, что с утречка приятно перекинуться словом со своими земляками, от того, что мягкие дочкины ручонки нашли уют в его шершавых, отрубевших от крестьянских мозолей ладонях.

И Лиза чувствует себя уверенно на крепких плечах отца, которого они с Розой называют по-коми «тятё» (от стариинного русского слова «тятенька»). Отсюда Лизе всё видать. До неё вряд ли кто дотягивается. Тятенька миловиден и покладист. Как говорится, муху не обидит. Он моложав, но на макушке уже поблескивает ранняя лысина, и Лиза с Розой норовят тайком чмокнуть тятеньку прямо в этот блестящий кружочек на голове. Осип по своей натуре гораздо мягче и ласковее своей супруги, он без устали возится с дочками, всячески балуя их.

Говорят, что отец у тятеньки, Степан Ёгор, был на все руки мастер. Добротные гармони собирал. От этого безобидного, мирного человека за всю жизнь лишь один раз слышали матерное слово. Произошло это в тот момент, когда редкая в те времена десятилинейная лампа с абажуром упала на пол и разбилась вдребезги. Сильно дорожил своей драгоценной лампой Степан Ёгор, ведь без яркого света мелкие детали гармони не соберёшь. Со своей женой Надеждой он воспитал, кроме сына Осипа, трёх дочерей: Клавдию, Хевроллю и Василису. Сёстры Осипа живут уже своими семьями, и, собираясь их навестить, тятенька всегда берёт с

собой Лизу. А та, конечно же, ох как любит погостить, особенно у хлебосольной тётки Василисы.

Деревенька Кулига просыпается, оживая на глазах, и кажется, что всё прекрасно. Но это не так, это обманчивая картина. Ни отец с дочуркой на плечах, ни колхозники, с ленцой выползающие из своих домов на работу, не ведают о том, что их ждёт впереди. Ровно через год всё изменится к худшему. Неожиданно для всех грянет военное лихолетье. На фронт заберут более шести тысяч жителей Прилузья. Половина из них не вернётся домой с войны, также – и тятенька маленькой девочки Лизы.

Война

Летом 1941 года началась Великая Отечественная война. 14 июля отец Лизы был призван Прилужским военным комиссариатом на защиту Родины от фашистов. Сбор призывников из Коми был назначен на вятской станции Мураши. В то время автобусы не ходили, а идти пешком было далековато. Добирались до Мурашей на колхозных лошадях.

Коротка была ночь перед отправкой тятеньки на фронт, никто не спал. Ещё не рассвело, а Степан Осип присел на лавку перед дальней дорогой. Затем тяжело встал, закинул на плечо дорожную котомку и вышел из дома. Соломонида с детьми собралась проводить его. Пятилетняя Лиза попросилась к тятеньке, едущему верхом на лошади. Она знала о том, что отец отправился в дальний путь, но особо не печалилась. Наоборот, сияла от удовольствия, восседая перед ним в седле.

К школе стекался народ из сёл и деревень Прилузья. На спортилоцадке слышны были звуки гармони. Люди и плакали, и веселились. Кто-то плясал, кто-то пел частушки под мелодию коми народной песни «Шондібан» («Жизнь солнцеликая»). Как знать, вернутся ли живыми с фронта братья, мужья, отцы. А может, видятся с родными в последний раз. Все пели и плясали, не скрывая слёз. Маленькая Лиза во

все глаза смотрела на плачущих людей. Уцепившись за руку тятеньки, удивлённо крутила белобрысой головкой в разные стороны.

На восходе солнца Розу, Лизу и младшенького Юрия отвели спать к бабушке. Под утро ребятишки вернулись домой. Там их ждала только мама. Тятеньки дома не было. Его отправили на фронт. Так дети Соломонида и Осипа впервые познакомились с горечью войны, которая в эту бессонную ночь отняла у них любимого отца – кормильца семьи.

Спустя четыре месяца в дом пришла печальная весть. Фронтовое письмо привезла под вечер местная почтальонша. Когда она вошла в калитку, Соломонида выглянула из коровника, гремя подойником. Треугольник сероватого цвета предвещал беду, и подойник с молоком, загремев, беспомощно выскоцилзнул из её натруженных рук...

Позже Лиза часто перечитывала вслух это коротенькое фронтовое письмо, где было написано следующее: «Лихачёв Иосиф Егорович призван Прилужским РВК 14 июля 1941 года, рядовой, пропал без вести в ноябре 1941 года в ходе Московской битвы».

В тот последний для тятеньки бой вместе с ним пошли сражаться с врагом 200 человек, а возвратилась обратно лишь горстка солдат. Кто-то пал смертью храбрых, кто-то пропал без вести, как отец Лизы. Многих из числа погибших не могли опознать, и они были погребены в братской могиле.

Война не добралась до Прилужской земли, но сельчане все свои силы отдали на помощь фронту. И, хотя жили впроголодь, трудились день и ночь под лозунгом «Всё для фронта, всё для победы». Ребятишки искали себе пропитание на колхозных полях, собирали дары матушки природы. Босоногие дети войны, они в глаза не видели добротной обуви и одежды.

Изредка над селом пролетали в сторону Кирова военные самолёты. Услышав издалека тревожный гул моторов, Роза и Лиза поспешно занавешивали все окна в доме. Девочки думали, что это вражеские самолёты, и боялись того, что фашисты будут бомбить их родной дом.

Новогодние подарки

Вот уже второй год где-то далеко гремит война. Как только закончится лето, Лиза Лихачёва пойдёт в первый класс. Учить первоклассников будет односельчанка Евстолия Николаевна, многодетная мать. Она хорошо знакома с Лизой. Ведь девочка всё лето нянчила младшего ребёнка Евстолии Николаевны. Вместо платы за работу маленькую няньку досыта кормили, и этого было вполне достаточно.

Объячевская школа разместилась в двух постройках. Начальная школа стояла как раз напротив дома Лизы. Она располагалась в просторной избе, где когда-то родился и вырос дедушка Лизы. Родителей деда считали богатыми, зажиточными, и советская власть отобрала у них жильё, их дом стал школой. До третьего класса ребятишки учились здесь, а затем переходили в другое здание школы в центре села.

Наступил долгожданный день – первое сентября. Маменька (дети называли её ласково «мамо») сшила Лизе обновку – школьное платье из домотканого льняного полотна розового цвета в мелкую клетку. Утром девочка с радостью надела отутюженный чугунным утюгом наряд, положила в самодельную матерчатую котомку новый пенал и отправилась в школу. Далеко, слава богу, топать не надо, школа – вот она, напротив родного крылечка!

Лизе пришлось по душе и учительница, и классная комната. Она делила пахнущую свежей краской парту с Анной, дочкой Кирилла, которую дети между собой называли Киро Анна. Девочки старательно выводили в новой тетради первые буквы. Лиза долго пыхтела над буквой «У», потом горячо зашептала соседке по парте:

– Ты неправильно пишешь! Смотри, вот как надо писать, у буквы «У» длиннющая ножка!

Командирша Лиза привыкла верховодить, и в школе ей тоже хотелось быть на высоте. Киро Анна послушалась и написала, как Лиза. В строчку вошло всего несколько буквок «У». Евстолия Николаевна подошла к их парте, заглянула в тетради и строго сказала:

– Неверно написали. В строчку должно поместиться много букв. Обе заработали по «двойке»!

Мало того, что Лиза сама ошиблась, ещё и Анну сбила с толку. Вот до чего довела дурная привычка командовать!..

Лиза училась прилежно, не ленилась. Первокласснице хотелось, чтобы её ценили учителя, чтобы хвалила мама. А больше всего она старалась ради того, чтобы получить школьный подарок на Новый год. Лиза всегда завидовала старшей сестре Розе, которая приносила домой новогодний подарок за хорошую учёбу.

И вот в школьном зале поставили ёлку, высокую, до потолка. Здесь будут вручать школьникам новогодние подарки. Евстолия Николаевна дала наставление своим ученикам, как следует вести себя при получении гостинцев. Сначала нужно громко проговорить: «Получив такой подарок, я буду ещё лучше учиться!», затем сказать «спасибо» и вернуться на своё место.

В назначенный день ребята собирались в школьном зале. Стали раздавать долгожданные подарки. Довольные ученики возвращались со сцены на своё место, бережно неся в руках новую тетрадь, карандаш и бумажный кулёк с пряником, леденцами-монпасье и конфетой «Куколка». Эти скромные гостинцы казались детям военной поры небывалым богатством.

Утомлённая долгим ожиданием, Лиза, словно во сне, услышала:

Лихачёва Елизавета!

Она радостно подбежала к сверкающей огоньками ёлке. Не забыть бы наставление учительницы. Чтобы не запинаться, дома выучила напузь фразу «Получив такой подарок, я буду ещё лучше учиться!». Но в чём дело? Новогодний кулёк уже перешёл в руки девочки, а она от волнения не смогла выдавить ни слова, начала заняться:

– По...бу...по...бу...

В зале громко засмеялись. Сильно покраснев, девочка горько расплакалась. Вернулась на место с позко опущенной головой. А Евстолия Николаевна лишь погладила её по волосам и мягко сказала:

– Ничего страшного, Лиза, всё хорошо.

Строгая учительница в этот раз не упрекнула ученицу за оплошность. Ведь сегодня Лизе вручили первый в её жизни подарок за хорошую учёбу. Есть от чего развлечься. Как-никак торжественная обстановка, полный зал народу. Тут не только ребёнок, но и взрослый может растеряться.

Всё для фронта

Однажды, придя домой с уроков, Лиза увидела, что к тёмному углу в сенях привалены мешки с картошкой. Это удивило её, ведь дома картошка уже давно кончилась. Своих овощей им до весны никогда не хватало, особенно в дождливые годы. Клубни от сырости гниют прямо в земле, и богатого урожая не жди. С овощами не дотягивали до весны ещё и по той причине, что больше половины урожая сдавали в сельскую заготконтору и на вырученные деньги покупали в лавке продукты.

Лиза вошла в дом и поинтересовалась:

– Маменька, а откуда у нас столько картошки?

Погладив дочку по голове своими шершавыми от нескончаемой работы ладонями, Соломонида промолвила в ответ:

– Из колхоза подвезли. Засушим её и отправим на фронт.

Женщина знала, сколько мороки с этой картошкой: почистить от грязи, перебрать, просушить, несколько раз перемыть, сварить, очистить от кожуры, нарезать и засушить в печке. Но не роптала, понимала, что главная задача нынче – помочь фронту. В военное время каждой семье давали норму по сушке картофеля.

Клубни рассыпали в сенях на просушку, потихоньку перебрали, выкинули гниль. По вечерам хозяйка перемывала просохшую картошку и варила её в мундире в двух больших чугунках. Ждала, пока варёная картошка остывает, затем ставила чугуны на стол и подзывала детей. Дочки долго очищали картофель от кожуры и нарезали на тонкие ломтики. Младший братик помогал им. Работа кипела.

Лиза и тут была лидером. Ради того, чтобы сделать больше всех, трудилась без отдыха. Мама заметила это, и время от времени отворачивалась, прятала довольную улыбку. Ох, уж эта Лиза, всегда хочет быть впереди всех! В маму пошла – старательная и расторопная. А кареглазую Розу в отцову родню тянет, вылитая копия тятечки. Она всё время погружена в свои мысли. Руки у Розы пухленые, белые, еле шевелятся. Соревноваться с Лизой ей неохота. Сколько успеет, столько и сделает.

Если сёстрам попадался наполовину гнилой клубень, гниль выбрасывали, а остаток одрябшей мякоти, не успевшей подгнить, съедали. За это мама детей не ругала. Подгнившая картошка не годится для сушки, рассыпается в печке. Лучше уж съесть, чем выбрасывать.

Тонкие ломтики картофеля раскладывали на металлические поддоны и ставили в протопленную печку. Засушенная картошка приобретала молочный цвет, она приятно хрустела и таяла во рту. Напоминающее по вкусу современные чипсы лакомство пришлось детям по душевому. У Соломониды это блюдо получалось необычайно вкусным, ведь она не ленилась на следующее утро ещё раз поставить поддоны с подсушенной наполовину картошкой в тёплую печку, чтобы получилась настоящая сухая снедь. Мать особо не разрешала ребятишкам лакомиться сушёной картошкой. А те исподтишка прикладывались к этой вкуснятине, само собой, зная меру. Это ведь колхозная картошка, её отправят на фронт.

До окончания войны ещё не раз привозили мешки с картофелем. И заготовка сухого пайка помогала подкормить не только фронтовиков, бывших с врагом, но и изготовителей «чипсов» – детей военной поры.

Вкусная мука

В военные годы сельчанам предложили выращивать колхозных телят в личном хозяйстве, и это многим пришлось по душевому. Во-первых, нет нужды каждый день спешить на работу. Знай себе, хлопочи по дому с утра до вечера. Во-вторых,

ухаживать за телятами было выгодно, потому как подвозили сено, давали молочную сыворотку и мучную приправу для приготовления пойла. Этого корма хватало не только колхозным телятам, но и всей домашней живности.

Соломонида взялась ухаживать за двадцатью телятами, в её усадьбе был просторный скотный двор и добротный хлев.

Потребовалось освежить и почистить жилище телят для того, чтобы избавиться от болезнетворных микробов. По этой самой причине утром пришли четыре колхозницы и стали смазывать телятник изнутри известью. Только вот угощать их было нечем. Сами жили впроголодь.

Заходя в дом, Лиза услышала оживлённые возгласы мамы. Оказывается, из колхоза дали два килограмма ржаной муки для того, чтобы накормить работниц. Замесишь сладковатую ржаную муку в горячей воде, и получится приятная на вкус, сытная еда. Соломонида поставила миску с мукой на полку, что под самым потолком. Ребёнок до неё не дотягивается. Успокоив себя этой мыслью, вышла к женщинам, работающим в телятнике.

Продрогшая Лиза забралась на тёплую печку. С утра во рту не было ни крошки, и ей захотелось есть. От печки до полки, где восседала привлекательная миска, полная ржаной муки, было рукой подать. Голодной девочке захотелось попробовать аппетитную на вид муку, и она робко потянулась непонятно откуда взявшейся ложкой к заветной подке. Дотянувшись до полки с миской, она торопливо зачерпнула ложку муки и отправила в рот, затем – ещё и ещё. Мука была сладенькая на вкус, но, попав в рот, стала вязкой и прочно прилипла к губам, дёснам, застряла в зубах. Лиза изо всех сил жевала липкое месиво, но никак не могла проглотить его.

Тут скрипнула дверь, и в дом вошла Соломонида. Спросила о чём-то у Лизы, а та с набитым ртом промычала что-то невнятное в ответ.

– Ах ты, бесёнок, никак до муки добралась?! – осерчала мать. Схватила стоявшую у печки деревянную лопату для хлеба и пригрозила дочке:

– Попробуй ещё раз хоть пальцем тронуть чужое, я тебе покажу, где раки зимуют! Этой мукой нам надо добрых людей накормить!

Не на шутку перепуганная Лиза метнулась в самый дальний угол печки и затихла там. Из глаз брызнули слёзы обиды. Рукояткой ложки девочка кое-как соскоблила клейкую муку, обленившую дёсны и язык. Горький ком застрял в горле, и она с трудом глотала слюнявые, солёные от слёз липкие сгустки злополучной муки.

Зарёванная виновница долго скрывалась на печке, не показываясь на глаза домашним. Тем временем мама замесила еду из ржаной муки, поставила самовар. В дом зашли колхозницы, побелившие телятник, и довольная хозяйка накормила их досыта.

Женщины не доели приготовленное им сытное блюдо, добрую половину оставили голодающей семье. Остатки сладки – было чем полакомиться детворе!

Одни дома

В тылу все работали под лозунгом «Всё для фронта, всё для победы!». Лесозаготовители из Читаево, Ваймоса и других посёлков равнялись на стахановцев. Они перевыполняли норму по валке леса.

Зимой колхозников тоже отправляли на лесозаготовки. Соломонида Александровна получила письмо-вызов по почте. Ничего не поделаешь, пора собираться в дорогу. Завтра её отвезут в лесной посёлок Ваймос. Опечаленная женщина обратилась к детям:

– Власти надо подчиняться. В тюрьму отправят, коли в лес не поеду. Придётся, милые, пожить без меня. Роза воин какая большая, печку протонит.

Вздохнув, добавила:

– Отпускают домой раз в неделю. Проведаю вас в воскресенье.

Вот так студёной зимней порой сёстры-школьницы с братишкой остались дома совсем одни. Каждый вечер Роза укладывала в русскую печь дрова с помощью деревянной лопаты с длинным черенком. С утра пораньше топила печку и готовила поесть. Не морила голодом Лизу и Юрия. Сразу как-то повзрослев, хлопотала по дому. Младшие помогали ей, чем могли, но, мало-мальски освободившись от дел, убегали

гулять. Досыта катались с ребятней на санках, разбаловавшись, валялись в снегу, лепили снеговиков. И только замёрзнув так, что зуб на зуб не попадал, дружно забегали в тёплый дом.

Роза же редко выходила на прогулку. Щедрая душой, тихая правом, немногословная сестра была заядлой домоседкой. Много читала, с удовольствием делала уроки, и всегда входила в число лучших учеников школы.

Благодаря стараниям старшей сестры, дети всю зиму спады на пышущей жаром печке, навевающей дремоту. Изредка печь при топке дымила, и глаза у ребятишек краснели от едкого дыма, слезились, начинали болеть. Младшенький тёр кулачками воспалившиеся глазёнки и жалобно хныкал:

– Глазки ест! Глазки ест!

Что говорить, натерпелись да намучились, горемыки, без матери, да и сильно скучали по ней. А кто знает, сколько горьких дум передумала мама, тяжело работающая в лесу. Днём и ночью беспокоилась о родимых детях, которые остались в доме одни. На сердце у женщины легчало лишь тогда, когда на воскресный день отпускали домой. После долгожданного свидания с родными силы прибывали, да и работа спорилась.

Однажды мама привезла из Ваймоса дочкам в подарок атласные ленты цвета морской волны. От радости Лиза не знала, что делать с таким богатством. Она без устали вертела ленту в руках, разглядывала её со всех сторон. Гладко причесала волосы, заплела ленточку в косичку и тут же распустила её. Намочила ленту и старательно накрутила её на спичечный коробок, чтобы не помялась. Потом припрятала обновку для пущей сохранности в швейную машинку. Но девочку так и тянуло полюбоваться драгоценным подарком. «Ой, забыла, какого цвета ленточка, надо глянуть» – мелькнёт в голове. Приоткроет швейную машинку, посмотрит на своё сокровище и успокоится. Не удержавшись от соблазна, похвасталась подружкам. Показала им переливающуюся оттенками морской волны, отпечатавшую на себе форму спичечной коробки, волнистую ленточку. А когда девочки ушли, снова положила её в укромное место. Было бы от кого прятать. У Розы своя лента имеется, а другим домочадцам она совсем ни к чему.

А ещё мама купила в Ваймосе отрез чёрной ткани «молескин», напоминающей сатин. Розе сшили тёплую одежду в прошлом году, а Лизе нечего было надеть. Из нового материала заказали тёплый жакет с ватиновым подкладом и широкими модными рукавами для Лизы. И этот роскошный мамин подарок многие годы берегал дочку от пронизывающего насквозь морозного ветра.

О себе маменька не думала, не заботилась, а всегда старалась сделать что-нибудь приятное для своих родимых деточек.

Зимние каникулы

Как-то в воскресенье Соломонида не приехала из лесного посёлка домой. Видимо, снова появилась боль под грудью, и маменьке занедужило. Были школьные каникулы, и она попросила тех, кто отправился в село, привезти в Ваймос дочку Лизу.

В дом Соломониды вошёл Андрей, работающий конюхом в посёлке лесозаготовителей. Этого сутулого и страдающего косоглазием человека считали колдуном, напускающим порчу. Многие его откровенно побаивались. При встрече с ним сворачивали в сторону, от греха подальше. Конюх искосаглянул на Лизу и нехотя пробубнил:

– Собирайся в Ваймос, к матушке. Я к лошади выйду, подожду. А ты не мешкай, поспеть надо до темноты.

Лизе стало не по себе. Боязно ехать с колдуном-то. Но желание повидаться с мамой, посмотреть, где она работает, побороло страх. В надежде на саму себя девочка осмелела и собралась в путь.

Ехали на лошади, запряжённой в сани, довольно долго. Переправились через речку, добрались до села Чёрныш, а затем свернули к лесу. Где-то здесь недавно построили посёлок Ваймос. Маленькая попутчица конюха Андрея не запомнила дорогу, её одолела дремота под монотонный скрип саней. Пробудилась в конце пути, когда невдалеке показалось высокое строение из древесины. Это был барак, в котором жили лесозаготовители, а с ними и маменька.

Барак пустовал, люди ещё не вернулись с лесоповала. В остывшем помещении тесно, кругом сколочены спальные полки – дощатые нары. В середине комнаты возвышается стол, а стульев не видно. Видать, сидят прямо на нарах. Около печки развешаны бельевые верёвки.

Конюх затопил печь и подозвал сиротливо прислонившуюся к дверному косяку гостью:

– Не робей. Проходи, грейся у печки.

Он вскипятил чай. Подогрел на печке макароны, поставил их на стол. Подал Лизе мамину плошку, велел поесть. Девочка молчала, словно язык проглотила. Сидела, опустив голову, вот-вот разревётся. Колдун обронил сухо, с досадой в голосе:

– Да ты ешь, не бойся. Зла тебе не причиню.

«Не буду есть, – размышляла Лиза, – Вдруг порчу напустит, пока ем? Зубы-то заговоривает, а глаза в разные стороны глядят». Но голод сделал своё дело, и она перестала упираться, взяла в руки ложку. Едва притронувшись к макаронам, долго пила горячий чай из маминой кружки.

Стемнело, и с лесной делянки шумной толпой пришли женщины. Лица уставшие, сами в телогрейках, укутанны шальми, и все в снегу, как снежные бабы. Зашли в барак, застучали по полу заледеневшими валенками, и от этого в помещении стало ещё теснее. Соломонида радостно притянула дочку к себе, крепко обняла её. Мама с дочкой перекинулись словом. Лиза повеселела, поужинала вместе со всеми, наелась макарон, до которых боялась дотронуться часом раньше. Попили чаю из огромных чайников и легли спать.

Лиза уютно устроилась рядышком с мамой на нарах, обняла её и горячо запептала в ухо:

– Ох, и боялась же я колдуна Андрея. Думала, порчу на меня нашлёт. А он и говорит мне: «Не бойся, зла тебе не причиню».

– Ну и хорошо, доченька. Спи, милая, спи.

Соломонида вскоре забылась во сне, а Лизе не давали спать мысли о колдуне. Люди говорили, что внутри человека может поселиться крохотное существо

«шева» величиной с насекомое. Когда «шева» кричит, человек становится кликушой и может наслать порчу. Девочка знала, что у мамы тоже есть «шева». Вспомнилось, как они, маленькие, неразумные, дразнили маму: «Суп мышиный, суп мышиный», а она, бедняжка, начинала биться в истерике: «Ой-ё-ёй! Ой-ё-ёй!». Это «шева» в ней кричала. Вскоре маменька успокаивалась и постепенно затихала: «Чу-чу-чу-тю-сю!». Она сама поведала детишкам историю о том, как в неё попала эта «шева».

Как-то в ночь на Ивана Купала в доме Иосифа и Соломониды собирались гости. Заглянул к ним и колдун по имени Ипайл. Гости как раз уговаривались на аваристым мясным супом, и хозяйка уважительно поставила миску с горячим варевом на стол перед Ипайлом. В этот момент незваный гость и наслал ей порчу. Соломонида вся посинела, чуть не умерла, еле выжила...

В тёмном бараке все спят, похрапывают. Только маленькой гостью не спится. В голове крутятся мысли о «шеве». Говорят, что это существо может перейти от кликуши к родным людям в тот момент, когда этот человек умирает. «Шева» тотчас выходит наружу, садится на кол и проникает в кого-нибудь из родственников колдуны. Жутко стало Лизе, устрашилась она того, что эта мерзкая «шева» может перейти к ней от мамы. Мучительно размышляя об этом, не заметила, как заснула.

На завтрак были те же варёные макароны и чай. Подкрепившись, женщины стали собираться на работу. Натянули подсохшую за ночь рабочую одежду, обулись, запаслись тёплыми варежками и отправились в лес. Надо выполнить норму: обрубить сучья у поваленных деревьев, спилить негодные кругляши с торцов, сложить готовые брёвна на сани и вывезти из лесной чащи.

Лизе надо было уезжать. Соломонида проводила дочку домой, отправила её с попуткой в родное село.

После войны колхозников больше не отправляли на лесозаготовки, и в семье всё стало по прежнему. Маменька никогда больше не оставляла своих детей одних в холодном доме, не уезжала далеко. Всегда была рядом.

Трудная весна

Голодные ребятишки с нетерпением ждали, когда растает снег. Весной пропитание легко найти на оттаявших колхозных полях. В колхозе выращивали горох, овёс, рожь, ячмень, пшеницу. Осеню сушили снопы в скирдах, затем сажали снопы в овин и молотили. Лизе была знакома эта работа, с малых лет помогала маме на молотильном току. Весенней порой подбирали на месте скирд остатки колосков, никто не запрещал. Если, конечно, за зиму их не погрызли полевые мыши. В таком случае не найдёшь ни зёрнышка.

Каждую весну Соломонида отправляла детей на сбор колосков. Откощанные из подтаявшего снега зёрна бережно собирали в ведро или в мешок. Дома их подсушивали, очищали от грязи, просеивали и мололи муку, из которой хозяйка пекла румяные колобки.

Сей год весна припозднилась, и как-то вечером мать посетовала:

– Вот беда, снежок-то не тает. Собрать бы остатки под скирдами, пока никто не подчистил. В оттепель паведаемся туда, соберём зёрнышки ячменя да пшенички.

Наутро Лизе вдруг вспомнились маминые слова. Знать бы, надо ли сходить за колосками, но мама на работе, спросить не у кого. Надумав всё же паведаться на поле, девочка засуетилась, кое-как оделась, надела на ноги чьи-то большие калоши, взяла пустой мешок и отправилась в путь.

Снег был довольно глубок, и девочка замешкалась. Без тропы вряд ли доберёшься туда, где осенью стояли скирды. К тому же задувал резкий ледяной ветер. Потоптавшись на месте, Лиза упрямо пошла вперёд, проваливаясь в сырой снег. После очередного шага нога ушла глубоко под уплотнившийся весенний сугроб, и, с большим трудом вытащив её, Лиза обнаружила, что калоша осталась внутри. Пошарив рукой в холодном снегу, нашла заветную калошу, достала, отряхнула и накинула на озябшую ногу. Надо идти дальше, отступать поздно. Дотащилась-таки до подстожья. Снега много не было, всё бело, никаких зёрен не видать. Окоченевшими от морозного ветра руками Лиза кое-как выковыряла из-под

толщи снега горстку мёрзлых колосков и, бросив их на дно мешка, по собственным следам уныло поплелась назад. Мокрые ноги совсем закоченели. Сама продрогла. Ладошки покраснели и даже припухли от холодного снега.

Вернувшись с работы, мать оторопела от неожиданности при жалком виде дочки:

– Доченька, я же сказала, потеплеет, и тогда сходим к скирдам. Эх ты, торопыга! Из горстки колосьев муки не намелешь.

Пришло маменьке поухаживать за горемычной сборщицей колосков, отогреть её застуженные руки да ноги.

Семья голодала, и в конце недели Соломонида достала из комода приготовленное на продажу последнее покрывало и сказала домочадцам:

– За войну всё, что было, продала. Ничегошеньки не осталось, кроме покрывала. Попробуй его сбыть.

Детушек своих Соломонида не держала впроголодь, помнила наказ мужа: «Всё, что есть, продай, но детей корми». Торопливо оделась, взяла покрывало и отправилась в село Беляевское. Колхоз там богаче, и удалось обменять покрывало на пуд ячменя. Вернулась домой в приподнятом настроении. Шестнадцати килограммов ячменя хватит надолго. Как-нибудь переживут трудную весеннюю страду.

Всю весну напролёт Лиза крутила ручные жернова. Помогала маменьке перемалывать ячменную муку. И Соломонида баловала детей вкусными сочнями да колобками, испечёнными из муки и картошки.

Красивое платье

Май 1946-го. Прошёл ровно год со дня Победы над немецкими захватчиками. Лиза подросла, вытянулась, начальную школу вот-вот закончит.

На улице распогодилось. Зажурчали ручьи, лопнули берёзовые почки, защебетали синички. Прищурившись от солнечных лучей и улыбаясь во весь рот, девочка стоит на крылечке. Пора идти на учёбу. На душе радостно, ведь сегодня после уроков школьники получат одежду и обувь, доставленные из Германии.

Третьяклассница Лиза и её сверстники стали старше. Им хочется скорее перейти в Объячевскую среднюю школу. Лиза слышала о том, что лет двадцать назад эта школа размещалась в здании старого музея. Учащихся стало больше, и решили построить новое одноэтажное здание для школы. Стройка затянулась на два года, и, к всеобщей радости, открыли семилетку. В школе не было мебели, и сельчане принесли из собственных домов столы, стулья, скамейки. И лишь позже, после открытия средней школы, появились настоящие школьные парты.

Лиза с трудом приоткрыла тяжёлую скрипучую дверь векового домини и вошла в гудящую, как пчелиный улей, начальную школу. Этот день тянулся особенно долго. На переменах не затихали ребячые разговоры о предстоящей раздаче подарков.

После уроков всех собрали в школьном зале. Тем, у кого отцы погибли на фронте, подарили привезённые из Германии спортивную одежду, красивую обувку. Многим достались красные хромовые сапожки, кожаные башмачки и блестящие калоши. Мальчишки и девчонки, пробегавшие всю войну босиком, не могли и мечтать о такой роскоши. Понятно, что радости не было предела.

Лизе дали только одну обновку – крепдешиновое платье стального цвета. Это из-за того, что отец не погиб от пули врага, а «пропал без вести» на войне. Но девочка была рада и такому подарку. Прибежав домой, она, словно во сне, натянула на себя добротно сшитое платьице с аккуратными гладкими складками и оборками, с маленьким круглым воротничком. Такого лёгкого и летучего, как ветерок, одеяния у неё ещё никогда не было!

Жаль, отцу не приведётся увидеть свою дочку в этом праздничном наряде.

Проступок

В погожий летний день кулижская детвора собралась на школьном дворе. Человек двадцать сбежалось, среди них – закадычные подружки Лиза и Тамара.

Решили поиграть в прятки. Отыскали доску и поставили её серёдкой поперёк полена. На один конец доски положили горстку щепок. Стоит наступить на другой

конец, и щенки мигом разлетятся вокруг. Все разбегаются в разные стороны и прячутся, а водящий тем временем собирает щенки и складывает их на то же место. Затем отправляется на поиски ребят.

По считалочке выбрали водящего, и жребий выпал Тамаре. Игрошки приготовились прятаться, но не тут-то было. Всё нарушил непредвиденный случай. В какие-то доли секунды Лиза, не заметив Тамару, наклонившуюся к щенкам, изо всех сил прыгнула на пустой конец доски. Сама тут же отбежала, так и не увидев, что другой конец доски ударила прямо по лицу приятельницы.

Тамара жалобно застонала и, присев на корточки, закрыла ладонями лицо. Лиза услышала плач, оглянулась и оторопела от страха. У плачущей навзрыд водящей по лицу стекала кровь и сквозь пальцы, сжимающие нос и губы, капала на землю. Оказывается, на другом конце доски торчал гвоздь, сильно поранивший в момент удара лоб и нос девочки. Нина – мама Тамары – прослыла грубоватой, крутой характером, и виновницу охватила паника.

Ребяташки окружили пострадавшую, а Лиза дала стрекача. Куда бежать? Домой не явишься, ведь в первую очередь её будут искать там. Она крадучись вернулась к школе, и, обогнув здание, проплыгнула через приоткрытую заднюю дверь в сени.

Света в сенях не было, сплошная темень, и босоногая Лиза залезла на приставленные к стене старые парты, присматриваясь к чердаку. От парт до люка, ведущего наверх, голая стена полтора метра, не меньше, никак не залезешь. Руки-ноги тряслись, слёзы застилали глаза, сердце бешено стучало. Изо всех сил подтянувшись, девочка по-кочачьи вскарабкалась по шершавой стене на спасительный чердак. «Надо где-нибудь спрятаться», – промелькнуло в голове. В полуутёме обнаружила укромный уголок за высокой кирпичной кладкой, соединяющей печные трубы, и легла на пол. Плотно прижалась к дощатым половицам, словно слилась с ними всем своим тельцем.

Бедняжка вспомнила о том, что в одной из комнатушек при школе поселилась со своим маленьким сыном уборщица, которую величали «матушкой Анной». Тревожно подумала: «А вдруг матушка Анна услышала шорох в сенях и на чердаке?! Хоть бы она не выдала меня».

На улице послышались громкие голоса. До Лизы, которая ни жива ни мертва лежала в своём укрытии, донеслись жалобные всхлипы раненой подруги. Раздался визгливый возглас её матери Нины:

– Всё ещё кровь бежит! Где Лизка? Куда спряталась? Бесово отродье! Да её убить мало!

Повсюду искали виновницу. Заскрипела школьная дверь. «Сюда идут! Всё кончено!» – замерла Лиза. Задрожав от страха, прильнула к прохладным кирпичам. Ей вдруг захотелось втащить в ставшую почти родной кладку и, как в сказке, обернуться кирпичом, чтобы стать незаметной.

В поисках Лизы толпа ввалилась в школу. Чердак сразу привлек их внимание, но туда без лестницы не залезешь. Окликнули молодого монтёра Ёста Мишу. Вскарабкаться наверх ему труда не доставило. Осмотрев чердак, он тут же заметил испуганную до смерти девочку, затаившуюся за кирпичами. Секунда, две, и Лизе легче стало дышать. Ведь добряк не стал поднимать пыум, а дружески хлопнул беглянку по плечу и шепнул:

– Будь спокойна, не выдам. Лежи, никто сюда не заберётся.

Ёста Миша деловито спустился вниз и объявил о том, что школьный чердак пуст. Люди высыпали во двор, потоптались, переговариваясь друг с другом, и разбрелись по домам. Кругом стало непривычно тихо. До наступления темноты девочка пряталась на чердаке, боясь высунуть нос. Поздним вечером к матушке Анне заглянула на огонёк Соломонида. Пожаловалась на обезумевшую от гнева Нину. Оказывается, та сильно отругала её при всём честном народе, кричала, что дочка искалечила Тамару. Провожая гостью, матушка Анна посоветовала ей:

– На ночь дверь не запирай. Дочку жди, она домой должна прийти.

Так и случилось. Все спали сладким сном, когда Лиза бесшумно проскользнула в сени. Там возвышалась большая кадка, в которой маменька раньше держала цыплят. Лиза залезла в пустую кадку и присела на днище, на соломенную подстилку. Вдруг скрипнула дверь, вышла мать. Девочка кашлянула, и мама сразу отозвалась:

– Лиза, дочка, где ты прячешься? Выходи. Не бойся.

Измученная девочка, размазывая по щекам слёзы, вылезла из кадки. Мама накормила её и уложила спать. На рассвете, почуяв что-то неладное, она велела Лизе укрыться в нежилой комнате. До отправки на фронт отец не успел отремонтировать последнюю, третью по счёту комнату нового дома.

Ранним утром в двери громко постучали. В дом ворвалась мать Тамары с перекошенным от злости лицом. Сурово обратилась к хозяйке:

– Где прячешь свою дурёху? Все волосья ей выдеру!

Разъярённая женщина обошла весь дом в поисках виновницы. Сунула нос и в комнату, где за подвешенным к стенке старым одеялом съёжилась Лиза. Бешено посверкивая глазами, деловито проверила сени, коровники, сарай, заглянула в каждый уголок просторной усадьбы Соломониды. Так и не нашла Лизу, и слава богу. Дом, построенный заботливыми руками тятеньки, уберёг дочку от гнева чужого человека.

Лишь несколько дней спустя затворницаглянула на улицу. А девчонки тут как тут, весёлой стайкой спешат к роднику, средь них и Тамара с перебинтованным носом. Заметив их, Лиза метнулась обратно в дом. Почти сразу за ней в дом вошла Римма, позвала её:

– Пошли за водой. Тамара уже не сердится.

Подруги помирились, но Лиза ещё долго избегала встречи с Тамариной мамой. Однажды она всё же попалась Нине на узкой дорожке. Ох, показала бы ей тогда односельчанка, где раки зимуют, если бы не сосед Алексей. В тот самый момент он обогнал их верхом на лошади. Поняв, в чём дело, подхватил Лизу, посадил к себе на седло и приструнил злопамятную женщину:

– Не трожь ребёнка! Крапивой попарю!

А та лишь процедила сквозь зубы:

– Всё равно поймаю и утоплю в канаве. Так и знай!

А Тамара и Лиза ещё сильнее стали дружить. Лишь уродливый рубец на лице подруги всегда напоминал Лизе о собственном проступке. Она на протяжении всей жизни чувствовала вину перед Тамарой.

Непоседа

Подружки часто заходили к Лизе. Они играли в нежилой комнате дома, где им никто не мог помешать. Устраивали там посиделки, подражая взрослым. Замешивали в старой разбитой миске «тесто» из вязкой сырой глины и пекли «ленишки». Разводили водой раздавленные ягоды жимолости и разливали горьковатый напиток по бутылкам. Затем весело «гостили» друг у дружки. Вместо кваса шили терпкий морс из жимолости, уговаривались «ленишками». Посиделки заканчивались весёлыми плясками под пение коми народной песни «Шондібан» («Солнцеликая»).

Здесь же играли в мяч. Как-то мячик провалился в отверстие на полу, не достать никак. Топором разрубили половицу, но не дотянулись до злополучного мяча, упавшего глубоко под пол. Догадались-таки, привязали к верёвке посудину и с помощью длинной палки загнали туда мяч. Возились долго, но мячик всё-таки достали.

Во дворе девчонки играли «в клетки». Чертigli на гладкой поверхности земли прямоугольник в крупную клетку и прыгали по ней на одной ноге. Бросят камешек и прыгают на ту ячейку игрового поля, куда он попал. Таким образом, игрокам надо было добраться до самой дальней угловой ячейки с отметкой «пожарный».

Лиза в отличие от сестры-тихонии была живчиком, азартным ребёнком. Так бы и бегала везде день-деньской да в чужие дела свой нос совала. За старшую дочь мама была спокойна, а младшеньку всё остерегала:

– Что ты носишься, егоза?! Не сидится дома?! Угомонись, не лезь никуда, ногу сломаешь!

Лизе интереснее было водиться с мальчишками. Вместе с ними она ловко мастерила свирели из стебля дудчатых растений. Привлекала её и ходьба на ходулях. К высоким шестам прибивали отколотые от полешек приступки для ног, и получались ходули. Ребяташки важно вышагивали на них, сразу став значительно выше ростом.

Любимой забавой детворы были игры в мяч, затягивающиеся до сумерек. Играять в лапту девчонок не звали, зато Лиза была завсегдатаем этой игры. На обоих

концах игровой площадки проводили черту – старт и финиш. Делились на две команды. Подающие мяч должны были убегать, а ловцы – попасть в них мячом. На старте подающий высоко подбрасывает мяч, а ловец наносит удар палкой по мячу. Задача ловца – найти отлетевший мяч и попасть им в тех, кто мчится от старта к финишу и обратно. В этой игре ценилась высокая скорость бега, и быстроногая Лиза входила в число лучших игроков, в неё трудно было попасть мячом.

Вместе с мальчишками Лиза играла в футбол. Когда босоногие сорванцы гоняли мяч по полю, между пальцами ног просачивалась и брызгала жидкая грязь. После игры футболистов было не узнать. По уши грязные, как поросята.

Зимой Лиза тоже вела себя не по-девчоночки. С ватагой ребятишек играла в снежки, до одури каталась с приятелями с горки и резвилась в снежных сугробах. В какие только истории не попадала эта проказница!

Как-то раз мальчишки надумали прыгать в снег с крыши заброшенного дома. Лизу тоже тянуло к ним, но боялась ослушаться маму, как бы и вправду ноги-то не сломать. Она с завистью смотрела на сверстников. Опустились сумерки, и все разбежались по домам, кроме Лизы. Упрямство взяло своё, девочка решила повторить «подвиг» товарищей. Вскарабкалась на крышу, а прыгнуть в сугроб так и не решилась. Высоко-то как, дух захватывает! Смотреть вниз и то страшно.

Тем временем стемнело, с крыши не слезешь, ничего не видать. Студёно, руки-ноги холодные, как лёд. Сидит Лиза в кромешной тьме на крыше и плачет во весь голос. Тут мать спохватилась, отправилась искать дочку. Обойдя всю округу, на окраине, ближе к заброшенным домам, услышала-таки всхлипывания Лизы. Сердце матери зашлось от страха, но, быстро придя в себя, она закричала:

– Доигралась, бесёнок! Зачем туда залезла? Ноги переломать охота?

Тут же притащила увесистую доску, с трудом приставила её к крыше. Крепко придерживая доску, уговорила дочку спуститься вниз:

– Держись крепче за края и ползи вниз! Не бойся, дочка, не торопись!

Лиза прильнула всем телом к спасительной доске, изо всех сил схватившись за неё, и стала медленно сползать по ней. Перебирая ногами, добралась до маминых

рук, придерживающих доску. Если б не маменька, пришлось бы непоседе ночевать на ледяной крыше...

На перемене Лизе не сиделось в классе, она носилась по школьному двору вместе с мальчишками. Было весело, играли в снежки, лепили снеговика. Однажды выпал сырой снег. Лиза провалилась по колени в сугроб. Расшалившиеся приятели притоптали к её ногам снег, с места не двинешься. Так девочка в один момент застряла в снегу. Раздался звонок, и все убежали в школу, оставив Лизу одну. До следующей перемены пришлось бы ей делить долю снеговика, если б не увидела её в окно уборщица школы – матушка Анна. Вместе с учительницей Евстолией Николаевной они вышли с лопатами и откопали Лизу из снежного плена.

На затейнице моментом рвалась любая обновка. Умудрённая горьким опытом мама шила ей платья из самого крепкого ситца. Взять хотя бы такой случай. Не было денег на покупку ткани, и маменька сшила Лизе нарядное платье из своего подвенечного сарафана. И что же? Обновки хватило лишь на один день. Оказавшись в школе, Лиза тут же забралась на турник и, резко соскользнув с него, порвала подол об неизвестно откуда взявшейся гвоздь. Она так перепугалась, что дома никому не сказала о случившемся. Тайком, как сумела, зашила дыру на испорченном платье. Но от матери, как известно, ничего не скроишь. Наутро она заметила, во что превратился школьный наряд. Без лишних слов распорола корявые швы и аккуратно заштопала порванное место. Возвращая смущённой дочке платье, недовольно проворчала:

– Из железа надо тебе одёжу ковать!

Добытчики

В 1947 году в Объячево впервые после войны привезли белый хлеб. Очередь протянулась от прилавка до улицы. Каждому покупателю выделяли один каравай. Терпеливая Роза два часа кряду стояла в очереди, крепко держа за руку маленького Юрия. Ему тоже полагался хлебный паёк. С беспокойством оглядываясь в поисках пропавшей куда-то сестрёнки, Роза с досадой подумала: «Сгинула куда-то. Очередь

вот-вот подойдёт, а её нет. Потеряем из-за неё целый хлебушек!» Вдруг кто-то легонько подтолкнул её со спины. Это была во весь рот улыбающаяся Лиза. Шепнула сестре:

– Глянь-ка сюда.

На дне холщовой сумки лежали два пахучих каравая. Оказывается, пронырливая Лиза уже дважды как-то сумела пролезть к прилавку вне очереди. Когда подошла очередь детей Соломониды, каждому в руки дали ецё по караваю. Так уж получилось, что они принесли домой чуть больше нормы белого хлеба. За проклятую войну нагодились, а зато в тот раз наелись от пузы.

Сёстры хорошо запомнили день, когда они впервые после войны «попробовали» настоящий крепкий чай. Соломонида раскошелилась на дорогущую пятидесятиграммовую пачку индийского чая, вкус которого все успели забыть за военные годы. Пили домашние отвары из листьев и трав. Каково же было разочарование, когда, открыв пачку, обнаружили там какую-то сушёную траву. Соломонида так расстроилась, что горько разрыдалась, заголосила от обиды:

– Вот черти полосатые, вместо чая сенцо подложили! Жулпики!

Дети как по команде уставились на мать, не сводя с неё удивлённых глаз. Ведь за всю войну они ни разу не видели маменьку плачущей навзрыд. Видать, очень хотелось женщине насладиться терпким вкусом чёрного чая...

Одним из насущных дел для послевоенной детворы было найти себе пропитание. Весной из-под снега вылезал разный мусор. Можно было найти и пустые бутылки. Лиза и Роза решили собрать их. В таких делах Роза была несмелой, и бразды правления взяла в свои руки Лиза. Командирша ловко и со сноровкой искала бутылки, собрала больше всех. Собранную посуду сложили в авоську и отправились в лавку заготконторы. Сдали много бутылок, а вырученных за них денег хватило лишь на один каравай хлеба. На сахарный песок денег не хватило, слишком дорого. А так хотелось хоть чуточку попробовать белый, как снег, сахар, вкус которого дети давно забыли. После этого сёстры ещё несколько раз ходили на поиски пустых бутылок. Маленький Юрий тоже помогал сёстрам. Люди хвалили их:

— Ах, голубчики, вот собрали посуду, и можно что-нибудь купить.

Голодных ребятишек щедро угощала родимая парма. Они наедались до отвала лекарственными травками, сочными кореньями, сытными соцветиями хвойных деревьев. Выкапывали из земли тощие беловатые корнеплоды дикой моркови, очищали и отмывали их от грязи, затем с наслаждением вгрызались зубами в скучную, но ароматную мякоть. У ребятни вошло в привычку сдирать с ивовых прутьев тонкую зелёную кожицу и покусывать, скоблить зубами их внутреннюю слизистую оболочку — сладковатую мезгу. Лакомились мучнистой верхушкой полевого хвоща и кисловатыми на вкус листьями щавеля. Собирали грибы и ягоды.

Однажды мать обратилась к дочерям:

— Дикая малина зреет ночью, за ней на рассвете идти надобно. Завтра рано вас подниму, пойдёте за ягодами. Коли не соберёте, другим достанется.

Наутро чуть свет она разбудила Лизу и Розу. Босоногие девчонки отправились в сторону леса, к старым заброшенным полям, которые заросли высокими кустами малины. Спелые плоды, алеющие на колючих ветках, так и просились в рот. Лиза осторожно брала руками крупные ягоды, чтобы не обронить их на землю. Ягодку-другую попробовала, полакомилась. Сладкая и сочная малина словно таяла во рту. Сёстры то и дело высыпали малину из своих чашек в ведро. Когда они, с двух сторон ухватившись за дужку тяжёлого ведра, наполненного с верхом, отправились домой, над головой уже вовсю палило жаркое солнце.

Дома пришлось почистить малину от соринок. Пока Роза копошилась, Лиза одна успела перебрать полведра ягод. Вот и почистили, теперь надо как-то сбыть с рук товар, пока свежий. Продажу развернули возле сельсовской лавки, там больше покупателей. Малину продавали по рублю стакан, то и дело накладывая из ведра и бережно утрамбовывая, чтобы больше влезло. Покупали мало, и пришлось пройтись по домам. С большим желанием брали малину молодые учителья. Им, похоже, некогда ходить в лес, вот и разохочались на готовенькое.

До вечера сёстрам удалось избавиться от ягод, и они, довольные удачным днём, принесли в дом собственную выручку.

Хлеб с маслом

Война закончилась, наступило мирное время, а люди бедствовали. Плачь хоть смейся, а есть было нечего. Так и жили впроголодь.

Зимой школа запасалась дровами, и исхудавшие за военное лихолетье ребяташки отправлялись вместе с учителями в лес. Дружно валили деревья, обрубали сучья, распиливали бревна на чурки, складывали их на дровни и везли в школу. Учителя жалели детей. Берегли их от простуды и обморожения, согревали, как могли. Часто подкармливали своих полуголодных учеников.

В четвёртом классе вместе с Лизой учились сорок человек. Учительница Юлия Корниловна обладала ровным характером, в отношениях с воспитанниками всегда была сурова и справедлива. Выросла она в Прилузье, в селе Беляевском. Воевала на фронте, и теперь неприменно ходила в хромовых саногах, в гимнастёрке, а на груди блестели медали.

Однажды на уроке Юлия Корниловна вызвала Лёню:

– Кузнецов Леонид, прошу к доске!

Этот кудрявый от природы, смазливый паренёк был единственным ребёнком в семье. Отец погиб на фронте. Лёня в своей длиннополой узорчатой рубахе, подвязанной пояском с кистями, стоял у доски и угрюмо молчал. И вдруг неожиданно для всех расплакался. Учительница строго спросила:

– Тебя реветь, что ли, к доске вызвали?

А Лёня никак не успокоится, обливается слезами.

– Леонид, отвечай, если тебя спрашивают.

И тут Лёня заголосил:

– Кушать хочется-а-а!

Юлия Корниловна приструнила его:

– Стой на месте, не скули. Я вернусь через минуту.

Учительница принесла завёрнутые в бумагу два куска хлеба с маслом – свой обед. Один хлебушек дала Лёне. Затем, мягко придерживая его за плечо, отвела за печку-голландку:

– Подкрепись, а потом ответишь у доски.

Вскоре повеселевший Лёня с покрасневшими после плача глазами вышел из-за печки. Учителяница улыбнулась:

– Ну-с, слушаю тебя, Кузнецов Леонид.

Что пиши говори, а на сытый желудок гораздо приятнее учиться.

Свадьба

Пролетело лето, и наступило время уборки урожая. Всю осень ребятишки и дома, и в колхозе помогали убирать овёс, горох, рожь, ячмень и пшеницу.

Наравне со взрослыми теребили лён на колхозных полях. Деловито выдергивали стеблёк льна прямо с корнем, отряхивали от комьев земли и складывали в снопы. Соединив четыре снопы, делали суслон льна. Высущенный лён переносили на молотильный ток. Дети знали, что из этого ценного травянистого растения получают льняную кудель, из которой прядут волокно для выделки холста. Всем известно, что испокон веков крестьяне шили одежду из холста – добротной льняной ткани.

С наступлением поздней осени зарядили дожди, растеклись лужи. Деревья сбросили свои яркие легкие наряды. Земля оголилась, осиротела. В эту пору в Прилузье играют свадьбы.

Как-то раз мать пришла домой в приподнятом настроении и тут же поделилась с Лизой:

– Сегодня соседушка наш Алексей сватает Фиму. Подруги её будут оплакивать. А потом невесту из родимого дома, от батюшки да от матушки к жениху отведут. Загляните на девичник, не поленитесь.

Сосед Алексей недавно вернулся со службы. Многим девчатаам пришёлся по сердцу статный паренёк. А он остановил свой выбор на Фиме.

Лиза и Римма отправились в дом Фимы. Так уж повелось, что в день свадьбы невеста плачет, прощается с уходящей молодостью. Собрались подруги, расплели косы невесты, расчесали её длинные волосы. Во время распускания косы девушке

положено оплакивать свою судьбу, сравнивая своё счастливое девичество и предстоящую горькую жизнь в замужестве. Фима запричитала, обливаясь слезами:

— Родненькие мои тятенька да маменька, поклон вам до земли за то, что вырастили меня, за то, что выкормили меня. Братья мои родимые, благодарю вас сердечно. Провожаю я красоту свою девичью, ненаглядную. Такая, видно, участь человека, доля бабья. В девичестве я была вольной, как птица, а теперь в чужую семью идти надобно, в неродном доме жить надобно.

Причтания Фимы тронули всех до глубины души. Поплакали, погоревали девчата, потом сновазаплели ей косы. Начался девичник — посиделки в родительском доме невесты в канун свадьбы. Подруги уселись в окружении невесты и долго пели, прерывая пение играми да беседами. А Лиза с Риммой смотрели во все глаза на это необычное представление, дожидались, что же дальше будет.

Вдруг застучали в дверь. Похоже на то, что жених Алексей явился, не запылился. Отозвался из-за двери:

— Бражка-то у вас имеется? Откройте дверь!

Из дома охотно откликнулись:

— Не откроем, сусло ёщё в печи стоит!

Гости не замедлили с ответом:

— А мы бражку с собой захватили!

Дверь тут же отперли, и они весёлой гурьбой ввалились в дом. Домочадцы привели и посадили на лавочку невесту. Алексей всё пытался поцеловать Фиму, а та ловко увёртывалась от него. Как только жениху удалось чмокнуть её в щёчку, пришедшие закричали:

— Ну, теперь наша невеста, истинно наша!

Все отпили принесённую ими бражку. Родители невесты благословили Алексея и Фиму. Затем запрягли лошадей и отправились в дом жениха. А ребятишки побежали следом — уж больно хочется посмотреть на свадьбу.

Глаза у Фимы покраснели от слёз, видно, всю дорогу плакала. Издревле принято невесте слёзы проливать перед свадьбой, перед замужеством. За стол уселись гости,

приглашённые хозяевами. Остальные толпились в сторонке, с любопытством наблюдая за свадебным торжеством. Все желающие могут прийти посмотреть на молодых. Никто не выгонит.

Лиза и Римма забрались на печку, в тесный круг детворы. Выглядывая оттуда, хихикали, подталкивали локотками друг другу.

Стали подносить к столу свадебное угощение, приговаривая по-коми:

- Что кипит, Пахомовна, ой да что кипит?
- Суп мясной, Пахомовна, ой да суп мясной!
- Что несёшь, Пахомовна, ой да что несёшь?
- Рыбники, Пахомовна, ой да рыбники!
- Что печёшь, Пахомовна, ой да что печёшь?
- Блинчики, Пахомовна, ой да блинчики!

Под задорные прилужские припевки предложили гостям наваристый мясной суп, рыбники, блины. Заставили свадебный стол нехитрыми кушаньями да напитками. А в последнюю очередь подали жениху и невесте яичницу, приготовленную из двух яиц и молока. И запели на коми языке:

- Сё коллясян, Пахомовна! Ой, да сё коллясян!

Под громкий смех, с шутками да прибаутками пожелали молодой паре самое главное – заиметь полный дом детей. Этот старинный свадебный обычай заключался в «пожелании высидеть сто яиц» (по-коми – «сё коллясян»), сравнивая молодожёнов с птичьей парочкой, высаживающей в гнёздышке птенцов – продолжателей рода.

Гости попробовали бражку и поморщились от горечи:

- Ой, горько! Не пьётся, братцы! Подсластить бы надо.

Все начали кричать «горько». Жениха да невесту целоваться заставили, а после этого бражку отпили.

Лишь с наступлением темноты ребяташки неохотно покинули застолье, разбежались по домам. Лиза и Римма, полные радости,шли домой, бурно обсуждая свадьбу.

А в доме Алексея всю ночь горели огни, гуляли па славу. Родня жениха и невесты пировала два дня кряду, от души желая молодой паре семейного счастья.

Бабушка

Лиза перешла в шестой класс, и домашнего задания стало больше. Весь вечер сидит за столом. Читает, пишет, учит уроки, бормоча что-то под нос. Стол стоит у самого оконца, и Лизе виден дом бабушки Серафимы Серапионовны, которую они привыкли называть по-коми «бабу». Хозяйка дома ушла в мир иной, дожив до восьмидесяти лет. Покинула милую бабу родную Кулиги, своих любимых внучат.

Лиза частенько ночевала у бабушки. До сих пор стоит перед глазами её мудрое морщинистое лицо, знакомый силуэт. Свои реденькие кудрявые волосы бабу укладывала с помощью чесалки, которая представляла собой пучок свиной щетины, залитой с одного конца варом. На макушке у неё блестел кружочек лысины. Бабу туто закручивала поседевшие волосы на затылке и надевала на голову красного цвета «руску» – старинный головной убор, полюбившийся здешним женщинам. Поверх руски завязывала белый платок.

Бабу многие годы трудилась в колхозе. Она рассказывала внукам о том, как в молодости расчищали в лесу подсеки и выращивали там крупную репу. Муж её Александр и оба сына погибли на гражданской войне. В этом обветшавшем от времени доме выросли четыре дочери Серафимы и Александра – Анисья, Елена, Татьяна и Соломонида – мама Лизы. Одна из маминых сестёр Елена рано умерла, и бабу сама поставила на ноги её дочерей Павлу, Надю и Любу.

Путь Лизы из школы до дома лежал по крутой горе Кулиги, где жила бабушка Серафима в третьем доме слева. Она всегда ждала внучку около одного и того же окна. Махом руки просила зайти в дом. Лиза, конечно, спешила домой, дел было невпроворот, но, жалеючи бабушку, заглядывала к ней. Бабу щедро угождала внучку вкусными лепёшками, шаньгами с картошкой или колобками, а сама приговаривала:

– Но-о, я уж знаю, если солнце глянет в это окошко, значит, ты скоро из школы придёшь.

В этом старом доме не было ходиков, ведь хозяйка привыкла жить по солнечным часам. Лиза уплетала угощение, а бабу сидела рядышком и кончиками своих чутких пальцев тихонько поглаживала самую маковку внучкиной головки. Кто знает, зачем она так делала, может, прогоняла болезни.

В народе бабушка прослыла еретичкой. Но Лиза была уверена в том, что бабу вовсе не колдунья, а целительница, приносящая людям добро. Своими глазами видела, как бабушка лечила захворавших сельчан. Вскочил чирей, и сразу к ней бегут. Бабу берёт в руки крепкий уголёк и долго водит им по коже больного вокруг гнойного нарыва, словно пишет что-то. А сама в это время что-то бормочет, читает старинный заговор против болезни. Затем выдавливает гной из чирея, и человек выздоравливает.

А наговаривали-то на бабушку неспроста. Её проклятие могло и вправду исполниться. Был такой случай. На окопице Кулиги сельчане держали картофельные ямы. Как-то раз куда-то пропал мешок с картошкой. А бабушкина внучка Павла перевозила молочные фляги на запряжённой в телегу лошади, и ей каждый день приходилось проезжать по дороге вдоль этих самых картофельных ям. Один мужик и обвинил девушку:

– Ты украла картошку. Бросила в телегу и увезла.

Бабу встала на защиту внучки, поругалась с мужчиной:

– Ты чего? Павла с такими тяжёлыми флягами возится. Больно ей нужна твоя картошка!

А тот своё гнёт:

– Кроме неё никто не бродил у картофельных ям! Значит, она и есть воровка.

Рассердившись, бабу бросила в ответ:

– Коли зря обвиняешь мою внучку, то чирьями весь покроешься.

На следующее утро тот мужик сам явился к Серафиме, постучался в двери. Глаз не видно, так опухли. Всё лицо в чирьях. Вылечила его бабу, избавила от болячек.

Спустя некоторое время этот человек ещё раз наведался к бабушке Серафиме. Просил прощения за клевету на внучку и благодарил за исцеление.

Посиделки

В долгие зимние вечера молодёжь, живущая в Кулиге, устраивала посиделки то в одном, то в другом доме. Сумерничать заходили и стар и млад. Собирались и у отцовской сестры – тётки Василисы. Лиза тоже прибегала туда, чтобы послушать старушечьи байки да рассказы.

В семье Василисы росли пятеро детей. Лиза дружила с ними, часто заглядывала в гости. В избе стояли деревянный стол и две лавки. Здесь же по-хозяйски разместились большущая печь и полати размером в полдома. В этой тесноватой горнице и сумерничали. Видать, по душе пришлось парням да девчатаам здесь песни петь, игры водить. Старухи весь вечер прядли, вязали, беседы вели. Ребятишки забирались на печку и полати, чтобы послушать захватывающие дух были да небылицы.

Однажды беззубая, с крючковатым носом старушка, вылитая Ёма-баба из сказки, рассказала байку:

«Жила-была супружеская пара. Как-то жена заметила, что муж куда-то исчезает после полуночи. Она решила подкараулить его. Ночью муж встал, достал что-то с божницы, помазал лицо. Затем вышел в сени, подошёл к станку, на которой прядли лён, уселся на него и полетел куда-то, приговаривая «оп-оп».

Назавтра жена снова проследила за мужем, села на другой прядильный станок, сказала «оп-оп», и неведомая сила подняла её в небо. Полетела вслед за мужем. Тут, знамо дело, особая смекалка потребовалась. Хоть пена изо рта пойдёт, а надо без остановки приговаривать «оп-оп», иначе камнем упадёшь с высоты. Летит отчаянная бабёнка и не переставая «опопкает». Из сил выбилась, рот свело судорогой. Добралась до леса, а там, на широкой поляне, собрался какой-то незнакомый народ. Перестала баба «опопкать» и приземлилась ближе к толпе. Глянула, и муж там же. Оказывается, он еретик. Увидал мужик свою жёнку, подобрался к ней бочком, шепчет: «Зачем явилась? Возвращайся домой, меня убют, если заметят тебя». А жена не слушается, не уходит, силёнок нет, мол. «Убирайся, пока обоих не прикончили!» – приказал муж.

Села тогда женщина на свой прядильный станок и, подгоняя его «опопканьем», полетела назад. Это не придумка, милые, это взаправду было, вот те крест».

А вот какую историю услышали дети от другой рассказчицы:

«Однажды мужик молодой после работы отправился с Объячева домой, в село Тыдор. Глядит и глазам своим не верит, перед ним колесо своим ходом катится. Оторопел он, задумал обогнать то диковинное колесо. Шёл, шёл за ним, а колесо на горку уже забирается. Тут мужичок схватил его в охапку и домой принёс.

Занёс колесо в дровяник, крепко связал верёвками и повесил на большой гвоздь, вбитый в стенку. Жене об этом не сказал ни слова. После ужина молодые супруги спать легли.

С утра хозяин заглянул в дровяник, а на стене вместо колеса в верёвках женщина запуталась. Плачет навзрыд, причитает:

– Отпусти меня домой. Детки и муженёк мой там ждут, потеряли меня, беспокоятся.
Молодой человек отвечает:

– А вот и не отпущу. Нечего дурачиться.

А женщина всё одно твердит:

– Развяжи меня. Я не виновата. Это ведь колдуны заставили меня обернуться колесом и катиться по дороге.

Пожалел её мужик. Распутал верёвки и отпустил домой. А сам никому об этом случае не рассказал, хотя позже не раз видел ту женщину в селе».

Пожар

Однажды Лиза засиделась у тётки Василисы. После вечеринки все разошлись по домам, а племяннице хозяйка велела переночевать у неё. Лиза вскоре заснула, но в полночь внезапно проснулась.

Ночь была лунная, и девочка не спалось. Она долго лежала с широко раскрытыми глазами, потом заворочалась и вскочила на ноги. Стала проситься домой, но тётка Василиса ни в какую, не отпуши, мол, ночью, и всё тут.

Лиза громко заревела:

– Всё равно пойду! Домой хочу-у-у!

– Голубушка, смотри, какая луна полная, светло кругом. В такие ночи волки наведываются в село. Опасно ходить одной!

– Я быстро добегу, не догонят меня!

Делать нечего, пришлось отпустить упрямницу домой. Тётя проводила Лизу до соседнего дома. Дальше девочка отправилась одна по извилистой дороге вдоль заснеженных картофельных полей. Зябко ей стало, дрожь по коже то ли от холода, то ли от боязни. С неба царственno взирала равнодушная луна, озаряя всё неземным сиянием. Завьюжило, и по белым покрываем полей покатились снежные комья. Лиза шла быстро, но осторожно, с оглядкой. Боялась упомянутых тёtkой Василисой волков.

А когда вдалеке показался родной дом, у Лизы словно выросли крылья за спиной. Она стрелой помчалась к забору, потом – к крылечку, взбежала по ступенькам и изо всех сил застучала в дверь:

– Маменька, маменька, открой! Мне холодно, открой!

Звякнула дверная задвижка, и выглянула испуганная мать:

– Что случилось, дочка?

– Да всё хорошо! Просто не спалось, вот и домой вернулась.

Зашли домой, и Соломонида сказала:

– Что-то тут не так, коли в полночь домой тянет. Ладно, завтра узнаю у Василисы, может, ты опять что-нибудь натворила.

Лиза включила свет и стала читать. Мать разворчалась:

– Кто же ночью читает? Гаси свет, спи. Детей разбудишь.

Лиза шепнула в ответ:

– Погоди, чуток осталось, к урокам готовлюсь.

Вдруг она заметила, что через щель в потолке струится дымок. Думала, показалось, и прикрыла глаза, затем снова глянула. И вправду дымится потолок, не почудилось. Испуганно подала голос:

– Маменька, из потолка дым идёт.
Та не поверила, отмахнулась:
– Сказано тебе, спи. Туши свет!
А Лиза своё твердит:
– Мам, глянь, как дымится.

Увидев дымящийся потолок, хозяйка в два счёта вскочила, накинула на себя что попало, запричитала:

– Ойя да ойя, черти полосатые, горим же, горим!
Мама с дочкой выбежали в сени. Мать крикнула:
– Видимо, чердак загорелся от трубы! Залезь-ка, погляди!

На чердаке темнело небольшое отверстие с полметра шириной, а до него надо было карабкаться метра три по торцам брёвен. Подтягиваясь руками и извиваясь змейкой, Лиза ловко забралась на задымленный чердак. Оказывается, огонь перекинулся с чердака на потолок от деревянного дымохода, соединяющего печные трубы. Загорелись доски под высокой кирпичной кладкой с торца дымохода. Чтобы потушить огонь, надо разобрать раскалённые, обжигающие руки кирпичи.

Мать подала из сеней пару рабочих рукавиц и два ведра воды. Лиза торопливо облила пылающие огнём доски. Затем мама принесла в вёдрах снег, и девочка забросала пламя снежными комьями. Но не тут-то было, снег шипел, а доски всё равно горели, дым столбом.

Мать подоспела на подмогу. Она стала быстро разбирать кирпичи, под которыми зашлились огнём сухие доски. А дочке велела сходить до соседского колодца. Лиза побежала за спасительной водой, достать которую из глубокого обледеневшего сруба было не так-то просто. Лиза навесила ведро на длинный шест и опустила его в колодец. С трудом зачерпнув воду, подняла вверх. Из сеней подала полные вёдра маме, ведущей борьбу с разбушевавшимся огнём. Маме с дочкой ещё несколько раз пришлось сбегать за водой. А когда, наконец-то, потушили пожар, силы покинули отважных спасателей.

Капающая с потолка вода разбудила Розу и Юрия. До этого они мирно спали на полу, на застеленных заботливыми маминими руками матрасах. С перепуга закричали в два голоса, не понимая, в чём дело.

Руки и коленки у Лизы раскраснелись, озябли, пока таскала воду. Мать скромно похвалила дочку:

– Голубушка ты моя, не вернулась бы ночью, мы бы сгорели вместе с домом. Это сердечко твоё почуяло неладное. А может, тятенька издалека подсказал, что непременно домой надо бежать.

Венчальный сарафан

После войны бабы, истосковавшиеся по мирной жизни, устраивали то в одном, то в другом доме шумные посиделки. Кто примет, у того и собирались. Вместе отдыхали, ели до отвала, пили бражку, вели сердечные беседы. То обсуждают последние новости, то поют. Большинство из односельчанок Лизы остались вдовами. Их мужья погибли на фронте.

И детям той поры тоже был знаком вкус бражки. Бывало так, что у девчонок даже кружилась голова от градусов. Матери предостерегали их, чтобы не пили крепкую бражку.

Как только весеннее солнце начинало топить снег, отмечали поминальный день – Радуницу. Все вместе отправлялись на кладбище, на могилы родных и близких. В перевязанных большими платками мисках и другой разной посудине несли поминальную еду. Долго сидели рядом с могилками прямо на мёрзлой земле, застеленной для тепла еловыми ветками. Пили да ели, толковали между собой. Поминали добрым словом родню, знакомых людей, ушедших в мир иной.

Однажды девочки возвращались с такого поминального дня домой, и подружка Киро Анна позвала Лизу в гости:

– Айда к нам! Мамы нет дома, на дойку ушла.

Паладья, мама Анны, работала дояркой на колхозной ферме. Девочки вошли в небольшой дом, состоящий из двух комнат. В прихожей красуется большая русская печь, в углу – лубяной стол, лавки. Кругом чисто, аккуратно. Анна налила в самовар воды. Самоварную трубу вставила в отверстие на горловине русской печи, чтобы дым из самовара выходил наружу. Затем подожгла лучинку, подложенную к уголькам в самую серединку пузатого самовара. Ожидая чай, подруги чинно, по-взрослому вели душевые беседы. Анна поделилась с подружкой:

– Знаешь, у моей маменьки такой красивый наряд есть, замуж в нём выходила. В комоде хранит, говорит, мол, пусть хоронят меня в этой одежде, никому даже не показывала. Хочешь глянуть?

Лиза с готовностью ответила:

– А почему бы нет? Показывай!

Почитая древние обычай своих предков, коми женщины всю жизнь берегли подвенечный наряд на случай смерти. Для того, чтобы именно в этой праздничной одежде провожали их в последний путь. И расходов лишних не требуется, и красиво. Памятную одежду держали взаперти, не показывали чужим.

Анна вышла из горницы и вскоре вернулась с домотканым костюмом матери. Лиза ахнула от восхищения, до того наряден был сарафан, обшитый парчовыми полосками на груди, украшенный шерстяными петельками от затейливо вышитой горловины и до нижнего края подола. Сборчатые кружевные рукава рубахи были облагорожены мелкоузорчатой вышивкой и кумачом.

Девочки решили примерить невиданной красоты наряд. Лиза облачилась в сарафан. Но одежда дородной Паладьи была велика хрупкой девочке, обвисла на ней, как на вешалке. Лиза повертелась перед зеркалом, потом сняла одёжку и велела примерить подружке. Анна натянула нижнюю юбку, аккуратно завязав впереди шнурки. Надела кофту со сборчатыми рукавами, а сверху – сарафан. Мамин костюм пришёлся почти впору девочке, статной и крепкой в теле. Анна вся разрумянилась, распустила волосы и накинула на голову цветастый платок.

Вдруг в сенях скрипнула дверь. Видать, Паладья вернулась. Девочки оторопели от неожиданности. Анна юркнула за дверцу запечного голбца. В дом вошла хозяйка и удивлённо произнесла:

– Но-о, Лиза, здравствуй. А где Анна?

– Здравствуйте, тётя Паладья. Анна вышла куда-то, скоро придёт. Самовар вот согреши, а на стол поставить не можем.

Женщина подняла горячий самовар на стол, заварила чай. И тут распахнулась дверь голбца, и оттуда боязливо вышла принаряженная Анна. Понурив голову, вся зарделась от стыда. А мать ничуть не рассердились. Наоборот, она расплылась в улыбке, подошла к дочери, крепко прижала её к груди, восхликала:

– О-ой-ёй, солнышко моё, совсем взрослая стала! Моя одежда уже впору!

Потом вдруг расплакалась:

– Это ведь мой наряд подвенечный!

Глядя на них, Лиза прослезилась. Дом словно посветлел от душевного тепла матери, восхищённой молодостью и красотой дочери. Смахнув слёзы, женщина ловко очистила от кожуры варёную картошку, щедро заправила её смеганой и поставила в ещё не остывшую, пышущую жаром русскую печь. Долго сидели мама, дочка и их гостья за столом. Чайничали, уплетая ароматную, с приятным кисловатым привкусом картошку, томлённую в печи.

Первая получка

Наступили летние каникулы. Лиза подросла за учебный год, и теперь она, можно уверенно сказать, старшеклассница.

В июне домашних хлопот не так много. До сепокоса ещё долго. Свободного времени девять некуда.

Как-то одноклассница Римма предложила подружке:

– Тятенька звал меня мах дёргать, мол, заплатят. Ты пойдёшь со мной?

Лиза тут же согласилась:

- Пойду, конечно. А куда надо идти?
- За речку, в Тыдорский лесопункт. Тятя там работает.
- А давай Толика у матушки Анны с собой возьмём.
- Ага, можно.

Вечером поговорили с домочадцами, и они, понятно дело, разрешили. Деньги в доме не лишние.

Наутро Римма, Лиза и Толя отправились в дорогу. Спустились к реке и на переполненном людьми перевозе переправились на другой берег, в посёлок Тыдор. До лесопункта вела узкоколейка, растянувшаяся километров на шесть. По ней вывозили к реке сваленный лес.

Пешком по шпалам дети отправились к месту назначения. Толя шёл впереди, а девчата не отставали, топали гуськом за ним. По обеим сторонам узкоколейки возвышался густой тёмный лес. Ни звука в округе, тишина, и от страха бегут мураски по коже. Не по себе как-то ребятне. Хорошо, что Толю с собой взяли. Он хоть и не взрослый ещё, но всё-таки мужчина, надёжный товарищ. Да и веселее вторём.

Шли они, шли, и пришли в лесопункт. Нашли там конторскую бухгалтерию, где работал отец Риммы. Туда заглянул мастер и отвёл ребят в лесную чашу, заросшую мхом.

Для сбора мха особых знаний не потребовалось. Толя, возомнивший себя бригадиром, вовсю командовал девчатами. Он велел Римме и Лизе дёргать сырой мох, а сам ловко забил в землю колья и соорудил подстожье. Затем стал помогать девчонкам. Мх развесили сушить между кольями, как сено в стогу. Трудились до полудня, а стог прибывал слишком медленно. Толя забеспокоился:

- Так мы этот стог до вечера не закончим. Надо бы его приподнять.

Смышлённый паренёк подсунул в нижнюю часть стога потайные колышки с обеих сторон, чтобы приподнять его. Поблизости нарывали ещё много мха, и стог стал быстро расти вверх. С помощью Толиных колышек удалось-таки застоговать мох. Рукавички, как назло, не прихватили с собой, и детские руки

покраснели от холода. Трудились до седьмого пота, устали, как черти, а на душе почему-то было весело.

Как раз подоспел обеденный перерыв. Ребяташики уселись под деревьями, достали из холщовых котомок немудрёную снедь и перекусили. На свежем воздухе, в родной парме, радующей слух щебетанием и пересвистами лесных птиц, еда кажется намного вкуснее и сытнее, чем дома. Всё подчистую смели работнички, пи крошки не оставили.

После отдыха сил прибавилось, и детям удалось поднять ещё один моховой стог. За ударную работу им выделили по караваю тёплого хлеба, только что испечённого в пекарне лесопункта. Не чуя под собой ног от радости, ребята поспешили домой, чтобы порадовать семью сытным хлебом.

На следующее утро Римма, Лиза и Толя снова переправились на перевозе за речку. Добрались до Тыдорского лесопункта по знакомой узкоколейке.

Работали полдня, сделав с помощью потайных колышек третий стог из мха. После обеда к ним наведался мастер. Обошёл все три стожка, принял работу. К счастью, не заметил ничего подозрительного. Наоборот, даже похвалил детей и проводил их до конторы. Там ребята, как взрослые, поставили свою роспись в бумагах и получили заработок. В лавке лесопункта купили домой вкусные гостинцы – крупные калачи, нанизанные на верёвочки.

Так Лиза принесла домой первую получку. Не удержалась, расхвасталась перед сверстниками. Ну и что, пусть завидуют.

Сенокос

В Коми издревле начинали сенокос после праздника Ивана Купала, когда трава тянулась вверх, набирала соки и силу. А вот южные коми приступали к сенокосной страде раньше, и к ночи на Ивана Купала стояли уже первые стога.

Школьников направляли на сенокос только после окончания седьмого класса, считая их вполне окрепшими для колхозного труда. И этим летом Лиза впервые

отправилась вместе со старшеклассниками и с колхозниками на дальние луга к речке Ожын, за двадцать километров от дома. Она знала о том, что Ожын впадает в Лузу, а имеющая сорок притоков Луза – в большую реку Юр.

За рекой виднелось село Читаево. Девочка вспомнила о том, что когда-то ездила с мамой на сенокос к ручью Сыв, текущему в эту самую речку Ожын. Тогда сено носили к стогам на двух жердях, ловко подхватив их с двух сторон. Малышка изо всех сил помогала маме и к закату солнца сильно уставала. А вечером пили душистый лесной чай из смородиновых листьев.

Лиза теперь уже большая. И ей, и школьным товарищам доверили горбушу, чтобы косить свежий травостой. Она косила, ворошила граблями скопченную траву, сгребала сено в копны, помогала стоговать. Руководил бригадой односельчанин по имени Валерьян, слывущий в народе жёстким и суровым. Но ребятам по душе был этот весёлый человек. Чтобы накосить как можно больше травы, бригадир затеял увлекательное соревнование между косарями. Смех, да и только!

Однажды произошла потешная история. Девчата собрали на обочине лугов грибы и сварили суп. За трапезой Валерьян умыкнул грибочек из тарелки и спрятал руку за спиной. Затем хлебнул суп, вытянул руку из-за спины и показал всем гриб, дурачась:

– Ой-ё-ёй, гляньте-ка, проглотил гриб, а он обратно вылез! Смотрите, ешьте осторожно, как бы и вы в штаны не наложили!

Ребятня хохочет, держась за животы, а Валерьян не теряет время зря, за обе щеки уплетает наваристую похлёбку. Шутка шуткой, а лучших едоков вокруг пальца обвёл.

Что ни говори, а весёлые были каникулы на сенокосе, если не вспоминать о плохом. Как-то раз Лиза и Римма ехали верхом на лошади и на полном скаку кувыркнулись оземь. От удара головой об землю у Лизы перед глазами всё закружилось. Она с большим трудом поднялась на ноги. После этого случая у девочки начались частые головные боли. Кто знает, может, в тот день сотрясение головного мозга получила.

На лугах ребята нередко вспоминали о домашней еде. Время от времени бригадир наведывался в село, и школьники просили его заглянуть к ним домой и привезти что-нибудь вкусненькое. Лиза всегда писала на обрывке бумаги один и тот же заказ: «Маменька, отправь мне зайчатину, сладкий чай с молоком и яйцо». Девочка пробовала в гостях у родичей-охотников мясо разной дичи и живности, но больше всего любила зайчатину. Дома, конечно, такого мяса отродясь не было, и мама присыпала ей любое варёное мясо. Когда Валерьян привозил молодёжи домашнюю снедь, радости не было предела. Всё складывали на общий стол и наедались от пуз, угощая друг друга. Бригадир не стоял в сторонке, по-хозяйски садился за стол и пробовал всё на вкус.

Отдыхали косаревы в небольшом срубе, сложенном на высоте четырёх брёвен. В этом низеньком строении не встанешь во весь рост. Можно лишь сидеть или лежать. На земле в серединке ночного убежища разжигали костёр, и дым выходил наружу через отверстие, сделанное в крыше. Во-первых, тепло поднималось вверх, и становилось уютнее внутри сруба, во-вторых, вместе с дымом выдувало наружу надоедливых комаров. Спали, устроившись по обе стороны костра. Огонь поддерживали до самого утра. После ужина слипались глаза, и ребятня быстро затихала, забывшись во сне под шутливые рассказы бригадира.

От места ночёвки косарей виднелась высокая гора у лесопункта в Вухтыме. Как-то раз в обеденный перерыв Валерьян предложил ребятне:

— Если хотите попариться в баньке, можете сходить до Вухтыма. Вон у той горы есть горячий источник.

Девчата пообедали и отправились к Вухтымской возвышенности. Здесь и вправду из-под земли, прямо из горного склона был ключом фонтан горячей воды красноватого цвета. У Лизы захватило дух, она протянула руки и, как зачарованная, глядела на струйки подземной водицы, обжигающие пальцы. Вот бы узнать, откуда взялся здесь этот дивный источник.

Подружки веселились от души, плескаясь в тёплом водоёме, расшалившись и брызгаясь. А Лиза, призадумавшись, стояла в сторонке, любуясь фонтаном. С малых

лет тайны природы притягивали её к себе. Лиза удивлялась необычайной красоте лесов и вод, часто размышляла о погодных явлениях, об их происхождении. Собирала красивые камни в окрестностях села и показывала их домочадцам.

Побывав в Вухтыме, Лиза твёрдо решила стать геологом.

Родничок Дзолянь

Летний полдень. Солнечные лучи щедро обласкивают ягодные и грибные места, пёстрые лесные полянки, колхозные нивы, засеянные ячменем и овсом.

Сельской ребятне скучать некогда. На весь день хватало работы и дома, и в приусадебном хозяйстве.

Лиза мыла полы дресвой. Дресва – это измельчённые огнём камешки, которые остаются в топке банной печи. Дресвой натирают замусоленные дощатые полы, ведь она пенится, как мыло. Рассыпав полными пригоршнями дресву, Лиза старательно драила половицу за половицей обильно смоченной, пенящейся тряпкой. Затем тщательно ополаскивала и крепко выжимала её, чтобы досуха протереть вымытый пол. Смахивая пот, Лиза поглядывала в окно. Ждала подружек.

А вот и девчата. С коромыслами и вёдрами наперевес собрались у забора. Среди них – Бычо Римма, Ермо Тамара, Киро Анна, Сеня Анна, Педор Лидя, Гаврил Кланя и Паин Анна. Собрались они к источнику, который и зимой, и летом снабжал сельчан чистой водицей.

Переговариваясь между собой, подруги привычно ждали Лизу. Только Тамара помалкивала, с опаской поглядывая на свой дом, виднеющийся неподалёку. Её мама, известная крутым нравом, того и гляди заявится сюда со скандалом. Мол, глянь-ка, Лиза уже все полы вымыла, а ты, разиня, ждёшь не дождёшься её, не найдёшь, что ль, без неё родник-то? Но матери не было видно, и, облегчённо вздохнув, Тамара обернулась к подругам.

Лиза вышла на крыльце. Несспешно протёрла некрашеные, потемневшие от дождей доски, затем – ступеньки. Ополоснула тряпку и ведро. И тут прибежал

с прогулки братишка, робко подошёл к крыльцу. В дом зайти не посмел, зная, что Лиза никого не пустит домой, пока полы не просохнут. Вот уже раскричалась:

– Ноги-то какие грязнущие! Вытри хорошенъко, потом уж заходи.

Сама проворно разложила на ступеньках крыльца и в сенях тетрадные листочки. Ловко переступая по ним, мальчик прошмыгнулся в дом.

А Лиза подхватила коромысло с вёдрами и вместе со всеми отправилась за водой. До родника идти с километр. Ещё в незапамятные времена этот источник, обладающий нежным журчащим голоском, окрестили красивым названием Дзолянь («маленький родничок»). Вода имеет какой-то особый, приятный вкус, и только в этом роднике её берут для питья и чая.

Стайка босоногих девчонок гуськом передвигалась по узенькой тропке. Далеко слышны были звонкие голоса и заливистый смех. Тропка привела к протекающему под крутым обрывом ручейку. Здесь не питьевая вода. Сюда приходят полоскать и выколачивать отстиранные вещи. Переправившись по жердям через ручей, девушки забрались по кругому откосу наверх и направились к лесу, где прятался источник Дзолянь. Он выходил прямо из недр земли. Приятно журчал, переливался ласковыми и мягкими звуками, подобно коми песне. В какой-то миг Лизе показалось, что кулижские девчата так же, как родничок, привлекательны, проворны и говорливы.

Девчонки отправились домой с полными вёдрами. Друг за дружкой перебрались через ручей и стали подниматься по круче. Шли осторожно, поглядывали под ноги, чтобы не споткнуться. Лиза, как всегда, вышагивала впереди всех. Преодолевая подъём, она для равновесия встала на носочки, как балерина, чтобы вода не выплескивалась из переполненных до краёв вёдер. Коромысло ладно уместилось на плече девушки. Она искоса поглядывала на ведро, любовалась серебристым донышком, которое, словно луна, загадочно поблескивало в прозрачной воде. По дороге ни разу не остановилась, не отдохнула, чтобы не обронить ни капельки драгоценной родниковой воды. Вся запыхалась, но в дом вошла довольная. Мама уже дома, пришла с работы, пока её не было. Спросила с улыбкой:

– Ну что, доченька, снова на носочках шла, ни капли не пролила?
Насупив бровки, Лиза буркнула в ответ:
– Нет, ни капельки. Всё домой принесла.

Маменька

Наступила весенняя страда. Требовалось в положенный срок засеять земельные угодья, и вспашку начинали спозаранку. Мужчины погибли на фронте, и все тяготы легли на женские плечи. Сил никаких нет, а надобно идти на колхозное поле. Рабочие руки нынче на вес золота. Надо восстанавливать хозяйство, разрушенное войной, поднимать на ноги молодое поколение.

Соломонида встала на рассвете. Подошла к божнице, перекрестилась, помолилась шёпотом, как умела. Собралась на работу. Жалостливо поглядела на своих детушек. Те крепко спали, заметавшись во сне, запутавшись за ночь в одеялах и застиранном постельном бельишке. Вольготное у них было место для спанья – широкие соломенные матрасы, брошенные на пол.

Женщина вышла на улицу. Отправляясь ранним утром на пахоту, она тешила себя надеждой на то, что спустя три-четыре часа забежит домой и покормит детей.

Около шести утра солнечные лучи лениво проскользнули в окошко, осветив всю горницу. Яркие блики ожили на сонных стенах дома, прикоснулись к дощатым половицам, разбудили Лизу. Рядышком посапывали да похрапывали брат с сестрой, свободно раскинувшись на полу. Лиза нехотя повернулась на другой бок и сладко задремала.

Скрипнула дверь, и в горницу вошла хозяйка, легко неся своё ладное, худощавое, но в меру плотное тело. Ровесница своего мужа, родившегося в 1906-м году, она в тридцать пять лет осталась вдовой, но свою стать и красоту берегла, как зеницу ока. Никто, кроме благоверного, не посмел положить руку на её плечо. Женщина тайно мечтала о возвращении пропавшего без вести мужа Осипа и ждала его

каждый божий день. Вернулся бы, родненький, нашёлся бы где-нибудь. Война – это смутное время, всё на ней случается. Оставалась надежда на лучшее.

Лиза приоткрыла глаза и сонно посмотрела на маменьку. Соломонида повесила отсыревший платок к печке, и этот жест напомнил Лизе лето. Отправляясь на сенокос, мама запасалась ситцевыми платочками. «Наша Солоха три платы на работу берёт», – подтрунивали над ней бабы.

Вот и сейчас женщина повязала голову чистым сухим платком. Её ноги, озябшие в рабочих сапогах, привычно нырнули в тёплое лено стоптанной домашней обувки. Спазанку успела наработать до седьмого пота, а лицо довольное, светится вся. Понятно дело, ведь сегодня за работу щедро расплатились – каждому колхознику дали по два килограмма ржаной муки. Мама неспешно развела в русской печи огонь, замесила тесто и испекла на раскалившихся кирпичах в устье печки румяные лепёшки. Будет с чем чай сmakовать. А горячую пищу готовит детям позже, когда печка прогреется.

Лизе до слёз стало жалко маменьку, суетящуюся у печки. Сколько тягот и лишений ей пришлось перетерпеть. Мать денно и нощно трудилась ради своих любимых чад. Всю свою жизнь, все свои молодые годы отдала им безвозвратно. Кормила, одевала, оберегала, как могла, выучила их. Маменька справно вела домашнее хозяйство. В годы войны ухаживала за телятами, выращивала цыплят в помещении бывшей школы, отведённом для колхозного курятника. О птичнице Соломониде Лихачёвой даже выпустили брошюру, а за ударный труд её наградили медалью.

Укрывшись с головой одеялом, Лиза размечталась о близком событии – окончании школы. О том, как она получит профессию, будет зарабатывать. И тогда маменьке станет легче, а семья заживёт лучше.

Но так уж устроена жизнь, что человек не знает, что ждёт его впереди, в будущем. Далеко не все желания и мечты сбываются. Лениво зевнув и потянувшись, девушка вскочила с постели. И сейчас ей даже в голову не могло прийти, что совсем скоро, в 1956 году, семью настигнет большая беда.

В этот роковой год на подворье не на шутку разжиреет свинья, а это по народным приметам предвещает чудо. А когда курица всполошится, закудахчет, взметнётся на избу и будет выпагивать по самой вершине крыши, Соломонида встревожится, скажет дочери:

– Не к добру это. Жди неприятностей.

В один из осенних дней того тревожного 1956 года сёстры Роза и Лиза безвремению потеряют свою пятидесятилетнюю маму и брата – старшеклассника Юрия. И брат, и маменька, попытавшаяся оторвать сына от смертельного провода, оба они в один миг погибнут от удара электрического тока.

Незадолго до несчастья Роза выйдет замуж в село Чёрныш. У молодых появится на свет дочка Галина. Прожив долгую счастливую жизнь, они поднимут на ноги шестерых детей. Бабушке Соломониде Александровне так и не приведётся увидеть своих внуков и внучек.

А молоденькая Лизавета вскоре после смерти близких выйдет замуж за ижемца и отправится из родного Прилузья на берега северной реки Ижма. Поднимут новый дом, воспитают пятерых детей. Супругам выпадет счастье стать дедушкой и бабушкой, вынянчить внуков и внучек. Ни много ни мало, пятьдесят лет проживёт героиня этой повести на Ижемской земле. И не пройдёт ни дня, чтобы Лизавета с любовью и нежностью не вспомнила свою деревню Кулига, тятеньку и маменьку, сестру и брата, свою родню. Она расскажет домочадцам всё, что осталось в памяти о жизни односельчан в далёкие тридцатые-сороковые годы, о своём детстве.

Детям военной поры было нелегко, но их жизнь журчала так же светло и радостно, как родничок Дзолянь. Ведь детство бывает всего лишь раз, и это золотое время каждый человек считает самым счастливым в своей жизни.

Мои тёплые острова

(Повесть)

Посвящаю светлой памяти моего отца
Хозяинова Зарни Евдоксеевича

Друзья-товарищи

Диву даюсь, что вот уже полвека живу на свете. И всё чаще в мыслях и снах возвращаюсь в далёкие детские годы. Там осталась я сама – девчушка с соломенными волосами, которая собирала луговые ромашки и искала красивые камушки на берегу реки. Любила играть с мячом, возилась с куклами, каталась на санках и на лыжах, ходила на рыбалку и в походы, много рисовала и читала. Вместе с тем помогала по хозяйству: убиралась в доме и во дворе, носила воду и дрова, работала в огороде... Точно так же, как другие мальчишки и девчонки. Мы жили мирно и весело, почти без ссор, вместе переходили из детского сада в школу. До сих пор стоят перед глазами мои закадычные друзья – мальчишки с окраины села: Тимоша, Женя, Сергей, Валерик, Федя, Шурик. Мысленно беседую с милыми подружками-одноклассницами Таней, Ниной, Зиной, Файнной, Дианой, Надей.

Снова и снова зовут меня к себе далеко позади оставшиеся детские годы. Хочется вернуться в родные места не пожилым человеком, а бегущей по лугу голубоглазой светловолосой девчонкой. Эти воспоминания и есть мои «тёплые острова».

Кельчиюр

Название села Кельчиюр произошло от слова «кельчинарьор», означающего «верхняя часть протоки, богатая плотвой (сорогой)». Наше село действительно расположено у богатой сорогой протоки, которая находится вверх по течению реки Ижмы.

Милый мой, родной Кельчиюр, отрада моя, сколько раз я со слезами умиления на глазах любовалась твоей красотой с противоположного берега реки, куда мы переплавлялись на лодке рыбачить, собирать грибы и ягоды, косить сено.

Сначала в глаза бросались вековые лиственницы, возвышавшиеся рядом со школой, на крутом пригорке у ручья. Это место все называли Школа нырд (Школьная гора) или Ниша нырд (Лиственничная гора). Ручей, впадающий в реку Ижма, делил село на две половины.

Шоркытыд – центр села, там сельский совет, клуб, КБО, то бишь швейная мастерская, сельпо, библиотека, магазины. А я жила в Шоркатыде, где школа и детский сад. В Шоркатыде люди жили более спокойной, размеренной жизнью, чем в Шоркытыде. Здесь было меньше шума и суеты, не нарушал тишину шум транспорта. За весь день редкий прохожий появится на центральной дороге.

С другого берега реки дома были похожи на спичечные коробки. На окраине Шоркытыда на утёсе высится двухэтажный клуб, куда мы бегали в кино и на танцы, а в праздничные дни – на концерты. Вот высокое здание сельсоветского магазина. Неподалёку от него виднеется дом дяди Платона, где живёт его сестра Анастасия – моя крестная. Она лучше всех в селе печёт шаньги и колобки.

За ручьём на Школьной горе – двухэтажное здание интерната, а где-то за ним спрягалась школа, где учится вся сельская детвора. Отсюда вверх по течению реки построились в три ряда дома родного Шоркатыда. Первый ряд – вдоль реки, второй – вдоль центральной дороги, а третий – по линии возвышенностей, ближе к лесу. В справном доме-тереме живёт директор школы Геннадий Иванович, дальше у дороги – избёнка тёти Графини – пизенская, но крепкая. По соседству с ним стоит

просторный дом семьи Рыковых, из распахнутых окон которого всегда слышна музыка.

В Шоркатыде разыскиваю издали свой дом. Вон он, рядом с лесом, переходящим в берёзовую рощу. Отец построил его в среднем ряду на окраине села. Там мы и живём – пятеро детей вместе со своими родителями.

Теплый островок

В весенне полноводье река Ижма разливалась, как море, и по ней, деловито урча, сновали моторные лодки. Если май был тёплый, мы не ждали лета, а босиком бродили по студёной воде, пробовали даже купаться. Вода захватывала берег вплоть до покосившейся от времени и осевшей в землю кузницы, стоящей поодаль от домов, под горкой. И вместо песка озябшие ноги нашупывали на дне реки колючий лужок и острые камни.

Когда вода спадала, посередине реки появлялась песчаная мель и постепенно соединялась с берегом. Вдоль нашего Шоркатыда на всё лето оставалась узкая полоска курьи под названием Понью, что в переводе с коми – Собачья речка. А противоположный берег омывала обмелевшая Ижма, которую мы называли Йджыд ю (Большая река). Летом моторные лодки ходили только по Большой реке. А детворе Шоркатыда воля вольная была на Понью, плескайся хоть весь день.

Оправляясь купаться к блестевшей вдали Большой реке, мы обходили Понью по песчаной косе, пересекали песчаную равнину, похожую на настоящую пустыню с дюнами. Ижма – река глубокая, широкая, и редко кто отважится переплыть на другой берег. Вода в ней холоднющая, течение быстрое. Попадаются опасные водовороты.

В Понью чаще всего и купались. Вода была мелкая, не утонешь, но то тут, то там попадались глубокие омыты. За Понью посреди «пустыни» возвышался похожий на некий оазис зелёный островок. Нам казалось, что эта широкая и продолговатая плоскость, сплошь покрытая лопухами, – не что иное, как сказочное «чудо-юдо

рыба-кит», заплышил к нам в полноводье и застрявший в песках между Понью и Большой рекой. Вот лежит он и дремлет, уткнувшись головой в Понью и спрятав хвост с огромными плавниками под песчаную косу. Бежишь по нему, и бархатные листья лопухов приятно щекочут босые ноги, утопающие в тёплом песке. Здесь мы, маленькие бесенята, до одури гоняли мяч, играли в салки и в прятки, по-детски резались в карты.

На мелководье вода за день нагревалась почти до кипения и обжигала ноги. Мы с наслаждением бродили по горячим пузырькам, пытаясь поймать снующих в прозрачной воде мальков. А в глубоких местах Понью вода была прохладная, особенно у крутого бережка на восточном конце зелёного острова. Разбежишься по взгорью и бухнешься в тёмный омут, наплаваешься до посинения, набрызгавшись, нахохочешься с друзьями. Дрожа от холода, выскочишь вместе с ними из речки. Бросишься на горячий песок и закапываешься в него, чтобы согреться.

В те беззаботные летние дни на душе было так хорошо, так легко и светло! Жаль, что это радостное чувство невозможно вернуть, как далеко позади оставшееся детство, как тёплый зелёный островок.

Моя бабушка

Вспоминая детство, всегда вижу себя тогдашнюю рядом с бабушкой Марфой. Мы росли под её опекой. Родители большую часть времени проводили на работе.

Родовые корни бабушки Хозяиновой (в девичестве – Вокуевой) Марфины Ильиничны – в деревне Галфедь (Малое Галово) Ижемского района, она из рода Остапа Вокуева.

По утрам бабуника Марфа, сидя у окна, заплетала в две косы свои мягкие золотистые волосы, укладывала их вокруг головы и прятала под сатиновый кокошник. На кокошник надевала тонкий ситцевый платок. И получался «бабаюр»

так называемый убор замужней коми женщины. Перед сном бабушка распускала свои косы. И только мы, любимые внучки, имели возможность поглядеть

в вечерние и утренние часы на её чудесные длинные волосы. Простоволосая, она была похожа на сказочную царевну – иконописное, правильной формы лицо, небесно-голубые глаза, красивая осанка, тонкие запястья, маленькие узкие ладони. Невысокого роста, в меру полнотелая, она обладала ладной и статной фигуркой. Носила бабушка скромный сарафан, пёструю мелкоузорчатую вязаную кофту, плюшевый жакет. Собираясь выйти из дома, накидывала на «бабаю» шерстянную шаль коричневого цвета в клетку, аккуратно обернув её вокруг шеи, и длинные кисти шали мягко ложились на плечи и грудь.

Бабушка Марфа, словно озарённая лучащимся из неё светом, всегда была ровной и спокойной, как погожее летнее утро. Проворная и работящая, она умела держать себя на людях так, что рядом с ней любому человеку было уютно и легко. Немногословная, она могла и пошутивть, вставить в разговор острое словечко и этим на смешить всех.

А ведь судьба не баловала бабушку, а подвергала тяжким испытаниям. Её муж устроился на работу в город, затем увёз туда с собой молодую жену и детей. Он работал в сбербанке, и в этом же здании на верхнем этаже они жили. Но Марфида тянуло обратно в родное село, в лес, на луга. Она решила вернуться вместе с детьми в Кельчиюр. А глава семейства так и остался в городе, женился второй раз. Семье, уехавшей обратно на родину, он, конечно же, помогал. На хрупкие плечи тогда ещё молодушки Марфиды легли заботы по дому, по хозяйству. Надо было поднимать на ноги детей. Она ухаживала до последнего дня за тяжело больным свёкром. А потом случилось несчастье – преждевременно оборвались жизни обеих юных дочерей Марфиды. Остался у неё только сын по имени Зарни (это имя в переводе с коми языка означает «золото») – мой отец.

Никто не знает, сколько горечи носила в своём сердце моя бабушка, она никогда не показывала свои переживания на людях. В Кельчиюре не было церкви. Не знаю, была ли бабушка Марфида верующей. По-своему она, конечно, верила в Бога. Я помню, как она крестилась перед иконками и горячим шёпотом просила о чём-то Николая Чудотворца и Мати Богородицу. А когда мы с ней ходили на сельское

кладбище, где похоронены родственники, бабушка что-то шептала над каждой могилкой, вытирая уголком шали навернувшиеся на глаза слёзы. Затем выводила пальцем на земляном бугорке крест и просила меня сделать то же самое. Сама тем временем рассказывала мне, кто лежит в этой могилке под заросшим травой бугорком, поминая человека добрыми словами.

Я любила прогулки с бабушкой. Она крепко держала меня за руку, не отпуская никуда от себя до возвращения домой. Видимо, таким образом в дороге берегла свою внучку, боясь потерять её, как своих дочерей.

Бабушки Марфиды не стало 7 мая 1973 года, в день рождения единственного сына. Мне в то время было девять лет. Перед смертью она, еле шевеля губами, попросила принести сорогу печорского засола, и мама занесла рыбу из сеней. Словно совершая ритуал прощания с родной землёй, бабушка едва притронулась к любимому лакомству ижемок и так же светло, ровно и спокойно, как жила на белом свете, ушла в мир иной.

В тот горестный для нас день отец с утра ушёл на охоту, чтобы порадовать хворую мать свежатиной. Вернувшись под вечер с парой подстреленных диких гусей, он уже не застал её живой. Не успел угостить свою кормилицу свежим бульоном из первой весенней дичи.

На кладбище бабушка Марфильда похоронена за одной оградкой со своей снохой Антуш. Богатырские лиственницы и пушистые сосны обергают два холмика, заросших травой и луговыми цветами, от жаркого солнца, от осенней непогоды, от снега.

Не проходит и дня, чтобы я не вспомнила свою милую, дорогую бабушку. Мне иногда кажется, что она до сих пор рядом, бережно держит меня за руку, отгоняя от меня беды и печали. А когда приезжаю на родину, пожилые люди говорят, что внешне я похожа на свою бабушку Марфиду – дочь Ильи Марковича. И мне приятно это слышать. До последних дней бы пронести в себе крупицы лушевного богатства бабушки Марфы. Мне бы хотелось, как бабушка, освещать этим волшебным сиянием жизнь близких людей!

Первая лепёшка

В детстве мы с подружками любили что-нибудь «испечь» на улице. Был намешаем глину с землёй, вымесим «тесто», наделаем лепёшек. И давай угощать ребятишек – своих погодков. А «гости» не заставляли себя уговаривать, «пробовать выпечку», и, причмокивая губами, похваливали наши лепёшечки.

А нам так хотелось самим испечь настоящие колобки или оладьи из манки и простокваша. Хотелось осторожно достать из печки горячий противень с разрумянившейся выпечкой, поставить на стол, не спеша смазать её перевязанные в пучок птичьими перьями, макая их в растопленное масло.

Как-то раз днём к бабушке Марфиде пришли в гости её ровесницы-подруги Февронья и Христина. Приодетые, нарядные, они чинно сидели на скамейке, образами, вели, как водится в гостях, неспешные разговоры с хозяйкой. Бабу поставила самовар, принесла на стол припасённые для такого случая речи печорского засола, солёные да варёные грибочки, квашеную капусту, мороженое, чем ещё угостить гостьюшек? Вот бы испечь что-нибудь на скорую руку!

Осенённая этой идеей, я засуетилась. Сбегала в кладовку за мукой, просея её, как сумела. А бабушка ласково поглядывала на меня, время от времени подсовывала то, что я не находила в нашем хозяйстве, подсказывала, что делать дальше. Ей не удавалось спрятать от меня добрую ухмылку, и я понимала, что меня ничегошеньки не получалось. Но, не показывая виду, я с завидным упорством продолжала замешивать тесто, потому что мне страсть как хотелось угостить гостей лепёшками.

Наконец что-то испеклось в чугунной сковородке, раскалившейся на железной печке-буржуйке. Это были сероватые, чуть приплюснутые то ли оладьи, то лепёшки. Попробовала одну – горяченькая,мягенькая, с маслицем, но – видать всему – сырая. Что делать? Стою у печки-буржуйки спиной к гостям, покраснев от стыда. Наверное, надо мной, неумёхой, все будут смеяться. Положила лепёшку на красивую тарелочку и, переминаясь с ноги на ногу, тайком любуюсь ими, а к счастью

пести не смею. Тут бабушка подходит ко мне, берёт одну лепёшку, отщипывает от неё кусочек. Я стою перед ней, опустив глаза, вот-вот зареву. И вдруг бабушка начинает расхваливать мою выпечку перед своими подружками, радостно ставит тарелочку на стол: «Вот ведь, милые мои, и внученька моя Люся выросла, сама уж печёт, с голоду не помрём».

Мы сидели за столом и пили чай с моими первыми лепёшками. Не беда, что они плохо пропеклись и получились плоскими, словно из пластилина. Я с радостью лакомилась собственной, самой что ни на есть настоящей выпечкой. Не представляю, как такие сырье лепёшки могли съесть наши гости? Хорошо, что мало испекла, всего штук пять поместилось на сковородке. А бабушки – люди пожилые, мудрые – не сказали мне ни слова. Окрылённая их молчаливой поддержкой, я тогда поверила в себя, в свои кулинарные способности.

Солнечный человек

В дошкольные годы мы после жаркого лета и дождливой осени с нетерпением ждали первый снег, затем – Новый год.

Мальчишкам хотелось нарядиться в новогодний костюм медведя, волка или зайца. А мы, маленькие девочки, все поголовно были готовы стать снежинками. Папи мамы шили нам платья из белоснежной марлевой ткани, и мы помогали им украсить свои наряды вырезанными из белой бумаги и блестящей фольги спечинками, стеклянными бусами, ватными шариками. Труднее всего было смастерить корону к костюму снежинки. Мы долго возились с ней, приклевывая на картонную основу вату, бусинки, осколки разбившихся ёлочных игрушек. У одних коронки получались высокие и яркие, у других – приплюснутые и невзрачные. Вот так, как говорится – кто на что горазд – готовились мы к новогоднему празднику.

И вот наступил долгожданный день новогоднего утренника. В уютной игровой комнате детсада горят яркие лампочки. В центре зала красуется пахнущая хвоей и

снегом ель, украшенная самодельными ёлочными игрушками. Лесная красавица с остроконечной звездой на макушке упирается в потолок. Она ещё не переливается разноцветными огоньками. Гирлянду может зажечь только Дед Мороз. Мы поём, играем, водим хороводы вокруг ёлки, а сами поглядываем на дверь, ведущую в коридор. Когда же, наконец, придет дедушка Мороз?

В коридоре слышны звуки тяжёлых шагов и постукивания деревянного посоха. Все замолкают, уставившись в ту сторону. Раздаётся стук в дверь, и в игровую комнату заглядывает уставший в долгом пути Дед Мороз. Тяжело переставляя ноги и сгорбившись под тяжестью мешка, он перешагивает порог. Низкорослый, с длинной белой бородой, он одет в синий атласный наряд до пола, обут в тёплые пинты. Мелюзга прячется, визжа от страха, за спины старших. Дед Мороз здоровается, ставит свой мешок у ёлки, на пол. Постукивая обёрнутым красной тканью деревянным посохом об пол, ходит вокруг ёлки, похваливает зелёную красавицу. Затем громко просит ёлку порадовать народ новогодними огоньками, и ребята вместе с ним дружно кричит: «Ёлочка, зажгись!». Надо же как-то зажечь ёлочную гирлянду!

Но только после того, как Дед Мороз несколько раз стукнет об пол своим «волшебным» посохом, на ёлочке весело вспыхивают разноцветные лампочки. Кряхтя и жалуясь на усталость, Дед Мороз садится на стул, поставленный для него возле ёлки. Сам нарочито грубо вато покашливает, чтобы старшие дети не узнали его голос. Но мы уже догадались, что это за Дед Мороз. По походке и по манере говорить он нам напомнил нянечку тётю Сашу.

Беляева Александра Саватьевна – уважающий детей, добросердечный, разговорчивый, шутливый человек. Каждое утро она встречает нас в детском саду, а днём выводит на прогулку. Наверное, за это, и ещё за многое другое, мы очень любим её.

Один за другим дети подходят к Деду Морозу, и он внимательно слушает новогодние стихотворения. Больше всего ему по душе, конечно же, стихи про Деда Мороза. Если теряешься и говоришь тихо, тётя Саша-Дед Мороз наклоняется

ближе к тебе, прикладывает к уху руку в шёлковой варежке и просит читать громче. Понятно дело, Дед Мороз пожилой, туговат на ухо.

Передохнув чуток, Дед Мороз внезапно вскакивает со стула и резво обегает зал, пытаясь «заморозить» нас своими прохладными синими варежками. Мы с визгом стараемся увернуться от них. Веселье в самом разгаре, шум-гам, тарарам. Даже мелюзга повылезала из укрытий, осмелела, подбегает к расшалившемуся дедушке. Но вот Дед Мороз снова плюхается на стул и подвигает ближе к себе увесистый мешок. Он важно достаёт из него блестящие кулёчки с конфетами, пряниками, яблоками, апельсинами. Каждому достаётся новогодний подарок. Все довольны. Пришла пора попрощаться с детворой, ведь Деда Мороза ждут в других детских садах. Щедрый гость машет рукой нам на прощанье и направляется к дверям, постукивая своим новогодним посохом.

Разных Дедов Морозов привелось мне увидеть потом: в школе, на работе, в детских садах, куда ходили мои дети. Но тётя Саша осталась в моём сердце самым лучшим, самым любимым Дедушкой Морозом. Наверное, потому, что это был не чужой, а очень близкий, родной, любящий нас Дед Мороз.

Александре Саватьевне всегда удавалось чем-то порадовать маленькие сердца. Рядом с ней становилось легко на душе, всё вокруг светлело. Она хорошо была знакома с нашими родителями. Знала о том, что большинство из нас растёт в бедных семьях, где не хватает денег ни на одежду, ни на пропитание. Отцы наши часто выпивали и боянили на пьяную голову, не давая выснуться жёнам и детям. Из такой непутёвой жизни мы приходили утром в детский сад, где нас – своих милых воспитанников – радостно встречала нянька тётя Саша.

Судьба же у самой тёти Саши была не из лёгких. Она была многодетной матерью и непонятно как выживала рядом с выпивающим скандальным мужем. Она тщательно прятала от людей печаль и тревогу в своих весёлых синих глазах, излучающих тепло и ласку. Лишь изредка её влажные глаза затуманивались грустью. И в эти минуты было видно, что это глубоко несчастный человек, при этом твёрдо убеждённый в том, что найдёт своё счастье, и что жизнь наладится.

Тётя Саша увлекалась чтением, впрочем, она и сейчас часто наведывается в сельскую библиотеку за книгами. Говорят, что книг она прочитала больше всех своих односельчан. Может быть, чтение и помогло ей справиться с трудностями. А мне почему-то хочется верить в то, что мы, маленькие детсадники, тоже внесли лепту в укрепление духа этой милой женщины. Чтобы у неё хватило сил хранить семейный очаг, растить детей, терпеть выходки мужа-дебошира.

Этот солнечный человек долго будет жить в моём сердце, и я ещё не раз мысленно поблагодарю её за то, что она вырастила и воспитала нас.

Наша тётя Лида

Тётю Лиду помню с детского сада. Высокого роста, худощавая, но с широкой и крепкой костью, сильная женщина. Одевалась она скромно, носила тёмные одежды с длинными юбками, платки, рабочую обувь. Всё, что было на ней надето, висело и развевалось, как на вешалке, когда она сутилась около детского сада. Усталая и измощдённая, слегка сгорбившаяся от бесконечных трудов, она с любой работой всё жеправлялась легко и проворно. Между делом успевала побалагурить с ребятишками, а те её просто обожали, могли поговорить с ней о чём угодно. Ведь тётя Лида всегда улыбнётся, поможет, развеселит прибауткой, насмешит всех. Каждому доставалось ласковое слово от сердечного человека.

Жизнь у тёти Лиды – уроженки села Картаёль Ижемского района Каневой Лидии Никандровны – была очень нелёгкой. Мужу, работающему на сплаве леса, она родила семерых детей. Большая семья с трудом умещалась в маленькой избе из двух комнатушек, притулившейся на пригорке у проезжей дороги. Самых в семье много, хоть пруд пруди, а ещё и друзья-подружки у единственного сына да шести дочек приходили в тесную избушку. И я часто играла в их крошечном дворике, гостила в тёплом доме тёти Лиды.

Тридцать долгих лет тётя Лида выполняла в детском саду села Кельчиюр тяжёлую работу: нянчила ясельников, колола дрова, топила печки, мыла полы,

убирала двор. Она выучила и поставила на ноги детей, помогала им растить внучат. Когда у повзрослевших внуków появились дети, помогала растить их. И вот как-то быстро и неожиданно угасла, не справившись со смертельной болезнью.

Наша тётя Лида отличалась от других взрослых людей тем, что могла увидеть в каждом из мальчишек и девчонок цельную личность, смотрела на ребёнка, как на состоявшегося уже человека. Она умела любить чужих детей так же, как своих. Всем знакомым старалась сделать что-то хорошее, угодить каждому, чтобы человеку был люб сегодняшний день, чтобы ему было уютно жить в этом мире. Плохого слова от неё никогда не слышали. Только одной ей свойственные шутки-прибаутки, мягкие полуулыбки и самобытный говорок веселили нас, согревали наши детские сердца.

Как бы мне хотелось, чтобы хоть на том свете нашей тёте Лиде удалось отдохнуть. Пусть ей там будет легче, светлее и теплее, чем на окутанном холодным туманом равнодушия планете Земля.

Утренний чай

В детстве иногда я просыпалась очень рано, до рассвета. Тишина, все спят. Но из-за стенки доносились еле слышные, осторожные звуки. Это мама спозаранку хозяйничала в кухне. Я словно видела её сквозь стенку.

Затемно вставала наиза мама, чтобы приготовить семье вкусную и сытную пшеницу на весь день. Разводила в русской печи огонь, одевалась, как капуста, потому что в доме ещё холодно, повязывала голову шерстяным платком.

В русской печи уютно трещат дрова, на улице ещё темно. Мама сидит за столом одна-одинёшенька на мягким отцовском стуле. Этот стул всем нравится по той причине, что стоит около стенки в нише, как бы в укрытии, и на нём каждый норовит посидеть. Мама чаёвничает перед дальнейшими утренними хлопотами. Она держит блюдце двумя руками, на кончиках пальцев, осторожно дует, чтобы не обжечься. Пьёт крепкий чай вприкуску с колотым сахаром-рафинадом, маленькими глотками, шумно втягивая в себя, с наслаждением причмокивая.

Утреннее чаепитие – это мамина пора. Только ранним утром ей удаётся побывать наедине со своими мыслями. Родив нас – пятерых детей, внешне мама как будто не изменилась. Выглядит молодо, привлекательная, круглоголовая. Среднего роста, с аккуратной фигуркой. Она очень проворная и бойкая, часто улыбается. Редко увидишь её сидящей без дела, вечно суетится по хозяйству. Но за утренним чаепитием мама другая. Кажется, что она сейчас не здесь, а где-то далеко, в другом мире, такое отрешённое у неё лицо. И мне хочется встать и бежать к ней в кухню, тоже пить чай.

Но я хорошо знаю, что маме не нравится наше раннее вставанье. Кормить нас ещё нечем – еда не готова. Лежу под одеялом тихо, как мышка, стараясь не двигаться, не скрипеть кроватью, хотя давно уже проснулась. Пусть посидит мама сама с собой в пору рассвета, пусть приведёт в согласие свою жизнь и свои мысли. Пусть поживёт несколько минут в своём мире, куда никому, даже своим детям, нельзя соваться. Пусть отдохнёт, ведь скоро догорят в печке дрова, и нужно будет готовить завтрак...

Сейчас и я, и сестра моя Валентина в том возрасте, какой я помню маму во время утреннего чаепития. И мне забавно, что сестра тоже любит почавничать одна, пока семья ещё спит. Да и я сама встаю спозаранку, чтобы хоть немного побывать наедине с собой. Присев в уголке под образками, думаю о том, что было и что будет. И тогда я мысленно желаю своим детям только добра. И мне не хочется, чтобы кто-то из домашних нарушил тишину этой ранней поры.

Девушка из Объячево

На стене в доме висят три фотографии в рамочках. На одной – родители мамы Иосиф Егорович и Соломонида Александровна (в девичестве Шулепова) Лихачёвы. На другом снимке – родители отца Евдоксий Иванович и Марфида Ильинична (в девичестве Вокуева) Хозяиновы. На третьей – мои родители Зарин Евдоксеевич и Елизавета Иосифовна Хозяиновы.

Молодые и симпатичные, глядят на меня мои дедушки, бабушки, отец и мама строго, но с любовью, с мягкой улыбкой. Их открытые и спокойные лица словно хранят надежду на дружную совместную жизнь друг с другом. Были ли они счастливы? Думаю, да. Если бы не знали счастья, разве появилось бы у них столько детей, внуков и внучек?

Отец родился и вырос в Кельчиюре. В молодости его направили учиться в Сыктывкарский сельхозтехникум. В городе он нашёл свою «царевну» (так в шутку он называл нашу маму). Девушка из села Объячево была на девять лет младше кельчипорского парня. И хотя за ней по пятам ходил не один ухажёр, выбрала коми пожемца. С первой встречи он потерял голову и не отходил ни на шаг от Лизаветы. Стали они дружить, ходить в кино, в театр. Через некоторое время девушки пастигла беда – в один день погибли от удара электрическим током мама и брат. Вот тогда её осиротевшее сердце почувствовало в поклоннике надёжную опору. Да и по душе пришёлся этот весёлый гармонист, который всех смешил своими шутками-прибаутками. Молодые расписались в Сыктывкарском загсе и отправились на родину моего отца. Так девушка, выросшая в тёплом Прилузье, оказалась в холодном северном краю, на реке Ижма.

Миловидную молодуху с жемчужной улыбкой на лице и прилузским говорком не все встретили доброжелательно. Некоторые соседи поглядывали на неё искоса, перешёптывались, грубо называли между собой «зыранкой». Прошли годы, и она стала в Кельчиюре своим человеком, со многими подружилась. Здесь каждый, как на ладони, и молодая женщина, любящая детей и отличающаяся трудолюбием, сметливостью, добрым нравом, готовностью помочь людям, приглянулась сельчанам.

В 1950-60-е годы было принято дружить семьями, и по праздникам собирались у когонибудь в доме. Часто гости приходили и в наш дом. Это были яркие и весёлые вечера, на которых детям следовало спеть, сплясать, рассказать стихотворение. И гости пели под звуки отцовской гармони! И мама с отцом вместе исполняли русские и коми песни – всем нравилось, как они это делают.

Отец показал маме все красивые места в окрестностях села. Они даже были в таёжной глуши, где не ступала нога человека. Позже мама рассказывала, что чуть не теряла дар речи при созерцании невиданной красоты девственной природы. До старости родители вместе ходили в лес за ягодами, грибами. Отдыхали в лесу, на лугах, на берегу Ижмы, у живописных озёр. И с нами в походы ходили. И не только в походы. Всей семьёй было очень весело косить и сгребать сено, готовить дрова на зиму, рыбачить.

Полвека прожили родители бок о бок. Вырастили пятерых детей. Как и в любой семье, не всё, конечно, было гладко, но я уверена в том, что рядом с отцом мама чувствовала себя по-настоящему счастливой. Может быть, потому, что отец всю жизнь видел в ней ту девушку из Объячево. Он очень любил её. Когда после инсульта отец уже не смог подняться с постели, мама ухаживала за своей половинкой, как за ребёнком. После его смерти маме показалось, что она никому больше не нужна. Она призналась мне как-то, что до сих пор часто разговаривает с отцом, хотя его нет рядом.

Женщина-праздник

Как-то раз я была в отпуске, приехала к маме из города. Сидим, беседуем за утренним чаем. Мама смотрит в окно и неожиданно громко восклицает своим прилужским говором: «Но-о, посмотри, Пашко Пар явилась, смотри-ко, к нам завернула».

Дверь распахнулась, и, тяжело передвигая отёкшие ноги, в дом вошла наша родня из деревни Малое Галово – тётка Прасковья, по-ижемски её называли Пашко Пар. Она заметно постарела, и лицо, как у больного человека, осунулось, заострилось. Но не потеряла былой стати. Всё такая же степенная, высокого роста, полнотелая, громкоголосая. Голову держит высоко, уважительно относится и к себе, и к другим. Человек, который всегда приносит с собой праздник. Вот и теперь, широко улыбаясь, поздоровалась, крепко обняла и расцеловала нас в щёчки, сообщив цель визита:

«Услыхала о том, что Люся приехала в отпуск. Думаю, надо бы её проводать, заодно и с невестушкой Лизой повидаться». Долго потом мы сидели за столом, не замечая времени, и никак не могли наговориться после выпитой рюмки вина.

Смотрела я тогда на тётку Прасковью, на её разрумянившееся, улыбчивое лицо, и невольно вспомнила своё детство. Эта удивительная женщина во все времена чтила свою родню и частенько наведывалась к нам в гости пешком или на лошади, запряжённой в сани. Да и сама зазывала нас в гости в свою маленькую деревеньку под названием Галфель (Малое Галово). Я часто бывала в доме тётки. Если предлагали переночевать, с радостью соглашалась. Мне нравилось побывать в других условиях, в другом мире.

В доме тётки Пашко Пар всё было по-другому, не так, как у нас. Построен он был по старинке, комнаты просторные, с высокими потолками. С крыльца в сени вела тяжёлая входная дверь, сделанная из широких толстых досок. Чтобы её открыть, надо было повернуть вокруг своей оси металлическое кольцо, которое служило и дверной ручкой. Войдя в сени, можно было увидеть в каждой стене по двери. Слева – вход в сарай к скотине, прямо – не отапливаемая летняя комната, справа – две жилые комнаты – прихожая, служившая кухней, и зал-спальня.

В прихожей по правую руку стояла старинная деревянная кровать, которую обрамлял ситцевый полог от цола до потолка. Эта кровать принадлежала хозяевам тётке Прасковье и дяде Кузьме. Над дверями нависали полати до середины комнаты. Левую половину прихожей-кухни занимала русская печь, своей городнотью напоминая хозяйку. В правой половине размещены массивный стол и широкие деревянные лавки. Над столом в углу – образа. Слева у окна важно восседала большая кадка для свежей колодезной воды. В углу впритык к стене стоял низенький кухонный шкаф, а над ним были подвешены самодельные деревянные полки для сушки посуды. Мне всегда казалось, что на матице у потолка когда-то был приделан гибкий ивовый шест с люлькой для ребёнка. Его, наверное, убаюкивало мерное покачивание люльки под уютный треск дров, сгорающих в печи. В кухне тётки Прасковьи много окон, расположенных довольно низко, рядом с полом.

Такие дома пропитаны древностью, и в них входишь, словно в сказку. Вторая жилая комната – это светлый и просторный зал, более современный по интерьеру. Её обжили дети Кузьмы и Прасковьи.

С этим милым моему сердцу домом связаны ароматные запахи наваристых мясных щей и горячих колобков. Воспоминания о днях, проведённых у родственницы в Малом Галове, всегда греют мою душу.

Оказывается, тётка Прасковья первая из родных увидела меня, только что родившуюся на свет. Ведь это именно она приехала за мамой в родильный дом в посёлок Щельяюр на лошади, запряжённой в сани. Щельяюр находится далеко от Кельчиюра – за двадцать километров, и мама переживала, что после родов не сможет добраться до дома и будет долго куковать в больнице. Отец в то время был на заработках. Вот тогда-то и откликнулась родня из Малого Галова. Когда я подросла, мама мне рассказала, как в морозный январский денёк 1964 года Пашко Пар привезла нас домой из роддома. Слава богу, никто не замёрз – ни сама ямщица, ни мама, ни я – маленький человечек, несколько дней назад появившийся на свет, которого, оказывается, так ждала и так любит его родня – почитающая близких и соблюдающая старинные традиции тётка Прасковья.

Вода

На свете нет такого человека, который может жить без воды. Все пьют воду, моются, пользуются ею не один раз за день. Легко становится на душе после купания, или даже после простого созерцания водной глади. Вода – это чудо природы. Вода – это речка Ижма, в которую текут таёжные ручьи. Это дождь, талый снег, лужи, дивные озёра, капли росы. А ещё – колодезная вода, которая лучше всего утоляет жажду.

В моём родном селе принято было делать колодцы-журавли. В детские годы у нас во дворе был свой колодец, и не надо было ходить за водой к чужим людям. Колодец, выкопанный отцом с помощью соседа, отплатил добром – много лет поил

вкусной водицей и нашу семью, и жителей близлежащих домов. Вода в неглубоком колодезном срубе была студёная, мягкая и чистая, как слеза. Чтобы зачерпнуть воду из колодца-журавля, опускаешь в прохладное лоно сруба ведро, подвешенное на конце длинного гладкого шеста. И тогда «журавлинный хвост», то есть большой камень-грузило, со скрипом взмывает к небу. Затем осторожно достаёшь полное ведро из колодца, с трудом удерживая в слабых детских руках скользкий, рвущийся вверх шест, и тяжёлый камень на хвосте «журавля» неожиданно с грохотом плюхается в траву за спиной.

Каждый год колодец надо было чистить, чтобы дно не покрылось илом, чтобы вода не запахла гнильём. А когда отец тяжело заболел, никому дела не стало до нашего колодца, за его чистотой никто не следил. Колодезный сруб гнил и обваливался, а вода в нём стала мутной, ржавой, потеряла былой вкус, годилась только для бытовых нужд.

Для чая мы приносили воду из выпадающего в речку Ижму Матвеева ручья. Просачиваясь сквозь почву и древесные корни, бежала эта водичка прямо из сердца тайги. Пропахшая терпкими лесными ароматами и переливающаяся яркими оттенками зари, она напоминала нам «живую воду» из сказок. Прошёл слух о том, что вода из Матвеева ручья лечит глазные болезни. И все, кто приходил сюда за водой, старались ополоснуть лицо. А какое удовольствие доставляло умывание в прохладных струйках ручейка в жаркий летний день! Ручей находится далеко от дома, у самого леса. Идёшь туда с пустыми вёдрами по солнцепёку – вялая, ионикшая. Умывшись и плеснув в лицо «живой водой», возвращаешься с полными вёдрами легко, радостно – словно летиши.

Зимой Матвеев ручей превращался в сказочное царство снега и льда. Ручей покрывался толстым льдом, а над ним возвышались снежные деревья-великаны. Под толщей льда серебром переливался милый сердцу ручеёк-труженик, несущий живительную воду людям даже в зимнюю пору. Черпаешь ковшиком воду из маленькой проруби и диву даёшься, что никакие морозы не страшны Матвееву ручью!

А ещё после того, как отжил свой век колодец, сделанный отцом, мы брали питьевую воду из колодцев-журавлей Неофита или Семёна. Эта вода была чистая и прозрачная, но жёсткая на вкус. Полные вёдра приходилось тащить издалека. На полпути, а иногда и чаще, мы, дети, отдыхали, поставив вёдра на землю.

Наш родительский дом стоит на берегу реки, а неподалёку, на пригорке у леса виднеется ладная и крепкая изба старшего брата. В примыкающей к дворовым постройкам берёзовой роще брат с помощью соседа вырыл свой колодец. Теперь к нему за водой приходят соседи со всей улицы, раскинувшейся вдоль леса.

Рыбалка

В детстве мы, маленькие девочки, увлекались рыбалкой не меньше, чем мальчишки. Сами могли ловко смастерить удочку из гибкой ивы и капроновой жилки, привязать рыболовный крючок.

Перед каждой рыбалкой мы вместе с братьями собирали в банки и ведёрки, наполненные землёй, дождевых червей. Находили их чаще всего под досками, которые валялись повсюду. Подготовка обычно занимала больше времени, чем сама рыбалка. Вечером в хорошую погоду рыбачили недалеко от дома на Ижме и только с наступлением сумерек возвращались домой. Мы ликовали, когда на крючок попадались не только ёрши и окунь, но и подъязжи, плотички, другая, более благородная рыба.

В выходные дни отец перевозил нас на другой берег реки. Там было намного интереснее, чем около села. Пока мы рыбачили, отец разводил костёр и кипятил чай со смородиновыми ветками и листьями в почерневшем от дыма и копоти походном чайнике. Доставал из вещевого мешка собранную заботливыми маминими руками немудрённую снедь, и мы устраивали чаепитие прямо на берегу реки. Простая домашняя еда казалась на свежем воздухе самой вкусной на свете. Чуть позже отец кормил нас свежей ухой, сваренной на костре в небольшом, видавшем виды, котелке.

Больше всего нам нравилось рыбачить ночью, но старший брат неохотно брал с собой мелюзгу. Бывало, как только заподозри о сборах брата на ночную рыбалку, начинаю напрашиваться. Ему каждый раз удавалось незаметно улизнуть от меня. Брошусь вдогонку, а они уже уселись с удочками в моторную лодку, оттолкнувшись от берега и завели мотор. Мчит лодка брата и его дружков вверх по реке, а я, вся в слезах, бегу по берегу, а они ещё веселятся, хохочут надо мной. Лодка исчезает за изгибом реки. Вся зарёванная, долго бреду по берегу, всхлипывая и размазывая по щекам солёные слёзы. Упрямо иду вдоль реки к Ограмову ручью, где рыбачат с ночёвкой брат и его приятели. Туда можно добраться не только на лодке, но и пешком. Устану шагать по усыпанному речной галькой пустынному берегу, убавляю шаг. Между тем опускаются сумерки, и сердечко в груди начинает часто колотиться от страха. Становится жутко от того, что вокруг ни души. Боюсь того, что из мрачного ельника, подступившего к берегу, может появиться медведь. От этих мыслей резко поворачиваю домой.

Возвращаясь в село, завидую мальчишкам, которые, наверное, сейчас опустили в Ограмов ручей ольху или иву, привязав к веткам крупу в марлевом узелке. Рыбачить они садятся обычно ниже приманки по течению ручья, чтобы не упустить рыбу, устремившуюся к крупке. Клёв такой, что только успевай насаживать червяков на крючок. Эх, так хотелось порыбачить ночью, когда у реки всё по-другому, не так, как днём! А как здорово коштить над костром нанизанных на ивовые прутья ершей! Нет на свете ничего вкуснее нежного белого мяса подкоцнённой рыбы и тёплой душистой мякоти картошки, испечённой на угольках догорающего костра. За мыслями оочной рыбалке незаметно для себя добреду до могучих лиственниц на окраине родного села. Порадуюсь тому, что до темноты удалось вернуться.

Долго ещё дуюсь на брата, не понимая, что очная рыбалка – это сладкая волюшка для мальчишек. Ведь там можно не только отдохнуть, поудить рыбу, но и поговорить со сверстниками обо всём, что волнует, почувствовать себя настоящими мужиками, побаловаться папирской, ввернув крепкое матерное словцо. И девчонкам там совершенно не место.

Новая шапка

Сельских ребятишек, живущих далеко от города, редко баловали добротной одеждой, новой обувью. Мы привыкли носить застиранные платья, штаны, пальто, из которых выросли старшие братья и сёстры. А когда нам покупали обновку, радости не было предела.

Как-то в конце лета мама купила мне новую шапку. Ярко-красного цвета, двухслойная, она была мне впору, словно её сшили для меня по заказу. Но получилось так, что мне удалось пощеголять в ней только полдня. Дело было так.

С появлением новой шапки в доме поселился праздник. Я долго крутилась перед зеркалом, примеряя её. Красный цвет был к лицу. Радовало то, что первого сентября я пойду в школу в обновке. Но до учёбы ещё далеко, а мне не терпелось показать кому-нибудь новую шапочку.

Вышли с сестрой гулять. Спустились к реке. Сели в отцову двухвёсельную деревянную лодку и стали грести, направляясь к середине реки. Тем, у кого ветер гуляет в голове, море бывает по колено. Гребли, гребли, и отплыли от берега довольно далеко. Управлять большой посудиной было трудно, да и домой пора. Мы засуетились, колотя вёслами по воде, поворачивая лодку к берегу и не заметили, что прямо на нас мчится моторка, грозно посверкавая металлическим корпусом. Нос её высоко задран — моторка мчит на полном ходу. Убраться на своем деревянном корыте с пути мчащегося во весь опор судна мы, конечно же, не успели. Моторка с лязгом и грохотом наехала на нашу старенькую лодку, перевернув её вверх дном. Мы с сестрой оказались в воде. Барахтались неподалёку от лодок, изо всех сил стараясь держаться на плаву. Плавать в одежде оказалось непросто, но нам удалось справиться с быстрым течением, подплыть к своей «калоше», кособоке качающейся на волнах, и уцепиться за неё. На дне соседней лодки, внезапно прервавшей нашу прогулку, лежал, похрапывая, пьяный мужик. Он даже не проснулся от удара, в то время, как мы с сестрой чуть не утонули!

Со слезами на глазах я смотрела на свою новую шапку, которая медленно уходила под воду. До сих пор вижу, как её уносит течением в речную глубину, намокшую и отяжелевшую и такую красивую. До сих пор помнят пальцы мягкую ткань и выпуклый узор машинной вязки долгожданной обновки. Ничего не поделаешь, не хватило тогда сил у щуплой девчонки подплыть к тонущей шапке и спасти её.

Мы стали звать на помощь. Нас услышали, подобрали и доставили к берегу, куда уже прибежали встревоженные родичи. Я чуть не утонула, но думала не об этом, а о том, что родители будут упрекать меня за потерю обновки. Но когда нас с сестрой высадили из «спасательной» лодки на берег, мама, всхлипывая, прижала нас к себе и о шапке не сказала ни слова! Ведь она могла сегодня потерять обеих дочерей!

Никто не ругал меня за потерю. Я сама пылила себя за то, что не спасла свою шапочку, в которой мечтала пойти первого сентября в школу.

Счастливое детство

Детские годы чаще всего всплывают в моей памяти на фоне зимних пейзажей. Не удивительно, ведь на севере полгода длится зима.

Мы любили кататься с горки на санках и на лыжах. В окрестностях Кельчиюра много крутых пригорков и холмов. Где вздумается, там и катаемся. Когда это занятие надоело, лазили по сугробам. Перед тем, как исследовать глубокий снег, мы с большим трудом натягивали на валенки обе штаны прогулочных шаровар. В таком случае снег не набивался в валенки во время покорения снежной целины. С удовольствием полазив в сугробах, прыгали в снег с крыши хлева, расположенного в задней части дома.

Веселее всего было в Новый год. В тёмное время суток ребятня и молодёжь искали новогодние развлечения. Проказничали не на шутку. Могли залезть на крышу какого-нибудь дома и прикрыть трубу стеклом. Весь дым устремлялся

внутрь дома, а хозяева не могли понять, в чём дело. А ещё могли к оконной раме с уличной стороны привязать гвоздик и дёргать его за ниточку, спрятавшись за угол «керки». Хозяева слышат стук в окно, выходят на улицу, и не раз, а там – никого.

Ещё одним развлечением сельской молодёжи был традиционный маскарад во время Святок, сразу после Рождества. Ряженые ходили по домам с мешком, охотно принимая угощенье. Случалось и так, что сельчане не открывали дверь и не пускали непрошенных гостей к себе. Когда ряженые заходили к нам, отец брал в руки гармошку. А они, разодетые в лохмотья, плясали так, что дом ходил ходуном, но не подавали голоса. Так и уходили, не открыв лиц. Мама всегда угощала ряженых чем-нибудь вкусным, укладывала в их мешок румяные лепёшки.

Долгожданные зимние каникулы были поводом для бурной фантазии местной ребятни. Как-то мальчишки задумали соорудить «блиндаж» внутри заснеженной силосной ямы на колхозном поле. Над этим пришлось попотеть не один день. Силосная яма просторная и глубокая, нужно было выгрести из неё много снега. Много времени ушло на то, чтобы утоптать дно и сделать подходящее помещение для «блиндажа». Девчонок к укрытию близко не подпускали. Видно, у мальчишек водились какие-то «военные тайны», о которых нам не положено было знать. Кое-кому из девочек посчастливилось заглянуть в секретный «блиндаж». Залезть туда можно было через небольшое отверстие, прикрытое досками. По протоптаным сугревым ступеням спускаешься вниз. Там небольшая комната со снежными стенами, полом и потолком. Внутри «блиндажа» тепло и уютно. Из полешек и досок сооружены низенький столик и сиденья. Всё, что дома лежало без дела, притаскивали мальчишки в своё укрытие. Даже топилась старенькая печка-буржуйка и горела свеча, бросая таинственные блики на снежные стены...

Пожалуй, самым интересным развлечением были наши вечерние тусовки. Под вечер на горке собирались все, кому не лень. Всей гурьбой катались с горы на больших деревянных санках. Многие, не удержавшись на краешке, раньше времени

выпадали из санок. Валиясь в снегу, шалили, хохотали до изнеможения, одним словом, отрывались на полную катушку. На морозе становилось жарко, горели щёки. А всё вокруг казалось таким прекрасным. Иногда на небе таинственно, словно Мона Лиза, улыбалась луна, свысока поглядывая на нас и освещая всё вокруг. В тёмные же вечера хоть глаз выколи – кругом темно, только звёзды мерцали над заснеженными просторами. А в сильные морозы по всему небу полыхало невиданной красоты северное сияние. Устав от потех, мы падали россыпью на пуховые снежные перины и смотрели в небо. Говорили о звёздах, о небесах, обо всём, что нас волновало, пока холод не заставлял вскочить на ноги.

С наступлением сильных холодов каждое утро мы ждали объявлений по радио: в актированный день можно неходить в школу. Неожиданный выходной вызывал бурную радость. Было приятно от одной мысли, что можно остаться дома, поиграть, перекинуться в карты, почитать, а после обеда, когда потеплеет, и погулять. Нам, маленьким северянам, морозы были не страшны. Бывало, мы выходили на улицу ещё до обеда. Деревянной лопатой чистили от снега крыльца и двор, заносили воду и дрова в дом. Напоследок успевали покататься с горки в старом овальном корыте. Приходила на обед мама, и мы, пообедав с ней, спускались гулять. И лишь когда коченели от мороза руки и коленки, ледяной коркой покрывались одежда и валенки, расходились по домам. В сумерках так радостно было подходить к родному дому, где уютно светились окна. Родители уже вернулись домой с работы.

В кухне тепло и светло. Весело потрескивает поленьями печка-буржуйка. Пахнет вкусной едой. Деловито развесиваем на верёвках вокруг печи отсыревшую одежду, кладём на тёплую печку варежки и валенки, очистив их от снега и льда. После ужина нас ждёт беззаботный вечер. Раз в школу не ходили, и уроки делать не надо. А в груди теплится тайная надежда, что завтра снова объявят актированный день.

Воспоминания об этих счастливых зимних днях остались в моей памяти белоснежными просторами, морозными туманами над родной речкой Ижмой,

сказочными узорами на оконных стёклах. Они словно распахивают передо мной двери в бескрайние снежные поля нашего детства, где было столько радости, где все мы были по-настоящему счастливы.

Маленькие космонавты

Хотя и росли мы в холодных местах, хотя и мерзли в детстве, а лета и вовсе не видели, но почему-то всё равно любили зимнюю пору. А ещё мы оттого предпочитали другим временам года зимушку, что она давала нам повод поиграть в «космонавтов». Мы терпеливо ждали, пока выпадет много снега, чтобы было не опасно прыгать с крыши хлева в сугроб. Недельки две тренировались, готовились к полёту в «космос», прыгая в снег с забора. Залезем на забор и с победным кличом «Юрий Гагарин – в космосе барин!» бухаемся в сугробы. Провалившись по пояс, с трудом выбираемся из снежного плена и снова карабкаемся на забор.

И вот снега за домом на картофельном поле не меньше метра высотой. И можно без страха прыгать в снег с крыши хлева, который пристроен к задней части дома. Мы одеваемся потеплей, ищем варежки, натягиваем штаны поверх валенок и выходим гулять. Сначала проверяем снег на мягкость и на глубину. Всё нормально! Гуськом залезаем на невысокий хлев и встаём в очередь, чтобы прыгнуть.

Вот мы и в «космосе». Когда стоишь на краешке крыши, кажется, что земля далеко внизу. Глянешь на заваленное снегом картофельное поле, на бескрайнее ясное небо и с криком «Юрий Гагарин – в космосе барин!» прыгаешь в снежный сугроб. Немножко страшно! Но и весело! Стараясь не показывать приятелям испуга, снова карабкаешься на крышу, чтобы сгинуть вниз.

В такие минуты нам, ребятишкам, казалось, что и зима, и небо, и воздух, и снег – это наше богатство. Казалось, что это и есть счастье, и мы сами словно растворялись в зимних пейзажах, бездонных небесах, чистом воздухе, белом снеге...

МБУК "Ижемский ЦДБС"

Отчий дом

Бывало так, что после уроков я набегаюсь на лыжной секции и возвращаюсь домой уставшая. Попью молока, наяду варежки и выхожу за дровами. Ни отца, ни матери ещё нет дома, они на работе. К их приходу нужно натопить печку-голландку в зале. Затоплю, пару раз подложу по охапке мелких дровинек. Время от времени открываю дверцу голландки и кочергой подгребаю в кучку пылающие головни. Их надо осторожно дробить на угольки, чтобы быстрее догорели. Вот уже в пышущей жаром печке ничего не осталось, кроме горячей золы и потухших угольков. Взобравшись на табуретку, открываю дверцу отдушины и закрываю двумя тяжёлыми вьюшками круглые отверстия у основания печной трубы.

Теперь нужно занести из дровяника охапку дров для русской печи, чтобы они подсыхали. Вечером мама с помощью деревянной лопаты на длинной ручке сложит их в просторное печное лоно, чтобы ранним утром сразу затопить печь. Потом в заледеневших па морозе вёдрах ищу колодезную воду в широкую деревянную кадку, по-хозяйски расположившуюся у русской печи, пока она не наполнится. Рабочие варежки леденеют, меняю их на запасные, и снова – на улицу. Беру обитую по краям железом деревянную лонату и чищу снег во дворе. Крыльцо тщательно подметаю облысевшим берёзовым веником. Близится вечер, на село опускаются сумерки.

А вот и родители возвращаются, и семья дружно садится за ужин. Потрескивают горящие дрова в только что затопленной печке-буржуйке, а на ней подрумяниваются гречки к чаю. Яркая лампочка освещает уютную кухню. Здесь по вечерам тепло и весело.

Мне не спится дома, тянет покататься на санках. Иду кататься.... Но на морозе долго не выдерживаю. Дома долго стою у печки-голландки, прижавшись к ней спиной, и отогреваюсь. Заботливая мама подготовила целую сковородку жареной рыбы и икры, и дом наполнен ароматным запахом. Усядемся братя сёстры за стол, дружно навалимся на вкусное блюдо. С шутками-прибаутками быстро опустошаем сковородку, а заодно узнаём ребячыи новости.

После второго ужина сажусь за уроки. Расправившись с ними, заваливаюсь с книжкой на старенький диван. Но не тут-то было – в доме гасят свет. Пора спать, и спорить с родителями нет смысла. С этим в семье строго, всё равно заставят лечь. Вздохнув, перебираюсь с дивана на кровать, тайком захватив фонарик. Забравшись с головой под одеяло, дочитываю книгу с фонариком. А потом какая-то неведомая сила уносит меня в добрые светлые сновидения.

А сейчас, взрослая, я почему-то вижу мрачные сны. Увы, время чудесных снов осталось далеко позади, в похожем на тёплый островок родном доме, под крыльями заботливых, любящих тебя родителей.

Учил бороться с трудностями

Двадцать пять градусов ниже нуля. Физкультура – на улице. Тонкие спортивные штаны не берегут от холода бёдра и коленки. Некуда спрятаться от ледяного дыхания резкого шквального северного ветра, который в коми народе принято называть «хивузом». Бегу по лыжне через силу, замёрзла так, что не чувствую губ и носа, так заледенело лицо. Хочется удрать с лыжной трассы домой, но стыдно перед товарищами, остаюсь с ними до конца урока.

Пятикилометровая лыжная трасса сложная, через три оврага. Три раза скатываюсь с крутой горки и три раза ползу в гору, кряхтя от напряжения. Лицо горит. Голова гудит. Сердце рвётся наружу. Ноги становятся ватными и мелко трясутся. Когда же спасительный финиш? Но неожиданно для себя я кого-то догоняю на лыжне. Высоко задрав нос, требовательно хрюплю: «Хоп!» Идущий впереди одноклассник уступает одну лыжню, и я обгоняю его как-то театрально, подражая спортсменам с телевизора. Но как только выхожу вперёд, силы покидают меня. Замедляю бег, волочу ноги, словно древняя старушка. И тут слышу со спины: «Хоп!» Теперь я уступаю лыжню, пропускаю вперёд соперника, и долгое время стараюсь не отставать от него.

Таким образом учил нас преодолевать трудности физрук Николай Спартакович. Может быть, поэтому нам, выпускникам школы, гораздо легче было привыкнуть

к большой жизни, где каждый день надо работать, защищать себя и своих детей. Там, как и на лыжне, кого-то приходится обгонять, а кому-то уступить дорогу и пропустить вперёд.

Вкусная оленина

Перед сном мне, сестре и братьям хочется чем-нибудь полакомиться. Охотно составляем компанию отцу, заглянувшему на кухню! Садимся за стол и чинно пьём вместе с ним по кружке прохладной простокваши. И всё же чего-то не хватает для полного счастья. Чем-то бы ещё поживиться.

Тогда отец приказывает занести из сеней «колбасу». Так он в шутку называет замороженную оленину. В сенях жуткая темнотища, и туда никого не тянет. Но все знают, что под потолком слева есть выключатель. Я приоткрываю входную дверь, и, встав на цыпочки, долго щарю по стене в поисках выключателя. Щёлкаю им, и в сенях вспыхивает свет. С победным видом заношу в дом кусок мяса.

Отец с выпяченным брюхом важно сидит за столом, держа наготове кухонный нож. Он неторопливо нарезает оленину на тонкие ломтики. Мы сидим на лавочке напротив и смотрим, как быстро прибывает на тарелке горка аппетитной «колбаски». Терпеливо ждём и только после родительского разрешения кидаемся на замороженную сырую оленину, макая её в соль.

Ну, слава богу, заморили червячка. Все сыты и довольны. Хитро прищурившись, глава семейства восседает на своём «фирменном» стуле, уютно поместившись в нише между сервантом и столом. Разумялся, как красно солнышко, видимо, от того, что доставил удовольствие детям и сам наелся северной «колбасы»...

Она перед глазами – кухонка-светлица, где так хорошо маленьким сердцам. Передо мной искрящиеся весельем голубые отцовы глаза. Никогда не забудется вкус тающего во рту северного лакомства – замороженной оленины, которую никогда не пробовали мои дети, выросшие в городе.

Заячий гостище

За окнами трещит мороз. Несколько дней уже мы живём с мамой. Отец, которого мы по-кому называем «аे» или «айко», ушёл в тайгу на охоту. Бродит на стареньких лямпах по заснеженным лесам, словно Дед Мороз. Дома без него скучновато, хотя и вольготнее, ведь мама не такая строгая, как он.

Вдруг на крыльце заскрипел снежок от чьих-то шагов. Мы слышим постукивание деревянных лямп друг о друга: так лыжи отряхивают от снега. Бросаемся в кухню и прилипаем к заинdevевшим окнам. Но на улице темно, кроме того, сквозь морозные узоры ничего не видать. Кто-то стучится в дверь, и мама с улыбкой откликается:

— Да! — Она знает, кто это!

Дверь распахивается, и вместе с клубами морозного воздуха в дом вваливается наш Дед Мороз-айко. Весь в изморози, улыбается, довольный, хотя и уставший. В маленькой кухне становится тесно от мужского голоса, от шума и суеты.

Отец со стуком бросает перед печкой задубевшие на морозе тушки глухаря и куропатки. Нежным мясом мы будем лакомиться позже, когда мама выщиплет у лесной добычи перья, очистит, опалит тушки в печи и сварит вкусный супчик.

Вместе с сестрой и братишками я терпеливо жду от айко, стягивающего с себя на пол отсыревшую охотничью одежду, ещё чего-нибудь. Кряхтя и прищурив лукаво глаза, он шарит рукой в тощем вещевом мешке. Вытаскивает небольшой плотный узелок, разворачивает его, а там лежат кусочки замороженного хлеба — заячий гостище. Отец делит между нами таёжный хлебушек, и нам хочется скорее попробовать его на вкус. Но не тут-то было: затвердевший на морозе хлеб не откусить, мёрзнут зубы. Мы осторожно грызём заячий гостище, и от этого ещё приятнее кажется вкус хлеба, подслащённый таёжными запахами и морозным воздухом. Мы уже не маленькие, но верим в то, что в лесной чаще отец и вправду встретил зайца, который отправил нам эти вкусные гостищцы...

Игра во взрослую жизнь

Родители ушли на работу, братья где-то гуляют. В доме пусто. Мне и моей подружке Тане надоело бегать на улице, и мы зашли домой поиграть.

Достали из-под бабушкиной кровати тюк овечьей шерсти, смастерили из неё парики, напялили их на головы, сверху – береты, чтобы новые волосы не соскользнули. Губы подкрасили обнаруженной в шкафчике старой маминой помадой. В носки под пятки вставили швейные деревянные катушки, как будто каблуки. Превратившись в модниц, под мышки сунули редикюли и принялись важно вышагивать взад-вперёд по дому. Славно цокали «каблучки», правда, на них мы часто спотыкались, едва не падали, но ничего... Поправляешь «каблук» и дальше идешь «по бульвару». И почему-то разговаривали не на родном коми языке, а на ломаном русском – он для нас был как иностранный! Да ещё и улыбались, как голливудские кинозвёзды.

Из стульев построили «второй этаж» – туда наведывались по важным делам. На табуретку поставили отцову гармонь – это «печатная машинка». На детском стульчике рядом располагалась машинистка. Нажимая на кнопочки гармони, она печатала на листе бумаги, засунутом между мехами, важное письмо. Машинистками мы становимся по очереди.

Такая игра «в город» у нас, у сельских девчонок, была одной из любимых. Играли в неё редко, потому что нам не нужны были свидетели, а домашних мы стеснялись – засмеют.

Этой игрой нагадали мы с Танюшкой, самой близкой подружкой, своё будущее, и обе после школы перебрались в город. Стали городскими дамочками «по-настоящему». Нашли русских мужей. Привыкли говорить по-русски, делать в парикмахерской красивые причёски, носить настоящие туфли на каблуках, щеголять с дамскими сумочками, печатать важные бумаги. Двадцать пять лет живём в одном городе, а видеться удаётся редко. Да почему-то не очень и хочется... Закадычные в селе подруги стали в городе друг к другу равнодушны.

Подруга

Анна приезжала погостить в наше село к дяде – родному брату своей мамы. Сама она с мамой и братьями жила в селе Вертец, в одиннадцати километрах от Кельчиюра. Аня заметно отличалась от моих подружек. Высокая, крупного телосложения, она почему-то тяжело дышала, а лицо у неё было желтоватое, болезненное. Говорили, что от бабушки к ней перешла желтуха.

Анна стеснялась своей полноты и сторонилась сверстниц. Её двоюродные братья, жившие в Кельчиюре, были моими друзьями. Чуть ли не каждый вечер мы гоняли мяч, играли в волейбол, ходили на ходулях. Я часто заходила к ним домой. Так и познакомилась с Аней. Подолгу общаться с ней было нелегко. Медлительная, погруженная в раздумья, с заторможенной речью, Анна догадывалась, что не похожа на других, и на её лице блуждала виноватая улыбка. Она словно просила прощения за то, что не такая, как все. Взглядом умоляла хотя бы чуть-чуть побывать с ней. Но я быстро уставала от неё и убегала к своим кельчиюрским подружкам. Анна не обижалась и всегда была рада вновь увидеться со мной.

Девочка из Вертеца была тяжело больна, но до последних дней ходила в школу. Она стала редко бывать в Кельчиюре, и её мама приглашала меня в гости в Вертец. Когда я входила в дом, лицо Анны расплывалось в улыбке. Она радовалась моему приезду.

Её мама плакала украдкой, наблюдая наши встречи. Анна любила посмеяться, поболтать. Ей доставляло удовольствие просто сидеть рядом и смотреть на меня. Моё присутствие в их просторном доме было для неё настоящим праздником. Но мне не сиделось: я скучала, искала повод, чтобы сбежать домой к таким же, как и я, бесполковым девчонкам. Всё реже я навещала Анну, а если приезжала к ней, то неохотно, как будто меня заставляли силой.

В девятом и десятом классах я училась в другом селе, жила в интернате и дома бывала редко. Подружку из Вертеца почти не вспоминала, не навестила её даже во время каникул. А больная девочка скучала, ждала меня...

Анна угасла в юном возрасте, когда молодые люди только начинают жить. Ей тогда было семнадцать, как и мне. Мы проводили Анну в последний путь, но мне почему-то плохо запомнился этот день. А сейчас, когда вспоминаю Анну, болит душа. Ведь она, как малый ребёнок, радовалась мне, делилась со мной самым сокровенным, а я ... я думала только о себе! Не хотела быть рядом, пока в ней теплилась жизнь. Мне не забыть её грустный взгляд и большие, с пожелтевшими белками глаза, в которых умещались и боль, и радость, и ставшее для неё привычным прощание с жизнью.

Подари мне солнце

«Подари мне солнце, солнце, солнце, жёлтый мячик в небе...» – пел молодой голос на быстро крутящейся грампластинке-открытке, которую привёз мне в погожее летнее утро ровесник младшего брата. Это был подарок от его двоюродного брата Вовы – моего одноклассника.

В школьные годы Вова, словно тень, всегда был неподалёку или рядом со мной. Доброжелательный, скромный, но вместе с тем шутливый, разговорчивый мальчик. С годами я всё чаще стала доставать из шкатулки с письмами его армейское фото. Со снимка на меня смотрит человек с красивым бледным лицом. У него цвета чёрной смородины глаза, длинные девчачьи ресницы, полные губы. В школьные годы многие из нас коллекционировали фотоснимки любимых актёров. Вова словно тоже был киноактёр.

Он следом за мной записался в лыжную секцию. Когда мне становилось жарко на лыжне, он нёс мои варежки, не отставая ни на шаг. Как только руки начинали мёрзнуть на ветру, в открытом поле, возвращал их...

Долго сижу с опущенной головой около нового креста, недавно появившегося среди могил на кладбищенской горе Кельчиюра. Плачу, мысленно исповедуясь перед тем, кого не сумела понять в школьные годы. Я хорошо помню, как при встрече мы подавали друг другу руки. Его ладонь была всегда робкой. Слишком поздно я поняла, что Володя был самым главным человеком в моей жизни...

После возвращения из армии Вова так и не женился. До меня дошли слухи о том, что он опустился, запил, попал в плохую компанию. Добром это не кончилось. Вова ушёл из жизни, отравившись алкоголем.

И мне не суждено было найти своё счастье, хотя выскочила замуж, вырастила двоих детей. Я часто думала о том, что надо бы вернуться в своё село, повидаться с Вовой, поговорить. Не успела: он ушёл в неведомую даль. Напоследок шепчу над его могилой: «Я хотела бы подарить тебе солнце, Вова, очень хотела». Но опоздала я со своим подарком. Жгучее солнце мне придётся нести в груди до самого конца, как свою вину перед Вовой, осевшую горечью в моей душе.

Тёплая сторонка

Стихотворения

Милая сердцу природа

Синеватая дымка
и пороша сошлись.
Озорной невидимка –
ветер тянется ввысь.
Живописным берёзам
из парчи с бахромой
неуёмным морозом
спит наряд неземной.
Солнце выглядят робко
по-над Ижмой-рекой,
от него, словно тропка,
свет в долине речной.
Песня милой природы
согревает меня,
поостывшей за годы
без родного огня.

Перевод Валерия Вьюхина

Природа – лучший друг

Алексею Ларионову

Когда услышу зов небес
печальный, неземной,
иду на лыжах в зимний лес,
чтоб отдохнуть душой.

Касаясь до лица, ресниц,
порошит мелкий снег.
На белых ветках стайки птиц
щебечут о весне.

Здесь хвойным воздухом дышу.
Тревоги прочь уйдут.
Сама себе наворожу
блаженство и уют.

Румянец вспыхнет, пот смахну.
Всем сердцем запою.
С сосной обнявшись, отдохну
и смолку пожую.

Счастливую улыбку вдруг
чудесный день зажжёт.
Природа – самый лучший друг,
согреет и спасёт.

Перевод автора

Просыпается родная сторона

Стужа на дворе, теплей не стало.
Небо хмурое в тумане задремало.
Слякоть на дорогах, гололёд,
и по зимнему одет народ.
Только видно, что сугробы тают.
Прихорашиваясь, женщины вздыхают.
Ветерок шалит по вечерам.
И кошачьи свадьбы тут и там.

Лиственницы не зазеленели.
Лопнуть на берёзах не успели
почки, и река покрыта льдом.
Не журчат ещё ручьи кругом.
Только слышно, как щебечут птицы,
и от солнечных лучей не спится.
Песенка весенняя слышна.
Просыпается родная сторона.

Перевод автора

Дары солнца

В океане небесном светило,
словно рыбка из сказки, плывёт.
Днём веснушки прохожим дарило,
серебрило снежинки вразлёт.

Свет с небес на сосновые ветки
бросил шали цветной бахромой.
Шаловливо берёзки-кокетки
золотистой укрыл пеленой.

Солнце светится в бусах рябины.
На стволах пряжу светлую вьёт.
Грозди шишек и елей вершины
озарились лучами с высот.

Дар от солнца весенним денёчком –
ослепительно солнечный миг...
Улыбаюсь я вербным пушечкам,
лыжи к дому несут напрямик.

Перевод Валерия Вьюхина

Летнее утро

С востока – утренняя свежесть.
Как маки, розов край небес.
Заря, в ночной тиши отнежась,
горит, как чудо из чудес.

Вот солнце, словно кот-мурлыка,
над горизонтом привстаёт.
Природа в неге светлолика.
Пылает печкою восход.

Улыбка солнца рдеет счастьем,
как золотистое яйцо.
И всё виднее с каждым часом
зари прекрасное лицо.

Прохладный ветер стих отчасти,
день поднимается с земли...
Дай Бог, чтоб в мире и соглась
по жизни бренной люди шли.

Перевод Валерия Вьюхина

Осень с грустными глазами

В тумане прячется прохлада,
как ранней осени душа,
ей солнца яркого не надо,
она без солнца хороша.

Где осень с грустными глазами
махала призрачным крылом,
монетки жёлтыми слоями
на тротуаре городском.

Всплакнёт обидчиво природа
в вечерних сумерках порой,
вскипит ветрами непогода.
И снова тих простор ночной.

Белей утрами твердь земная,
и холодней ночная мгла.
Жизнь много лучше обещая,
глядишь, зима в сердца вошла.

Перевод Валерия Вьюхина

Тёплая сторонка

Там, где листопад струится,
лиственница золотится,
светлый дождик серебрится,
родина моя.

Там, где мошки над лугами,
вешними березняками
и еловыми лесами, –
родина моя.

Где родник в тайге дремучей,
шелест ивушки плакучей
и рябинушки певчей, –
родина моя.

С каменистыми ручьями
и сосновыми борами,
с белоликовыми почами
родина моя.

С сенокосами, стогами
и со снежными полями,
лунных бликов куполами –
родина моя.

Где таинственные озёра
и студёных рек просторы,
лебединых стай заторы, –
родина моя.

Там, где бани лубяные,
голоса звучат родные,
гармонисты удалые, –
родина моя.

Там, где сердцу веселее,
где душе моей теплее,
жизнь дороже и милее,
родина моя.

Перевод автора

Стихотворения

Мои стихи, слезинок ожерелье,
как долго вы цедились из души,
текли ручьями, сыпались капелью,
и вдруг, как утро, вспыхнули в тиши.

Мои стихи румяными хлебами
на вид явились тихо и светло,
во мне вы зреди долгими часами,
дойдёт ли всем их давнее тепло.

Мои стихи готовятся на волю –
помочь кому-то словом и мечтой,
найти любовь, призвание и долю,
окрасить сны в оттенок неземной.

Перевод Валерия Вьюхина

Содержание

Дзоляньлён дзольгём	4	Менам бабе	50
Тятё	4	Первой тяпыш	52
Война	6	Шондіа морт	54
Выль вося козинъяс	7	Миян тётя Лида	56
Фронтлы отсöг	9	Асья чай	57
Чёсқыд пызы	10	Абъячойса ныв	59
Горт олысъяс	11	Аскедыс вae праздник	61
Тёвся каникул	13	Ва	63
Сьёкыд тулыс	15	Вуграсем	65
Мича платтьё	16	Выль шапка	67
Мыж	17	Майбыръяс	69
Лэчыд нывка	20	Дзоля космонавтъяс	71
Кынёмпöt	22	Гортын	72
Выя нянь	25	Велэдіс вермавны сьёкыдлунъяс	73
Свадьба	26	Кын яйлэн чёсқыд кöрыс	75
Бабу	29	Кöч гёстинеч	75
Рытпук	30	Ворсэм да олэм	76
Пёжар	32	Нывъёрт	77
Венчальной сарапан	34	Пöдарит мен шондi	79
Медводдза нажётка	36	Шоныдiн	82
Турунpunktом	38	Мада ывла выв	82
Дзолянь ключ	40	Ыллаись он ум	83
Мамо	41	Ловзьё чужанiн	84
Менам шоныд díяс	45	Шондiлон козинъяс	85
Ёртъяс	45	Гожся асыв	86
Кельчиюр	46	Жугыль синъяса ар	87
Шоныд di	48	Шоныдiн	88

Кынбурьян	89	Моя бабушка	147
Кывчукёр	90	Первая лепёшка	150
Журчание родника	92	Солнечный человек	151
Титенки	93	Наша тётя Лида	154
Война	95	Утренний чай	155
Новогодние подарки	98	Девушка из Объячево	156
Всё для фронта	100	Женщина-праздник	158
Вкусная мука	101	Вода	160
Одни дома	103	Рыбалка	162
Зимние каникулы	105	Новая шапка	165
Трудная весна	108	Счастливое детство	166
Красивое платье	109	Маленькие космонавты	169
Проступок	110	Отчий дом	171
Непоседа	114	Учил бороться с трудностями	172
Добытчики	117	Вкусная оленина	173
Хлеб с маслом	120	Заячий гостище	174
Свадьба	121	Игра во взрослую жизнь	175
Бабушка	124	Подруга	176
Посиделки	126	Подари мне солнце	177
Пожар	127	Тёплая сторонка	180
Венчальный сарафан	130	Милая сердцу природа	180
Первая получка	132	Природа – лучший друг	181
Сенокос	134	Просыпается родная сторона	182
Родничок Дзолянь	137	Дары солнца	183
Маменька	139	Летнее утро	184
Мои тёплые острова	142	Осень с грустными глазами	185
Друзья-товарищи	142	Тёплая сторонка	186
Кельчиюр	144	Стихотворения	187
Тёплый островок	145		

Литературно-художественное издание

Для детей среднего и старшего школьного возраста

ВТЮРИНА ЛЮДМИЛА ЗАРНИЕВНА
(ЗАРНИ ЛЮСЯ)

ЖУРЧАНИЕ РОДНИКА

Повести и стихотворения на коми и русском языках

Издаётся в авторской редакции

Дизайн, вёрстка – Гусев А. А.
Предпечатная подготовка – Загорянский Н. К.

Подписано в печать 12.12.2016. Формат 70x90/12
Бумага офсетная. Гарнитура «Marta». Печать офсетная. Усл. печ. л. 18,67.
Тираж 300. Заказ № 5287

ISBN 978-5-7934-0694-9

9 785793 406949

Разработано и отпечатано
в ООО «Коми республиканская типография»
167982, Республика Коми,
г. Сыктывкар, ул. Савина, д. 81.
Телефон: (8212) 28-46-71, 28-46-72.
Электронная почта: planeta7@komitip.ru, op6@komitip.ru

300-

МБУК "Ижемская МБС"

МБУК "Шахтерская МБС"